

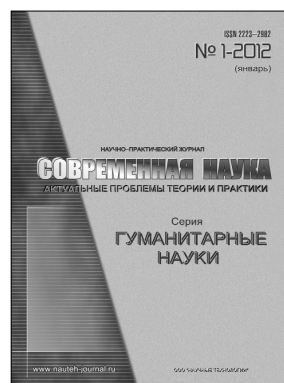
СОВРЕМЕННАЯ НАУКА :
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

№ 1–2012 (январь)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной
ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Scientific and practical journal

В НОМЕРЕ:

РОССИЙСКАЯ БЮРОКРАТИЯ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ,
ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ПОЛИТОЛОГИЯ,
ПСИХОЛОГИЯ, СОЦИОЛОГИЯ,
ФИЛОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ

Редакционный совет

- В.Л. Степанов** – д.и.н., профессор, Институт экономики РАН
Ю.Б. Миндлин – к.э.н., доцент, Всероссийская государственная
налоговая академия Минфина РФ
Э.Н. Алиева – д.ф.н., профессор, Московский институт
экономических преобразований
А.А. Белик – д. филос.н., профессор, Институт этнологии и
антропологии РАН
М.В. Михайлова – д.ф.н., профессор, МГУ им. М.В.Ломоносова
Я.М. Нейматов – д.п.н., профессор, Фонд развития
инновационных технологий РФ
Н.О. Осипова – д.ф.н., профессор, Московский гуманитарный
университет
В.В. Петрусинский – д.п.н., профессор, Российская Академия
народного хозяйства и государственной службы при
Президенте РФ
Г.М. Пономарева – д.филос.н., профессор, МГУ им.
М.В.Ломоносова
Н.Л. Пушкарева – д.и.н., профессор, Институт этнологии и
антропологии РАН
А.И. Савостьянов – д.п.н., профессор, Московский
педагогический государственный университет
А.Е. Чирикова – д.соц.н., Институт социологии РАН
В.Н. Шаленко – д.соц.н., профессор Российского
государственного социального университета
Н.А. Шведова – д.полит.н., профессор, Институт США и Канады
РАН
С.А. Экштут – д.филос.н., профессор, Институт всеобщей
истории РАН

Журнал издается с 2011 года

Редакция:

Главный редактор
В.Л. Степанов
 Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин
 Корректор
Е.В. Михайлова
 Верстка
VIP Studio ИНФО (www.vipstd.ru)

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Почта России» – 80015

В течение года можно произвести
подписку на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей
несут полную ответственность за точность
приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: Актуальные проблемы
теории и практики» обязательна.

Издатель: Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр–т, 116–1–10
Тел./факс: 8(495) 755–1913
E–mail: redaktor@nauteh-journal.ru
Http: // www.nauteh-journal.ru
Http: // www.vipstd.ru/nauteh

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в
сфере массовых коммуникаций, связи
и охраны культурного наследия.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77–44913 от 04.05.2011 г.

Журнал отпечатан в типографии

ООО «КОПИ–ПРИНТ»
тел./факс: (495) 973–8296

Подписано в печать 23.12.2011г.
Формат 84x108 1/16
Печать цифровая

Заказ № 0000
Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2982

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

РОССИЙСКАЯ БЮРОКРАТИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Ю.Б. Миндлин – Феномен бюрократии
Y.B. Mindlin – The phenomenon of bureaucracy 3

А. Горак – Об избранных направлениях изучения бюрократии
Российской империи
A. Gorak – The Selected research directions of the bureaucracy in
Russian Empire 7

А.С. Минаков – Губернаторский корпус пореформенной России:
состав и механизмы формирования
A. Minakov – The governors of post-reform Russia: composition
and formation mechanisms 11

М.М. Леонов – Протежирование в среде российской
бюрократии во второй половине XIX – начале XX в.
M. Leonov – Patronage in Russian bureaucratic milieu at the sec-
ond half of XIX – beginning of XX centuries. 20

С.В. Куликов – Социальная эволюция бюрократической элиты
Российской империи в начале XX в.
S. Kulikov – The Social evolution of the Bureaucratic Elite of
Russian Empire in XX century 29

Э.О. Сагинадзе – С.Ю. Витте – новый тип российского
бюрократа.
E. Saginadze – S.Y. Witte as a Russian bureaucrat's new type 35

ИСТОРИЯ

И.Н. Гребенкин – Ставка Верховного главнокомандующего в
февральском перевороте 1917 г.
I. Grebenkin – The Supreme Commander's Headquarters In
February 1917 Revolt 42

А.К. Кириллов – Секреты Полишинеля: когда закончилась
"оттепель" XIX столетия?
A. Kirillov – Secrets: When Did The 19th Century Thaw End? . 48

М.В. Ковалева – Европейские женщины-художницы XVII в.
M. Kovaleva – The European women-artists of 17 centuries 53

ПЕДАГОГИКА

К.А. Горелова – Концептуальные подходы к профессиональ-
ному развитию педагогов высшей школы в условиях рисков
L. Gorelova – Concept approaches to professional development of
high school teachers in conditions of risk 60

А.В. Кузьмина – Реализация формирования информационно-
математической компетенции будущих специалистов
экономического профиля
A. Kuzmina – The formation of information and mathematical
competence professional future economic profile 63

Е.П. Максачук – Роль мотивационно-потребностной сферы в
развитии спортивной карьеры
E. Maksachuk – The role of need-motivational sphere in the
development of sports career 66

ПОЛИТОЛОГИЯ

О.В. Зылёва – Контексты и акторы международной миграции
O. Zylva – Contexts and Actors of International Migration ... 68

И.А. Пашинян – Риски лжи и фальсификации в СМИ в совре-
менном обществе
I. Pashinyan – Risks of lie and falsification in media in a modern
society 71

ПСИХОЛОГИЯ

Е.В. Распопин – Индивидуально-психологические характе-
ристики стрессоустойчивой личности
E. Raspopin – Individual-psychological characteristics of individual
resistance to stress 76

Т.А. Серебрякова, Н.В. Хворостинина – Экспериментальный
подход к изучению особенностей и возможностей развития
волевой сферы детей младшего дошкольного возраста
T. Serebryakova, N. Hvorostinina – Experimental approach to
studying of features and possibilities of development of strong-
willed sphere of children of younger preschool age 78

СОЦИОЛОГИЯ

В.И. Аleshин – Профессиональная компетентность в системе
инженерно-технической деятельности: критерии и механизмы
изменения
V. Aleshin – Professional competence in the engineering and tech-
nical activities: criteria and mechanisms for changing 83

Н.В. Шеляхина – Языковые интеракции на постсоветском
пространстве в условиях современных социальных
трансформаций
N. Shelyakhina – Languages' interaction on the postsovjet terri-
tories in the context of the modern social transformations ... 89

ФИЛОЛОГИЯ

Г.А. Гнездилова – Функции аффикса –ся в глаголах
древнерусской письменности XI–XIII веков в диахроническом
аспекте
G. Gnezdilova – Functions of the Affix –s'a in Verbs of the Ancient
Russian of the XI – XIII c. in diachronie 91

Е.А. Маклакова – Теоретические и прикладные проблемы
семного описания семантики слова (на материале
наименований лиц в русском и английском языках)
E. Maklakova – Theoretical and applied problems OF WORD
semantic description with semEs (based on Russian and English
persons' nominations) 97

ФИЛОСОФИЯ

А.С. Чесноков – Современная космология: критика и новая
картина мира
A. Chesnokov – Modern Cosmology: criticism and a new picture of
the world 104

ИНФОРМАЦИЯ

Наши Авторы / Our Authors 108
Требования к оформлению рукописей статей,
направляемых для публикации в журнале 109

№ 1-2012 (январь)

CONTENTS

ФЕНОМЕН БЮРОКРАТИИ

THE PHENOMENON
OF BUREAUCRACY

Y. Mindlin

Annotation

At one time Chancellor of the German Empire, Prince Bismarck (1815 – 1898) noticed that when bad laws, but with good management officials still possible, but when bad officials will not help any laws. For Russia, where the bureaucracy has a huge impact on all spheres of public life, these words could not be more timely. Our further development depends largely on the improvement of technology in the public service and progressive forms of labor organization officials, new methods of stimulation. These days, especially intolerable conciliatory attitude to the force of inertia in government, to the old habit, red tape, formalism, to what is different shades of the phenomenon of bureaucracy.

Keywords: bureaucracy, the phenomenon of the administration, the unit, management, technology.

Аннотация

В свое время канцлер Германской империи князь Бисмарк (1815–1898) заметил, что при плохих законах, но с хорошими чиновниками управление еще возможно, но при плохих чиновниках не помогут никакие законы. Для России, где бюрократическая система оказывает огромное влияние на все сферы общественной жизни, эти слова как нельзя более актуальны. Наше дальнейшее развитие во многом зависит от совершенствования технологии в сфере государственной службы, прогрессивных форм организации труда государственных служащих, новых методов их стимулирования. В наши дни особенно нетерпимо примирительное отношение к силе инерции в государственном управлении, привычке к старому, волоките, формализму, к тому, что составляет различные оттенки такого явления, как бюрократизм.

Ключевые слова:

бюрократизм, феномен, администрация, аппарат, управление, технология.

**Бюрократизм как форма абсолютизации
роли административного аппарата
в управлении**

Что такое бюрократия и бюрократизм? Оба явления представляют собой формы управленческой деятельности. Существует два подхода к толкованию этих понятий – традиционный и веберовский (по имени М. Вебера). При традиционном подходе между этими понятиями, во-первых, не делается различия и они используются как синонимы, а во-вторых, смысл бюрократии ассоциируется с рутинной в деятельности государственных чиновников, их медлительностью, усложнением организационных процедур, игнорированием реальных интересов, нужд и потребностей людей. По мнению В.И. Даля, бюрократия – это "управление, где господствует чиновначалие; степенная подчиненность; зависимость каждого лица от высшего и бумажное многописание при этом; многоначалие и многописание" [1]. У любой бюрократии, в какой бы сфере она не проявлялась, есть, искушение воспользоваться своим положением, своим превосходством над рядовым гражданином. Но В.И. Даль не заметил главного в деятельности бюрократа – равнодушие, а подчас и издевательское отношение к людям – "просителям" и изрядно распространенное "мздоимство".

Бюрократизм (фр. bureau – бюро, канцелярия и гр. kratos – власть) возникает при отрыве органов власти (особенно работников канцелярий, аппарата) от населения, "электората". Он связан с иерархической структурой власти. Это специфическая форма социального управле-

ния в обществе, в котором центры исполнительного руководства практически независимы от интересов решений большинства членов общества, а задачи функционирования подчинены целям сохранения и укрепления этих центров (государственных органов).

В широком смысле слова бюрократизм связан с призрачным пониманием и осуществлением государственной власти – политической, экономической, организационной и др. Государственное управление вырождается в бюрократизм тогда, когда начинает замыкаться на самом себе. Оно перестает ориентироваться на задачи конкретных социальных организаций, общества в целом, а сосредоточивается на удовлетворении собственных потребностей. Бюрократизм – это искаженная форма государственного управления, система политического и социального руководства, основанная на отрыве органов власти от воли членов общества и направленная на удовлетворение своих корпоративных, узкокорыстных интересов.

Другой подход к истолкованию данного понятия связан с именем одного из крупнейших социологов XIX – начала XX в. Максом Вебером. В своей работе "Политика как призвание и профессия" он анализирует легитимные типы государства, которых насчитывает три – патриархальный, харизматический и легальный [2].

Патриархальное (традиционное) государство, обусловленное правами, привычкой к определенному поведению, основано на вере не только в законность, но даже в священность издревле существовавших порядков и вла-

стей. Этот тип по своей структуре во многом сходен со структурой патриархальной семьи, что делает этот тип легитимности особенно прочным и устойчивым. Здесь не столько служебная дисциплина или деловая компетентность, сколько личная преданность служит основанием для назначения на должность и для продвижения по иерархической лестнице. Поскольку ничто не ставит предела произволу господина, то иерархическое членение государственных должностей часто нарушается дарованными привилегиями.

Харизматический тип легитимного господства основан на харизме (гр. *charisma* – божественном даре), некой экстраординарной способности, выделяющей индивида среди остальных людей. Она не столько приобретается им, сколько даруется ему – природой, богом, судьбой. К харизматическим качествам Вебер относит магические способности, пророческий дар, выдающуюся силу духа и слова. Ими обладают герои, великие полководцы, маги, пророки и провидцы, гениальные художники, выдающиеся политики, основатели мировых религий (Будда, Иисус, Магомет), основатели государств (Солон, Ликург), великие завоеватели (Александр Македонский, Цезарь, Наполеон). Основной базой харизматического господства является аффективный (необычный, неестественный) тип социального действия.

Легальный тип государства характерен для европейских стран конца XVIII и начала XIX столетий, где люди подчиняются не личностям (королям, императорам), а законам. В этих государствах аппарат управления состоит из специально обученных чиновников, к которым предъявляются требования действовать по строго формальным и рациональным правилам. Именно данную форму управления Вебер и назвал «рациональной бюрократией». Легальное господство, в основе которого лежит формально-правовое начало, оказалось одной из необходимых предпосылок развития современного капитализма как системы формальной рациональности [2].

Действительно, в любой системе государства происходит деление на политических руководителей и обслуживающий аппарат, чиновников, работу которых Вебер называет «бюрократией». По словам В.Г. Смолькова, бюрократия в своем естестве «является прогрессивной технологией, позволяющей значительно рационализировать процесс управления и повысить эффективность организации. Бюрократическая модель означает, что работники должны действовать не как частные, а как формальные лица, наделенные определенными правами и ответственностью» [5]. Другими словами, бюрократия в этом смысле – это целесообразная деятельность государственного аппарата, без которой не может обойтись никакая система управления.

Бюрократия как рациональная деятельность аппарата государственных органов естественно отличается от бюрократизма как искаженной деятельности того же аппарата по удовлетворению своих корпоративных, узкокорыстных интересов. Первое нацелено на добросовестное служение обществу, второе замыкается на себе. Но между этими типами управления нет непреодолимой

пропасти. Бюрократия при определенных условиях может перерасти в бюрократизм. И напротив, бюрократизм под воздействием социального и государственного контроля может стать рациональной бюрократией или административным (аппаратным) управлением. Именно эта задача по трансформации современного бюрократизма в рациональную бюрократию в полный рост встала перед нашим обществом.

Возникновение бюрократии и бюрократизма органично связано с возникновением и развитием государства, т. е. политической власти, при которой появляется экономическая и административная соподчиненность, зависимость одной части государственных работников (аппарата) от другой (политических руководителей). По мнению К. Маркса, бюрократия есть «государственный формализм». В определенных условиях она «составляет, следовательно, особое, замкнутое общество в государстве», «считает самое себя конечной целью государства». И потому вынуждена «выдавать формальное за содержание, а содержание – за нечто формальное. Государственные задачи превращаются в канцелярские задачи, или канцелярские – в государственные» [3].

Для бюрократизма характерна вера в авторитет вышестоящих лиц, в механизм твердо установленных формальных действий, готовых принципов, воззрений, традиций. «Что касается отдельного бюрократа, – утверждал К. Маркс, – то государственная цель превращается в его личную цель, в погоню за чинами, в деланье карьеры» [3]. Следует сказать, что в работах классиков марксистской мысли между понятиями «бюрократия» и «бюрократизм» не делается различия. Оба они используются для обозначения такого государственного управления, которое направлено на удовлетворение корыстных интересов осуществляющих его людей (чиновников и политических руководителей). Бюрократические методы несовместимы с демократией, с повсеместным контролем народных масс. Социальная природа бюрократизма направлена как раз на то, чтобы скрыть все, что может вызвать нежелательное вмешательство в дела аппарата государственных органов, в подрыв их беспредельной власти. Бюрократизм спонтанно порождает тенденцию к самовозрастанию секретности аппаратной деятельности. Здесь действует объективный закон, по которому бюрократизм государственных структур возрастает прямо пропорционально росту закрытости и времени существования этих структур. Если государственный орган не стремится сделать свою деятельность открытой и доступной для понимания населения, а использует приемы и методы сокрытия своих дел, то, естественно, его бюрократия растет и крепнет.

Технология бюрократической власти

После революции 1917г. Россия осталась преимущественно крестьянской страной, сохранившей во многом патриархальную культуру, приверженность старым механизмам регулирования общественных отношений. Истоки бюрократии и консерватизма кроются в истории развития нашей страны, в отсутствии широких демократических традиций, в крестьянской отсталости. Бюрократ-

тия обладает удивительной живучестью, она насаждает стиль и методы предшествующих эпох и поколений. В самом факте ее существования подтверждается мысль К. Маркса о том, что "традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых".

Централизация власти, осуществленная И.В. Сталиным, привела к тому, что государство и его управленческий аппарат превратились в монополистов не только средств производства предприятий, а стали жестко диктовать и распределительные отношения, узурпируя результаты труда коллективов, подрывая их заинтересованность в эффективности производства. Догматическая абсолютизация государственной собственности обернулась на деле расширением пространства для консерватизма и бюрократизма, породила уравниловку, безынициативность, низкое качество продукции. Все это приводило к нарушению одного из основных принципов социализма: "От каждого – по способности, каждому – по труду".

Оторванность партийно-государственного аппарата от интересов масс, закостенелость форм и методов управления привели к тому, что основные признаки государственно-бюрократической системы стали трактоваться как неотъемлемые характеристики нового способа производства. В качестве этих признаков стали называться иерархическая система управления, ее административные методы, игнорирование экономических стимулов хозяйствования, стирание граней между исполнительной властью и законодательной, политико-административное обобществление средств производства и др. Причем эти признаки рассматривались как чуть ли не построенный социализм.

После смерти В.И. Ленина, в конце 1920 – начале 1930-х гг. обстановка в стране круто изменилась. Нарушение демократических основ социалистического строя коснулось не только юридической науки, но и судебной практики. С переходом от нэпа к жестким, централизованным способам проведения индустриализации и коллективизации возникла административно-приказная система управления и юридического регулирования. Функции органов управления (исполнительная власть) гипертрофировались, а представительных (законодательная власть) – принижались. Роль отсутствующих законов выполняли указы, постановления правительства и ведомственные инструкции, престиж официальных государственных институтов падал.

В советское время за годы культа личности и застоя в нашей стране сформировалась довольно многочисленная бюрократическая прослойка, которую некоторые исследователи рассматривали даже в качестве особого общественного класса. К началу перестройки численность работников только государственного аппарата управления достигла 15 млн. человек, т.е. приблизилась к численности класса крестьян. В стране имелось около 3000 союзных и республиканских министерств и ведомств. Кроме того, значительный аппарат управления имелся в колхозах и различных формах кооперации, в партии, профсоюзах, комсомоле и многих других общественных

организациях. Вся эта огромная и громоздкая машина осуществления социальной власти была поражена бюрократической болезнью. Работники партийных органов вознеслись над обществом, стали управлять им как некая внешняя сила, которой не было никакого дела до действительных нужд и чаяний населения.

Каковы особенности советской бюрократической командно-административной системы?

Важнейшей чертой этой командно-административной системы являлся ее партократический характер. Помимо государственной власти в стране сформировалась еще одна власть – партийных органов, которая и подчинила себе все другие формы власти. Партийные руководители оказались на самом вершине управленческой пирамиды.

Другой чертой этой системы был тоталитаризм, огосударствление всех сфер и отраслей социальной деятельности. И как следствие – наряду с нейтралистским абсолютизмом на всех этажах управленческой иерархии процветали произвол и злоупотребление властью, почти полная социальная незащищенность личностей, трудовых и территориальных коллективов. В противовес официально санкционированным теориям и концепциям широкое распространение получили различного рода конформистские истолкования происходивших событий на уровне обыденного сознания.

Конечно, сейчас редко кто ратует за сохранение командно-административных методов управления. Но скрытое упование на них, замаскированное заботой о поддержании дисциплины, централизма, еще весьма значительно. Не взирая на все сокращения и реорганизации, численность управленческого персонала государственных органов по-прежнему увеличивается.

Любой человек или группа людей (общность), действуя в рамках бюрократической системы, вольно или невольно являются носителями ее сущности. Это проявляется в том, что они понимают ненужность тех или иных бумаг, подписей, согласований и т.д., но требуют их, "потому что такой порядок". Подобные руководители не могут самостоятельно решить подчас элементарные вопросы без согласования с вышестоящими инстанциями. Любой отдельный бюрократ выступает как проявление всех основных черт такого родового явления, как бюрократия.

Каковы социальные предпосылки современной бюрократии?

Во-первых, отставание деятельности управляющей подсистемы (или субъекта управления) от уровня деятельности управляемой подсистемы (или объекта управления). Созданная в ходе постсоветского развития относительно простая управляющая система, столкнувшись с процессом усложнения общественного организма, пытается решать задачу двумя путями. Прежде всего, за счет самоусложнения, что приводит к безудержному росту аппарата управления, увеличению уровней иерархии (количеству "звеньев" в управленческой цепочке), бурному росту разнообразных потоков бумаг и т.д. Затем за счет упрощения управляемой системы, что породило стремление к унификации ее элементов и структур, к единообра-

зию и стандартизации их функций. Использование именно этих двух путей обусловило формирование той бюрократической управленческой системы, с которой мы теперь имеем дело.

Во-вторых, отсутствие или несовершенство механизмов контроля со стороны управляемой подсистемы (или народа) за деятельностью управляющей подсистемы (или политических руководителей и гражданских служащих). В состав обратных связей на социальном уровне должны входить не только информация о состоянии управляемой подсистемы, но и механизм контроля управляемой подсистемы за характером деятельности управляющей подсистемы. Именно отсутствие этого механизма в виде правовых регламентации, гласности, демократии и т.д. привело к тем многочисленным беззакониям и искажениям, которые характерны для нашей системы государственного управления.

В современных условиях бюрократия является ярким противником широкого участия населения в управлении делами общества. Она всегда абсолютизирует роль централизации, не терпит самоорганизации, самоуправления, всячески мешает разворачиванию различных форм демократии. Бюрократия создала и продолжает плодить огромное число разных помех, запретов, ограничений, которые связывают инициативу людей. Без постоянной, настойчивой и последовательной борьбы с бюрократией решение многообразных задач по реформированию нашего общества практически невозможно.

Бюрократия может не только задержать реформы, сделать их мучительно долгими, но и задавить их, свести на нет все их привлекательные идеи и намерения. Абсолютное большинство наших политических руководителей и государственных служащих от низшего до самого высшего уровня даже теоретически не понимают и тем более психологически не воспринимают скоротечность или, по крайней мере, конечность своего пребывания во власти. Они не умеют, да и не хотят строить свою работу и жить так, чтобы через четыре, максимум восемь лет покинуть свой пост, оставив после себя завершённые реформы, добрую память и неразворованную казну.

Отчасти это политико-психологическое наследие сословных традиций самодержавия, в ещё большей степени – традиций советской номенклатурной системы. Как известно, в номенклатуру в советские времена было трудно проникнуть, но почти невозможно, при соблюдении определенных правил, было из нее выпасть. Такую практику В. Третьяков называет "презумпцией номенк-

латурности"[4], т.е. несменяемостью, закреплённой множеством старых советских и новых рыночных привилегий, которая до сих пор царит практически на всем постсоветском пространстве, доминирует в психологии как назначаемых чиновников, так и избранных депутатов, мэров, губернаторов, республиканских президентов. Подобная психология приводит к тому, что предпринятые мероприятия редко заканчиваются в запланированный срок. Должностными лицами почти никогда вовремя не выполняются обещания, данные подчиненным или обществу.

Для тех, кто в силу неизбежных условностей современной России все-таки должен покинуть свой пост, создаются (за государственный счет, т.е. за счет налогоплательщиков) синекеры – политические, финансовые, научные, общественные и т.п. фонды, институты, корпорации, банки, ассоциации и др. Модернизация российской номенклатуры пока заметна только в одном – наиболее дальновидные и располагающие соответствующими постами чиновники и народные избранники, не доверяя свою судьбу только государству бюрократов, сами (но за наш счет) готовят себе запасные аэродромы, а главное – откладывают деньги, получаемые отнюдь не в служебных кассах.

Из многих фундаментальных составляющих демократии самым актуальным и до сих пор невостребованным в России является не выборность и не разделение власти (что, несомненно, чрезвычайно важно), а ограничение сроков пребывания у власти, которое создает психологический и политический фундамент нравственной ответственности. Безусловно, есть реформы, которые требуют для своего совершения десятилетий. Но все это не отменяет необходимости ликвидации презумпции номенклатурности. Без этого нельзя даже теоретически добиться того, чтобы человек довершил то, что начал, в срок своего пребывания во власти.

Необходимость изучения корней, происхождения и эволюции Российской бюрократии, ее сущности и особенностей имеет огромное значение для преодоления негативных сторон в современном бюрократическом аппарате власти.

Богатое содержание для анализа бюрократии дает историческое прошлое. В России впервые целостное представление о государственной бюрократии было изложено в "Табели о рангах", принятой Петром I в 1722г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Толковый словарь Даля онлайн <http://slovardalja.net/word.php?wordid=2480>
2. М. Вебер, Политика как призвание и профессия. 1918., – Пер. с нем./Сост., общ. ред. Ю. Н. Давыдова; – М.: Прогресс, 1990. – 808 с
3. Маркс К., Энгельс Ф.. Сочинения в тридцати девяти томах (2-е издание) Т. 1 <http://lib.rus.ec/b/341617/read>
4. Третьяков В. Российская газета. 2004. 21 окт.
5. Смольков В.Т. Бюрократия и бюрократизм: как свести болезнь к минимуму? // Государственная служба. 2002. № 1(15).

ОБ ИЗБРАННЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ИЗУЧЕНИЯ БЮРОКРАТИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

THE SELECTED RESEARCH DIRECTIONS OF THE BUREAUCRACY IN RUSSIAN EMPIRE

A. Gorak

Annotation

This article deals with the directions of the study of bureaucracy, as a universal and yet indispensable management model. The author emphasizes the need to study this issue in historical context, because of the richness of empirical experience in the application of this model. Returns a special attention to contemporary research directions, based on the concept of knowledge management. In this context, the author draws attention to two key issues:

1) the research of staff offices (as carriers of knowledge), 2) diplomatics and records management (as carriers of information)

Keywords: Russian Empire, Bureaucracy, records management, officialdom, diplomatics

Горак Артур

Доктор, адъюнкт

Университет, Марии Кюри–Склодовской,

Люблин, Польша

Аннотация

В статье идет речь об актуальности изучения бюрократии как универсальной и пока незаменимой модели управления, подчеркивается важность анализа этой темы в контексте исторического опыта. Особое внимание уделяется современному научному подходу, опирающемуся на концепцию управления знаниями, ставятся две ключевые проблемы, связанные с исследованием состава персонала чиновников и системы документационного обеспечения.

Ключевые слова:

Российская империя, бюрократия, делопроизводство, документальное обеспечение, дипломатика.

Бюрократия сопровождает человеческую цивилизацию от самого рассвета ее истории, является универсальной формой организации управления, которая присутствует почти во всех обществах. Сам термин был уже хорошо известен в XIX веке [1], но только М. Вебером была разработана и обоснована идеальная модель бюрократии, признанная им наиболее рациональной формой управления [2]. Ее сторонники утверждают, что бюрократия – единственная известная в настоящее время форма социальной организации, которая позволяет обществу достигнуть уровня современного индустриального государства, способного обеспечить высокий уровень жизни населения.

Веберовская модель основана на предположении, что человек может общаться в профессиональной среде безлично, внутренне освободившись от всех своих качеств, непосредственно не связанных с должностными обязанностями. Формирование этой идеальной модели является целью, достижение которой обеспечивает выполнение правил, сформулированных Вебером.

Бюрократия вполне соответствует не только индустриальному, но и информационному обществу, как высшей стадии развития социума [19, с. 29–46], но ее формирование и функционирование невозможны без достижения определенной зрелости общественной организации и системы управления, прежде всего без создания независимой и устойчивой культуры организации. Такой подход в корне отличается от поверхностных взглядов на бюрократию (как ее сторонников, так и противников), ко-

торые основываются главным образом лишь на учете формальных критериев.

Применительно к Российской империи эти соображения заставляют нас, в первую очередь, обратить особое внимание на проблемы управления бюрократическим персоналом и циклов прохождения документов по инстанциям в государственных учреждениях [3]. В последние десятилетия российское чиновничество является объектом исследований, проводимых с использованием различных современных методов (прозопографии, биографистики и др.).

Но, несомненно, следует иметь в виду и региональную специфику империи, учитывать широкий диапазон различий между центром и окраинами. Значительный научный интерес представляет изучение местной бюрократической традиции и моделей управления в отдельных регионах [4], которые далеко не всегда принимаются в расчет исследователями. Несомненно, что имперскую политику по отношению к национальным окраинам (Царству Польскому, прибалтийским губерниям, Грузии и Финляндии), особенно в первой половине XIX в., нельзя сводить только к русификаторским методам. Об избирательности подхода к управлению этими регионами свидетельствует пример проведения в Царстве Польском после 1863 г. правительственных мероприятий, ранее апробированных в Грузии [5].

В последнее время внимание ученых привлекает также вопрос об особенностях управления на "внутренних

окраинах". В октябре 2010 г. были подведены итоги международной дискуссии по истории местного управления пореформенной России, проводившейся под эгидой Российской академии наук [6]. На ней было констатировано, что в пореформенный период модели имперского управления в регионах непосредственно влияли на уровень эффективности реализации властных полномочий [7]. Поэтому специфика унификации "внутренней периферии" в рамках в рамках общего процесса расширения "ядра" империи является одной из ключевых проблем данной тематики.

Следует подчеркнуть значение прозопографии как одной из вспомогательных исторических дисциплин, целью которой является идентификация и изучение индивидуумов "в плане карьеры, ведущей к обладанию и осуществлению власти" [20, с. 89]. Применение этого метода началось в конце XIX в. в работах историков античности [21]. Прозопография дает возможность рассматривать человека в контексте происхождения, социального положения, карьеры, места в родоплеменной иерархии или профессиональной группы. Выделение и анализ однородных групп – уникальная возможность для исследователей чиновничества имперского периода, но при этом следует по мере возможности избегать биографического подхода. Массовые, однородные источники (напр., послужные списки) легко поддаются обработке посредством компьютерной базы данных.

Вторая ключевая проблема, связанная с изучением этой темы – документированное обеспечение процесса управления, так как деятельность бюрократии базируется на официальном делопроизводстве. М. Вебер писал: "Опыт показал, что чисто бюрократическое и, следовательно, бюрократически-монархическое документированное управление с точки зрения точности, стабильности, дисциплины, гибкости и надежности обеспечивает его предсказуемость (как с точки зрения должностного лица, так и заявителя), интенсивность, возможность применения во всех сферах государственной жизни, является наиболее эффективной и рациональной формой администрации" [2, с. 166]. Совершенствование этой системы дает импульс к изучению информационных потоков в учреждениях, и, следовательно, и управления знаниями.

При оценке важности поставленной проблемы следует учитывать основные характеристики бюрократического делопроизводства, которые до сих пор не были подвергнуты критике: 1) профессиональные знания, которые играют важную роль в приеме на службу, распределении обязанностей и др.; 2) документирование и архивирование официальных действий и процедур, ведущих к принятию решений. М. Вебер более ста лет тому назад указывал на необходимость создания систем архивирования и расширения баз данных. Конечно, в то время они не были столь обширными, как сегодня (благодаря достижениям в области информационных технологий), но, тем не менее, являются неотъемлемой частью бюрократической орга-

низации; 3) секретность, т. к. профессиональная этика требует неразглашения деловой информации и ограничения доступа к документам [8].

Ключевым элементом бюрократической системы является Канцелярия в широком смысле слова, изучение которой позволяет историку понять специфику источниковой базы исследования темы. При этом следует учитывать связь содержания делопроизводственной деятельности и форм документации. Канцелярия выполняет следующие функции: 1) управление потоками зафиксированной в документах информации – выработка и внедрение регламентации делопроизводственной процедуры прохождения документов; 2) забота о физической сохранности документов и ограничении доступа к их содержанию; 3) фиксирование информации в определенной форме и хранение документов в систематизированном порядке в рамках отдельных фондов.

На этом основании приходим к выводу, что Канцелярия (как и любая делопроизводственная структура) не может изучаться в отрыве от организации власти, которой она используется. Г.О. Мейснер считает, что акты, которые возникли как результат официальной деятельности органов и должностных лиц, могут быть поняты только путем изучения их создателей. Поэтому обязательной составной частью исследования определенного комплекса делопроизводственных документов должно быть изучение конкретного административного органа, его структуры и служащих в нем должностных лиц, а также процедуры подготовки и прохождения актов [9, с. 52–96]. Вместе с тем не следует забывать, что создание документации является не целью учреждения, а только средством осуществления власти [10, с. 206] и повышения эффективности управления. Поэтому выбор той или иной делопроизводственной системы следует рассматривать как результат сознательного решения власти, выполняемый должностным лицом.

Применительно к России подобные научные постулаты обоснованы Л.Е. Шепелёвым. Он отметил, что во время источниковедческого анализа делопроизводственных документов главная задача заключается в исследовании трёх аспектов: 1) организационной структуры и полномочий органов власти, 2) чиновничьего аппарата, 3) делопроизводственной системы этих учреждений [11, с. 32]. По мнению Л.Е. Шепелева "делопроизводство государственных учреждений есть органическая часть их деятельности, она тесно связана как со статусом, так и с организационным устройством учреждений". Поэтому в ходе исследования следует определить предназначение документа, его форму и функцию. Кроме того, Л.Е. Шепелёв подчеркнул необходимость изучения "жизни" документа в учреждении – обстоятельств, сопровождающих его возникновение, движение и место в принятой системе хранения [11, с. 35].

Связь делопроизводство–власть является двуна-

правленной, т.е. с одной стороны, документ как инструмент власти определяет ее деятельность, а с другой – власть влияет на характер делопроизводства (канцелярские функции, формуляры документов и др.). В этом нас убеждает работа Л. Мазур [12]. Автор ясно показывает связь между фазами эволюции форм административной власти в России и формами принятия решений (коллективной и единоличной), которые, в свою очередь, определяют ключевые особенности делопроизводственной системы ("документирования"). "Документ превращается в символ бюрократической системы и непосредственно отражает все аспекты ее функционирования, трансформации и цивилизационные особенности, – подчеркивает Л. Мазур. – Эти два явления – бюрократическая система и делопроизводство находятся в непосредственной связи и обладают взаимной энергетикой, дополняя и конструируя друг друга" [12, с. 64].

Акцентуация документа как инструмента власти со всеми вытекающими из этого отношения зависимостями, приводит нас к ключевым проблемам дипломатики. До сих пор дипломатический подход к деятельности бюрократической канцелярии и ее документации еще в должной степени не определен, но размышления по этому поводу позволяют сделать некоторые выводы. Уместно задаться вопросом, должна ли дипломатика заниматься изучением всех форм бюрократического делопроизводства? Это целесообразно в том случае, если признавать за канцелярским документом юридическую силу в качестве акта, который, однако, носит не публичный, а только внутриорганизационный, или даже частный характер. Подобный подход согласуется с позицией представителей люблинской школы вспомогательных исторических дисциплин, последователей профессора Ю. Шиманского, не признающих деления дипломатики на древнюю и новую.

Действительно, XIX столетие не привнесло в делопроизводственную практику ничего принципиально нового. Основные формы документации сложились еще в предшествующие эпохи [13]. Поэтому исследования специалистов по дипломатике должны быть распространены на весь комплекс канцелярских документов периода бюрократии в веберовском смысле. Несмотря на то, что продолжается поиск эффективных моделей исследования, которые могли бы применяться для изучения канцелярской деятельности XIX – XX вв. и ее "продукции" [14], документы учреждений этого периода должны анализироваться с учетом их генезиса и формы. Поэтому всякий раз необходимо выявлять обстоятельства создания этих источников, учитывая специфику государственной власти, конкретного учреждения и служебного персонала.

Не менее важна реконструкция процесса подготовки документов [15]. Документация учреждений представляет собой не просто папки с бумагами, а инструмент управления. Порядок подготовки и хранения документов (канцелярская/делопроизводственная система) является неотъемлемой частью государственного управления и законодательной деятельности государства. Разумеется, постоянно происходит изменение функций и статуса до-

кументов в учреждениях, идет развитие процесса юридического определения форм документации.

Дипломатика подсказывает нам ещё один подход, связанный с функцией каждого акта, которая должна учитываться при определении видов документов, реконструкции процесса их формирования. Нельзя упускать из виду, что в "форме" документа заключается много "содержания". В рассматриваемый период получают особое развитие виды документов, связанные с несколькими сферами деятельности государственного аппарата власти. Тем не менее, комплексный подход к изучению канцелярии и документу имперского периода пока ещё не представляется возможным, несмотря на значительный прогресс, достигнутый в этом направлении в последние десятилетия. На это влияет общая ситуация в историографии. Например, из общего числа работ, в которых рассматривается деятельность российской канцелярии в администрации Царства Польского, можно назвать только две монографии, написанные с разных теоретических позиций [16]. Следует упомянуть также несколько статей этих авторов о делопроизводстве учреждений губернского и уездного уровня [17].

Итак, наибольшее значение имеет представление о документе как письменном инструменте власти, управления и менеджмента. Вместе с тем не следует упускать из виду другие его функции, например, информационную и коммуникационную. Разумеется, подобный общий подход не означает уничтожения разницы между дипломатикой и архивоведением [18].

В заключение следует подчеркнуть, что при изучении бюрократии всегда следует иметь в виду не только характер канцелярской системы и ее делопроизводства, но и специфику власти, инструментом которой она являлась, конкретное учреждение и его служащих. При этом нельзя забывать и о процессах обратного влияния. Чиновники, отличавшиеся друг от друга по социальному происхождению, конфессиональной принадлежности, национальности и культурному уровню, были разработчиками и проводниками экономических и политических преобразований. Поэтому они всегда, сознательно или невольно, оставляли свой след в деятельности государственного аппарата и воздействовали на процесс принятия решений.

Бюрократический метод реализации власти был не побочным эффектом развития систем управления европейских стран, а универсальным инструментом, который может быть применен в самых различных условиях. Поскольку в наши дни остро стоит задача постоянного совершенствования этого инструмента, то с этой целью в высшей степени целесообразно тщательное изучение и использование ценного исторического управленческого опыта бюрократии последних двух–трех столетий [2]. Именно поэтому необходимо исследование различных аспектов истории бюрократии, как в теоретическом, так и в конкретно–фактографическом плане.

Следует поставить вопрос – какой квалификацией

должен обладать исследователь истории бюрократии? На основании вышеизложенного можно утверждать, что он, безусловно, должен обладать не только навыками ис-

торического анализа, но пониманием специфики системы государственного управления и административной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Izdebski H. Historia administracji a historia biurokracji // *Panstwo i Prawo*. 1975. T. 30. № 5. С. 60–72.
2. Weber M. *Gospodarka i społeczeństwo. Zarys socjologii rozumiejącej*. Warszawa: PWN, 2002. 1124 с.
3. См.: Stiepanow W.L. *Przedrewolucyjna biurokracja rosyjska – zasadnicze etapy i tendencje rozwoju (XVII – początek XX wieku)* // *Dzieje biurokracji*. T. IV. Lublin–Siedlce: "Libra", 2011. С. 41–62.
4. Надо обратить внимание на некоторые книги из серии *Historia Rossica* (Сибирь в составе Российской империи, М. 2007; Западные окраины Российской империи, М. 2007; Северный Кавказ в составе Российской Империи, М. 2007) а с другой стороны на монографии местных историков, например, В.С. Шандры (Генерал–губернаторства в Україні: XIX – початок XX ст. К., 2005).
5. Gorak A. *Kształtowanie przywilejów rosyjskiej służby cywilnej za Kaukazem w latach 1800–1844* // *Dzieje biurokracji*. T. IV. Lublin–Siedlce: "Libra", 2011. С. 24–270.
6. Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность. Сводные материалы заочной дискуссии / Под ред. А.Е. Загребина, С.В. Любичанковского. Екатеринбург; Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2010. 495 с.
7. Lubiczankowski S. *Międzynarodowa dyskusja nad zarządzaniem zroznicowaniem kulturowym w Imperium Rosyjskim* // *Wschodni Rocznik Humanistyczny*. T. VII. Lublin–Radzyn, 2011. С. 189–200.
8. Jemieliński D. *W obronie biurokracji* // *Master of Business Administration*. 2010. № 2. С. 72–79.
9. Meisner H.O. *Urkunden und Aktenlehre der Neuzeit*. Leipzig: Koehler & Amelang, 1952. 241 с.
10. Skupiński K. *Biurokracja w średniowiecznej kancelarii?* // *Droga historii. Studia ofiarowane profesorowi Józefowi Szymanskiemu w siedemdziesiątą rocznicę urodzin*. Lublin: UMCS, 2001. С. 205–210.
11. Шепелёв Л.Е. Проблемы источниковедческого и историковспомогательного изучения делопроизводственных документов XIX – начала XX в. // *Вспомогательные исторические дисциплины*. Т. 15. Ленинград: Наука, 1983. С. 31–61.
12. Mazur L.N. *Rozwoj systemu kancelaryjnego w Rosji (XVIII–XX wiek), jako odbicie procesów biurokratyzacji społeczeństwa* // *Dzieje biurokracji*. T. IV. Lublin–Siedlce: "Libra", 2011. С. 63–80.
13. Ларин М.В. Развитие понятия "документ" // *Делопроизводство*. 2000. № 1. С. 5–9.
14. Интересный обзор дискуссии по этой теме дает З. Хмелевски: Chmielewski Z. *Dokument nowożytny – obiektem XX-wiecznych studiów aktoznawczych w Europie* // *Studia archiwalne*. Т. II. Lublin: UMCS, 2006. С. 13–20. Другого рода исключение – тезисы, касающиеся критериев и методов исследования подлинности документа нового и новейшего периодов: Bobowski K. *Kryteria i metody badania dokumentów nowożytnych i współczesnych* // Там же. С. 31–36.
15. См.: Chmielewski Z. *Konstantina Mitiajewa wersja "nauki o akcie"* // *Tekst źródła, krytyka, interpretacja*. Ред. В. Trelinska, Warszawa: DIG, 2005. С. 41–56; он же: *Pozakancelaryjne uwarunkowania procesu aktotwórczego na przykładzie administracji państwowej w Księstwie Warszawskim* // *Archeion*. Т. 90. Warszawa: NDAP, 1992. С. 7–27.
16. Kopiczyńska A. *Akta władz administracji gubernialnej Królestwa Polskiego w latach 1867–1915*. Torun: NDAP, 2004. 163 с.; Gorak A. *Rosyjska kancelaria akt spraw w urzędach lubelskiej gubernialnej administracji ogólnej w latach 1867–1918*. Lublin: UMCS, 2008. 422 с.
17. Kopiczyńska A. *Zespoły akt Kancelarii Gubernatora Łomżyńskiego i Rządu Gubernialnego Łomżyńskiego jako źródło historyczne* // *Archiwa i archiwalia łomżyńskie*. Ред. А. Dobronski, Łomża: Łomżyńskie Towarzystwo Naukowe, 1986. С. 30–40; она же, *Kancelaria Gubernatora Łomżyńskiego w latach 1867–1918 – funkcje i procesy aktotwórcze* // *Archeion*. Т. 84. Warszawa: NDAP, 1988. С. 37–51; она же: *Kancelaria Rządu Gubernialnego Łomżyńskiego z lat 1867–1918* // *Archeion*. Т. 78. Warszawa: NDAP, 1984. С. 193–208; Gorak A. *Dokument w kancelarii zbiorokratyzowanej. Klasyfikacja akt Zarządu Gubernialnego Lubelskiego (1867–1918)* // *Studia Archiwalne*. Т. 2. Lublin: UMCS, 2006. С. 119–136; он же: *Formularz listu oficjalnego na tle korespondencji urzędowej administracji rosyjskiej w drugiej połowie XIX wieku* // *Formuła, archetyp, konwencja w źródle historycznym*. Lublin; Radzyn Podlaski; Siedlce: "Libra", 2006. С. 157–180; он же: *Geneza rosyjskiego systemu kancelaryjnego akt spraw* // *Wschodni Rocznik Humanistyczny*. Т. 1. Lublin; Radzyn: "Libra", 2004. С. 115–138; он же: *Organizacja i kancelaria zarządów powiatowych w Królestwie Polskim (1867–1918)* // *Urzędy władzy, organy samorządowe i kościelne oraz ich kancelarie na polsko-ruskim pograniczu etnicznym i kulturowym do roku 1914*. Lublin: "Avalon", 2010. С. 323–388.
18. Sebanek J., Fiala Z., Hledikova Z. *Ceska diplomatika do r. 1848*. Praha: SPN, 1971. 371 с. (особенно часть XII. С. 190–203); Fiala Z. *Diplomatika jedna nebo dve* // *Archivni Casopis*. Т. 10. Praha: Archivna Sprava MV CR, 1960. С. 1–19; Meisner H.O. *Указ. соч.*; Tomczak A. *W sprawie zakresu dyplomatyki* // *Pamiętnik X Powszechnego Zjazdu Historyków polskich. Referaty*. Т. 2. Warszawa: Polskie Towarzystwo Historyczne, 1968. С. 330–343; Trojanowska M. *Dokument nowożytny – zmienna forma czy funkcja?* // *Powstawanie – przepływ – gromadzenie informacji*. Ред. J. Pakulski, Torun: UMK, 1978. С. 150–155; Скупенски К. *Документоведение или дипломатика? That is the question* // *Документ. Архив. История. Современность. Материалы III всероссийской научно-практической конференции*. Екатеринбург 21–22 октября 2010 г. Екатеринбург: Издательство Уральского Университета, 2010. С. 18–21.
19. Pawłowska A. *Zasoby informacyjne w administracji publicznej w Polsce*. Lublin: UMCS, 2002. 330 с.
20. Szymanski J. *Nauki pomocnicze historii*. Warszawa: PWN, 2001. 764 с.
21. См.: I. Luc, *Prozopografia w badaniach nad karierami wojsk rzymskich* // *Dzieje biurokracji*. Т. I. Lublin–Siedlce: "Libra", 2008. С. 13–28; *Prosopographia Imperii Romani*, saec. 1. 2. 3. (Hg.): E. Klebs, H. Dessau, P. von Rohden. Bd. 1–3. Berlin: Academiae scientiarum regiae borussicae, 1897–1898.

ГУБЕРНАТОРСКИЙ КОРПУС ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ: СОСТАВ И МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ*

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 10-01-00339а

THE GOVERNORS OF POST REFORM RUSSIA: COMPOSITION AND FORMATION MECHANISMS

A. Minakov

Annotation

The personnel policy for the governors in Russia in the second half of XIX – early XX centuries is analyzed in the article. The composition and is described behavioral types of the governors are selected.

Keywords: the central power, regions, local government, personnel policy, Governors

Минаков Андрей Сергеевич
Кандидат исторических наук,
доцент Орловского
государственного Университета

Аннотация

В статье анализируется кадровая политика в отношении губернаторского корпуса в России во второй половине XIX – начале XX вв. Охарактеризован состав и выделены поведенческие типы губернаторов.

Ключевые слова:

центральная власть, регионы, местное управление, кадровая политика, губернаторы

Во все периоды истории российской государственности бюрократия являлась базовым элементом административной системы. Одна из важнейших ее функциональных обязанностей заключалась в обеспечении действенных обратных связей и реализации решений, принятых в центре. Поэтому правительство всегда обращало пристальное внимание на региональные органы власти, ключевым фактором эффективности которых было формирование его руководящего состава.

Уже в ходе масштабных административных преобразований Петра I определилось центральное звено местной администрации – губернатор. Трансформация его функционального статуса в имперский период в сторону расширения и укрепления полномочий превратила губернатора в ключевого носителя властных полномочий на местах, исполнителя высочайшей воли.

Однако к середине XIX в., когда началась интенсивная работа по подготовке "Великих реформ", стало очевидно, что успех реформаторского дела напрямую зависел от состояния местной администрации – основного проводника реформ. Динамика общественно-политического развития и социально-экономические тенденции требовали повышения эффективности управленческой модели в целом. Иными словами, для новых реформ требовались и новые администраторы.

Комплексная реформа системы управления, реализацию которой диктовали логика и масштабы социально-экономических новаций эпохи "Великих реформ", так и не была проведена. Самодержавие продолжало сохранять безграничную, и, порой, утопическую веру в возможность

управления всеми процессами в стране только методами государственного регулирования. Видимо разработчики реформ были уверены, что бюрократия, – этот консервативный по своей природе институт, в рамках самодержавной модели чрезвычайно ревниво воспримет вторжение и нарушение устоявшихся внутренних связей и форм существования. Поэтому центральное руководство пошло по другому пути, подвергнув частичной модернизации отдельные ее звенья, а также обеспечив реализацию задуманных преобразований кадровыми перестановками в губернаторском корпусе.

В условиях неоконченного поиска наиболее оптимальной модели институционального оформления статуса губернатора, который продолжался все пореформенное время, подбор кадров на губернаторские посты приобрел большое значение. От этого во многом зависела эффективность работы не только провинциальных управленческих механизмов, но и административной машины страны в целом. Всем, – сторонникам и противникам преобразований, консерваторам и либералам было ясно, что административный порядок – почва практического успеха любых реформ. В России за шесть неполных пореформенных десятилетий, учитывая непостоянное административно-территориальное деление, было произведено свыше полутора тысяч кадровых перемещений губернаторов.

Каков же был портрет российского губернатора? Что представлял губернаторский корпус по своему социально-культурному облику? Ответы на эти и другие вопросы необходимы для понимания характера и динамики тех процессов, которые переживала императорская Россия в

общественно-политическом и социально-экономическом развитии в последние десятилетия своего существования.

Анализ данных, которыми располагает историография, позволяет говорить о динамике социально-культурных характеристик губернаторского корпуса. По подсчетам исследователей [12; 15, с. 214–215; 19; 29, с. 164–165; 48] с середины XIX до начала XX вв. губернаторский пост занимали чиновники в основном православного вероисповедания, их средний возраст был 40–55 лет. По Табели о рангах большинство из них находилось в чине IV класса (действительный статский советник). По имущественному положению от 50 до 70 % губернаторов имели земельную собственность, причем около 40 % – крупную. Наиболее распространенным было поместье размером 1–5 тыс. десятин. За пореформенное время возрос образовательный уровень губернаторов, а число лиц с домашним образованием (качество которого, особенно полученного в провинции оценить трудно), сократилось до минимума. Между тем, следует признать, что приведенные выше показатели являются важными, интересными, но далеко не исчерпывающими основаниями для ответа на вопрос, каким образом происходило формирование губернаторского корпуса.

Процедура назначения, перемещения и увольнения губернаторов законодательно не регламентировалась. Определение на губернаторские должности относилось к делам, которые поступали на Высочайшее усмотрение через Комитет министров. Специальных требований, которым должны были отвечать кандидатуры на пост губернатора, законодательством установлено не было. Существовал лишь институт кандидатов в губернаторы с весьма неопределенным юридическим статусом. Законодательством предусматривалось следующее: "состоящим кандидатами на места губернаторов, прежде назначения их на сии места, поручается от министра внутренних дел обозрение губернских правлений, городских и в особенности уездных полиций, и других мест" [39]. Данная подготовительная процедура была введена "для предупреждения невыгодных последствий от неопытности лиц, назначаемых начальниками губерний" [40]. Конечно, правило представления кандидатов министром внутренних дел на высочайшее благоусмотрение через Комитет министров предоставляло потенциальную возможность остальным министрам влиять на назначение губернаторов, чем ослаблялась их зависимость от МВД. Однако, на самом деле, этот порядок никогда не соблюдался [2]. Поэтому, механизм принятия решений по этим вопросам осуществлялся в соответствии с закрепившимся практически порядком. В XIX в. он имел традиционную форму, заключающуюся в следующем. Министр внутренних дел готовил проект высочайшего указа о назначении и докладывал о предлагаемых кадровых перестановках императору. Кандидатура согласовывалась заранее, и монарх лишь завершал формальную сторону дела подписанием высочайшей бумаги.

Попытки объяснить замещение тем или иным чиновником губернаторского поста наличием у последнего соответствующего чина по Табели о рангах – действительного статского советника [13], не имеют достаточных оснований. Ранее мы обращали внимание, что большинство губернаторов, действительно, имело чин IV класса, но критерием назначения на свою должность было, конечно, не их соответствие чину. Более того, уже в первой половине XIX в. разрешалось производить назначения на должности, не соответствующие классу чина. Так, например, допускалось "по усмотрению действительной нужды в замещении должностей, определять в оные, или назначать к исправлению их чиновников, имеющих чины и одним классом выше или двумя ниже той степени, в которой положена должность" [20]. Тем самым губернатором вполне мог быть назначен и чиновник V класса – статский советник, что тоже было не редко.

Наиболее распространенной средой, откуда рекрутировались кадры начальников губерний, был губернаторский и вице-губернаторский корпус. Например, в губерниях Черноземного центра большая часть назначенных губернаторов была переведена с той же должности из другого региона или занимала до этого вице-губернаторский пост [33, с. 97–98]. В уральских губерниях на рубеже XIX – XX вв. свыше 60 % губернаторов также ранее занимали губернаторские и вице-губернаторские посты [29, с. 166, 552–557]. На том же уровне (60 %) оценивает типичность вице-губернаторского прошлого российских губернаторов У. Мос [49]. Л.М. Лысенко также утверждает, что в пореформенное время "подавляющая часть губернаторов нарабатывала опыт и стаж в должности вице-губернаторов" [28]. По ее данным 44 % назначенных в 1913 г. губернаторов было переведено с той же должности из других губерний, а 31 % занимали до этого вице-губернаторский пост. Лишь в Восточной Сибири из 22 губернаторов, назначенных в середине XIX в., наоборот, 8 ранее служили в губернской администрации и только двое были губернаторами [30, с. 40–41].

Можно ли заключить, основываясь на этих данных, что при отборе кандидатов на губернаторские посты принимался во внимание прежний опыт? С формальной стороны, – да. Столь высокий процент губернаторов побывавших в прошлом вице-губернаторами, позволил отдельным историкам уверенно заявлять, что "вице-губернаторская должность была решающим этапом на пути к губернаторскому посту" [47, с. 89]. Однако, как тогда объяснить, назначения губернаторами тех, кто не только не был вице-губернатором, но и вообще не служил в учреждениях ведомства МВД? По всей видимости, имелись какие-то иные факторы определявшие "годность" чиновника к губернаторскому месту. Поэтому исчерпывающим аргументом, предыдущее губернаторство (вице-губернаторство) считать нельзя.

В исследуемый период можно выделить несколько массовых кадровых перестановок в губернаторском кор-

пусе. Самая первая из них пришлась на начало 60-х гг. XIX в. В это время шла активная работа по реализации крестьянской реформы и разработке последующих преобразований из череды "Великих реформ". Правительству были необходимы ответственные и энергичные их проводники. Именно в губернаторах самодержавие видело администраторов, которые могли наладить конструктивное взаимодействие с местной дворянской элитой. Одновременно с этим они представлялись фигурами независимыми от провинциального окружения. Так, в течение 1861 года в 21 из 44 губерний Европейской части России, где вводились "Местные положения" Крестьянской реформы, были определены новые губернаторы. Например, в Калужскую губернию еще в 1858 г. был назначен В.А. Арцимович, человек "испытанной энергии и выдающихся дарований" [22]. Его предшественник Д.Н. Толстой не сумел найти общего языка с калужским дворянством по вопросам подготовки крестьянской реформы. Подобным образом, из-за недоверия дворянства лишились своих постов орловский губернатор В.И. Сафонович, воронежский губернатор Н.П. Синельников и др.

Волна отставок последовала вскоре после восстания в Царстве Польском. В 1863 г. весь губернаторский корпус этой западной окраины, был заменен этнически русскими чиновниками. Кадровые перестановки затронули практически все гражданское руководство региона. Губернаторы-поляки, проявляя лояльность повстанцам, утратили доверие правительства. "Гражданская администрация в крае, можно сказать, прекратила вовсе свое действие", – восклицал Д.А. Милютин [31, с. 71]. После такой ротации, по мнению военного министра, "в шести северо-западных губерниях водворилась, наконец, действительная власть правительственная, а вместе с тем открылась возможность окончательно избавить весь край от польского гнета" [31, с. 241].

Следующее массовое обновление губернаторского корпуса произошло в 1866 г., после покушения Д.В. Каракозова на Александра II [15, с. 210]. Далее, более половины губернаторов было заменено в 1879–1881 гг., когда наблюдался всплеск активности (в том числе террористической) антиправительственных элементов. Конечно, не все увольнения губернаторов были связаны с сомнениями верховной власти в их готовности противостоять революционной опасности. Однако, самодержавие активно использовало формальные поводы для укрепления своего присутствия на местах.

Очевидно, что необходимость смены губернаторов диктовалась как общественно-политическими событиями, так и переменами социально-экономического развития. Например, волна смещений губернаторов приходится на годы Первой русской революции. Одним губернаторам ставилось в вину невозможность противостояния антиправительственным элементам. "Отдано распоряжение губернаторам энергично подавлять всякие бесчинства, не останавливаясь перед самыми решительными

мерами, и уже несколько нерешительных губернаторов были смещены", – вспоминал о том времени современник [23]. Другие, наоборот, лишались постов за слишком жесткие методы подавления общественного недовольства.

Как уже отмечалось, официально любое кадровое решение оформлялось как высочайший указ, проект которого готовился министром внутренних дел. Но какова же была реальная роль императора в этом процессе? Участвовал ли он в выборе и обсуждении кандидатур? Анализ источников позволяет говорить, что его инициатива проявлялась, как правило, при обсуждении кандидатур в пограничные регионы и на генерал-губернаторские должности (губернии Царства Польского, Финляндию, Кавказ, Дальний Восток, а также Санкт-Петербург и Москву), где требовалась повышенная готовность отстаивать prerogatives государственного строя. При отсутствии личной неприязни, для императора, было не существенно, кто персонально будет управлять тем или иным регионом. Было важно, чтобы назначенный губернатор достойно представлял его монаршую власть, и решительно отстаивал проводимый внутривластный курс. В случае перемещения чиновников с губернаторских должностей, император проявлял заинтересованность при определении на руководящие посты высшего и центрального управления.

Однако наибольшим влиянием в формировании кадрового состава губернаторского корпуса обладал все же не император, а министр внутренних дел. В отличие от монарха, глава МВД владел всей полнотой информации о положении дел в регионах. Кроме того, министр знал о служебной деятельности многих чиновников то, что было неизвестно другим. Поэтому он имел более ясное представление о готовности того или иного чиновника занять ответственный пост губернатора.

Отсутствие четкого законодательства о кадровом обеспечении губернаторского корпуса использовалось министром внутренних дел как возможность распространить свое влияние на столь важный участок внутренней политики. Держа контроль над кадровыми рычагами воздействия на ситуацию в стране, МВД лишний раз укрепляло свое положение среди других ведомств. Последние вынуждены были апеллировать к нему не только по "губернаторским" вопросам, но и в целом искать поддержки по всем проблемам, связанным с работой их структур на местах. В первую очередь к мнению главы МВД, несомненно, прислушивался и император.

Несмотря на то, что взгляды каждого министра на принципы кадровых решений отличались, в глазах современников именно они, а не императоры несли ответственность за губернаторские кадры, а, следовательно, за состояние дел в регионах. Например, П.А. Валуев уже после полугодового пребывания на министерском посту, признавался, что его "сильно бранят за губернаторские

назначения" [9]. Его борьба с либерально настроенными губернаторами вызвала отрицательные оценки, как в правительственных кругах, так и у общественности [35; 41].

Подходы к назначению губернаторов другого министра внутренних дел, Д.А. Толстого, также оценивались критически. "Очень нередко приходилось слышать от графа Толстого, когда заходила речь о каком-нибудь негодном, но им же посаженном губернаторе, что он вовсе его не знает, даже ни разу его видел <...> Нельзя себе и представить, как плохи у нас губернаторы", – писал Е.М. Феоктистов [44, с. 231]. Кроме того, Д.А. Толстого критиковали за назначения на посты в ведомстве МВД кандидатур из лиц своей, "родной" Рязанской губернии [3, с. 84; 44, с. 230–231].

Неудачи в ликвидации последствий неурожая начала 1890-х гг. также приписывались некомпетентности МВД по отношению к местной администрации. "Следует покупать хлеб и продавать, если нужно, с убытком, <...> для этого нужны губернаторы поумнее тех, коих назначает он, Дурново", – звучало в Комитете министров [8]. "Ведет Дурново Россию к беспорядкам своими назначениями губернаторов, которые не выдерживают критики", – отмечал в это же время другой современник [3, с. 170].

Подтверждение ключевой роли министра внутренних дел в вопросах назначения губернаторов мы находим в мемуарах И.И. Толстого. "Как часто П.Н. Дурново на указании в Совете министров о нежелательности назначения того или другого лица губернатором или сенатором заявлял, что такова воля Его величества, объявленная ему на всеподданнейшем докладе, как часто та или иная мера объяснялась им выраженным государем ему лично желанием. Как проверить такие утверждения? Не просить же у государя императора очной ставки с министром или проверки его утверждений?" – писал бывший министр народного просвещения [42].

Пример другого отношения к губернскому руководству представлял П.А. Столыпин, имевший собственный опыт управления регионами. Ему было свойственно предоставлять губернаторам "полную самостоятельность" [34]. Он не любил вмешательства в область компетенции своего ведомства других министров, тем самым, пренебрегая вниманием даже к неформальным традициям, бытовавшим в бюрократическом мире столицы. Сделав карьеру в провинции, П.А. Столыпин был свободен от груза воздействия закулисных ритуалов и порядков [11].

Поэтому, несмотря на то, что губернаторы назначались императором и были представителями монаршей власти на местах, на практике они были более связаны деловыми и личными отношениями с министрами внутренних дел. МВД, руководя повседневной деятельностью губернаторов, прямо или косвенно держало в своих руках

судьбу каждого из них. В этих сложных отношениях вопросы ротации губернаторского корпуса, занимали важное место, так как зависели от МВД непосредственно. Вместе с тем, руководители других ведомств предпринимали попытки влиять на назначения, лоббировать свои кандидатуры. Явная и скрытая борьба ведомств находила свое проявление и здесь. Поэтому не случайно, вопросы о назначении того или иного губернатора могли быть предметом дискуссий в правительстве. Наконец, каким бы ни оказывалось в конечном итоге назначение – эффективным или провальным, глава МВД сохранял за собой возможность в том числе, теми же кадровыми методами сколь угодно исправлять ошибки свои и своих предшественников.

Документы кадрового делопроизводства и другие источники убедительно показывают, что вопрос о назначении губернатора в каждом конкретном случае рассматривался отдельно [33, с. 95–134]. Вместе с тем, учитывая все многообразие вариантов принятия решений, думается можно выделить наиболее ключевые факторы, влияние которых могло быть определяющим.

Важную, но не всегда первостепенную роль играла протекция. Под этим многозначным и весьма расплывчатым понятием необходимо понимать лоббирование какого-либо кандидата независимо от его иных качеств. Причем таковая поддержка осуществлялась, только по причине близости (преданности, зависимости, влияния) протектору.

С другой стороны, способного, опытного, обладавшего некоторыми заслугами, а особенно на практике показавшего свой перспективный административный потенциал кандидата, "продвигать" было легче. Судя по документам

часть чиновников получавших губернаторское назначение, несомненно, удавалась в силу административной необходимости. Однако одним своим старанием по службе заработать губернаторство было очень сложно. Чиновника без протекции, будь он трижды талантлив, все равно могли не заметить и не продвинуть по служебной лестнице. Поэтому, аргументы, связанные с опытом службы (в том числе и губернаторской) звучали весьма часто при лоббировании того или иного кандидата.

По всей видимости, действительно, у значительной части правительственной элиты бытовало мнение, что губернаторство – хороший административный опыт, раскрывавший возможности человека не только как чиновника-исполнителя, но и руководителя. Дальнейшие назначения успешных губернаторов на более ответственные роли в управлении делали их более заметными фигурами на политическом олимпе, что, в свою очередь, открывало перед ними двери более высоких кабинетов, в которых они потенциально могли стать хозяевами. Не случайно большинство министров внутренних дел имели за плечами опыт губернаторской службы. Из 21 министра (с П.А. Валуева до А.Д. Протопопова) 13 в прошлом были либо генерал-губернаторами, либо губернаторами, либо вице-губернаторами. Среди них были и те, кто побывал на всех этих постах. Губернаторское прошлое имели в своей карьере и представители других ведомств. Например, министры юстиции К.И. Пален и Н.А. Добровольский, военные министры А.Н. Куропаткин и В.А. Сухомлинов и др. [46].

Увольнение губернаторов также было одной из мер, с помощью которой правительство снимало напряженность в регионах и открывало возможность стабилизации ситуации. В целом губернаторские отставки имели под собой объективные основания [33, с. 144–190]. Сюда следует отнести упущения по службе, в том числе приводившие как к конфликтам с центральной властью, так и с губернским административным окружением; противостояния с общественностью в лице, как дворянской корпорации, так и органов земского и городского самоуправления. Центральная власть ревностно заботилась о репутации губернаторов и редко допускала широкой огласки их противоправных действий. Так, даже случаи явного служебного несоответствия, как правило, скрывались, а губернаторы наказывались "почетной" отставкой в виде перевода на какую-нибудь менее заметную должность.

Перемещения губернаторов между регионами также было важной составляющей ротации губернаторского корпуса. В представлениях чиновничества существовало разделение губерний по статусу службы. Наиболее престижными, но в тоже время и ответственными являлись генерал-губернаторские должности, особенно в столичных городах, а также губернаторство в крупных центрах. Например, к числу таких относилась Харьковская губерния [1]. Попасть туда, даже на пост вице-губернатора,

считалось хорошим началом успешной карьеры. Среди бывших харьковских губернаторов был обер-прокурор Святейшего Синода А.П. Ахматов, министр внутренних дел М.Т. Лорис-Меликов, главноначальствующий гражданской частью на Кавказе и командующий войсками Кавказского военного округа А.М. Дондуков-Корсаков, товарищ министра внутренних дел А.А. Икскуль фон Гильденбандт, командир Отдельного корпуса жандармов В.В. Валь, начальник Главного управления по делам местного хозяйства МВД С.Н. Гербель и др.

Назначение в отдаленные губернии, – Архангельскую, Олонецкую, Якутскую, наоборот, считалось скорее местом "ссылки" провинившихся чиновников, для которых определение на губернаторский пост было формой почетной отставки. Зачастую, туда переводились со своих должностей прощтрафившиеся, опальные чиновники и т.п. [7, с. 190; 24]. Между тем, правительство практиковало и регулярные перемещения губернаторов из одной части страны в другую [30, с. 42; 37, с. 21–22; 47, с. 87].

Комплексный анализ обстоятельств назначения губернаторов и особенностей их стиля управления позволяет выделить несколько типов чиновников, отношение которых к службе определялась рядом характеристик. Так, можно отметить образ губернатора – "профессионала". Это были чиновники, имевшие репутацию волевых и деятельных администраторов. Как правило, их направляли в регионы, требовавшие повышенного административного внимания. Типичным примером того, как репутация деятельного руководителя в глазах высшего руководства открывала путь карьерной перспективы, была служба И.М. Оболенского. В 1897–1902 гг. он занимал пост херсонского губернатора. После назначения харьковским губернатором И.М. Оболенский, решительным образом подошел к ликвидации крестьянских беспорядков охвативших весной 1902 г. несколько уездов губернии [5, Т. II. с. 206; 27, с. 26]. Он широко применял телесные наказания, причем лично ездил по "бунташным" селениям и контролировал их исполнение. Жесткость И.М. Оболенского вызвала крайние формы протеста в общества, которые даже привели к неудачному покушению на него. В.К. Плеве, ставший в то время главой МВД, побывал в Харькове и остался доволен действиями князя И.М. Оболенского, "выделившегося своей расторопностью и энергией" [36]. "То, что он так лихо выдрал крестьян было аттестатом его молодчества и решительности", – подчеркивал С.Ю. Витте [5, Т. III. с. 272]. Бескомпромиссная позиция И.М. Оболенского была по достоинству оценена наверху и он был назначен генерал-губернатором в другой "непокойный" регион – Великое княжество Финляндское, где его предшественник Н.И. Бобриков пал жертвой террористов. "Хороший надежный человек", – отзывался об И.М. Оболенском Николай II, думая о назначении его в Финляндию [10].

Неоднократно подчеркивали свой высокий административный профессионализм такие талантливые губерна-

торы, как П.А. Столыпин (гродненский в 1902–1903 гг., саратовский в 1903–1906 гг.), Б.В. Штюрмер (новгородский в 1894–1896 гг., ярославский в 1896–1902 гг.) и др. Так, в исследуемое время стали появляться "профессиональные" губернаторы, чиновники, неоднократно перемещавшиеся в разные губернии. Своего рода "рекордсменом" среди них был В.В. Валь. С 1876 по 1902 гг. он последовательно занимал посты ярославского вице-губернатора, затем гродненского, харьковского, витебского, подольского, волынского, курского губернаторов, петербургского градоначальника, и, наконец, виленского губернатора.

Другим типом губернатора были либерально настроенные администраторы, которые за время нахождения на посту допускали самостоятельные, порой не находившие одобрения в центре действия, а также проявлявшие разную степень лояльности к оппозиционным выступлениям общественности. Умеренно-либеральный поведенческий тип представляла собой фигура С.Д. Урусова. Занимая пост бессарабского губернатора, он сумел предотвратить очередные, после масштабного погрома 1903 г. крупные антиеврейские акции в Кишиневе. Своей способностью отыскивать компромиссные пути примирения различных общественных интересов, С.Д. Урусов завоевал популярность у еврейской общественности края [27, с. 40, 153]. Репутация человека, умеющего находить контакт с различными общественными силами, определила выбор С.Д. Урусова в качестве кандидата на пост тверского губернатора. Следует заметить, что П.Д. Святополк-Мирскому, как министру внутренних дел, пришлось преодолеть нежелание Николая II переводить С.Д. Урусова в Тверскую губернию. Император планировал определить на этот пост назначенного от правительства председателя тверской губернской земской управы Д.И. Засядко. Глава МВД был вынужден поставить вопрос о доверии царя к нему, как к министру, в связи кандидатурой С.Д. Урусова. Только после этого, царь дал свое согласие [43]. На должности тверского губернатора С.Д. Урусов продолжил свой гибкий стиль управления, сумев, "привлечь к себе симпатии близкого к учредителям кадетской партии левого крыла местного земства" [7, с. 473].

С другой стороны, эксперименты с определением либеральных фигур на губернаторские посты дискредитировали коронную администрацию. Большую известность приобрело назначение в 1905 г. крупного специалиста по виноградарству В.А. Старосельского кутаисским губернатором [25]. Он не имел опыта работы в администрации, но был очень популярен среди местного населения. В.А. Старосельский пользовался авторитетом у разных слоев общества, в том числе оппозиционно настроенных. Кавказский наместник И.И. Воронцов-Дашков, будучи сторонником гибкой политики в национальном вопросе, поддержал его кандидатуру, считая, что ему "легче удастся нормализовать положение". Принимая губернаторство, В.А. Старосельский выдвинул ряд радикальных условий: освобождение политзаключенных, восстано-

вление выборных органов сельского самоуправления, ограничение полномочий полиции и жандармерии и др. И.И. Воронцов-Дашков, согласился на эти требования, причем скрыв это от императора. Итогом такого неожиданного кадрового решения стало полная лояльность В.А. Старосельского революционно настроенным элементам. Им удалось воплотить в жизнь ряд демократических преобразований, что постепенно вело к утрате контроля над губернией из центра. Антиправительственные элементы получили настоящий политический комфорт. В подвале губернаторского дома даже располагалась типография РСДРП. Представители коронной администрации, за исключением губернатора, перестали признаваться населением. Сведения о кутаисской "революции" быстро дошли до императора, и В.А. Старосельский, метко названный в литературе "странным губернатором" был уволен.

Следующим, самым массовым типом были губернаторы-"служаки", своего рода административные технократы, рассматривавшие управление регионом, как ответственный этап в служебной карьере. Многие из них не обладали реформаторской жилкой, ораторскими способностями, но скрупулезно, с максимальным прилежанием относились к своим обязанностям. Даже если у них по разным причинам не складывались взаимоотношения, например, с местным дворянством, центральная власть старалась сохранить этих ценных администраторов, специально подыскивая им другую губернаторскую вакансию. Поэтому большинство подобных чиновников после пребывания на губернаторском посту получало более высокое назначение.

Наконец, четвертым типом были губернаторы-"протезы", получившие пост только благодаря близости к влиятельным лицам. Данная категория губернаторов представляла собой бывших однополчан, адъютантов и прочих "лейб"-приятелей самых разных высокопоставленных особ. Например, в 1860-х гг. активно лоббировал губернаторские кандидатуры управляющий III Отделением Собственной е.и.в. канцелярии и шеф жандармов П.А. Шувалов, в последнее десятилетие царствования Николая II в губернаторские назначения вмешивался авантюрист Г.Е. Распутин и др. Большинство подобных назначений были провальными. Например, назначенные в 1902 г. курским губернатором Н.Н. Гордеев и орловским губернатором К.А. Балясный, будучи креатурами Великого князя Сергея Александровича [21], показали свою полную некомпетентность во время Первой русской революции и потеряли свои посты.

Многие крупные государственные деятели считали проблему кадрового обеспечения губернаторского корпуса одной из важнейших в работе правительства. Не случайно критика состава губернаторского корпуса, механизмов его комплектования звучала при анализе просчетов и неудач правительственной политики. Одни современники лишь констатировали те или иные недоработки, то другие предлагали свои пути решения, усовер-

шенствования системы назначения руководителей местной администрации. Так, один из первых сигналов необходимости более внимательного отношения к выбору губернаторов прозвучал в докладе председателя Верховной следственной комиссии по делу 4 апреля 1866 г. М.Н. Муравьева. Он был уверен, что кадровая близорукость позволяет на местах активизироваться и развиваться революционным элементам [32, с. 294]. Тогда в атмосфере начавшегося по сути отхода от курса либеральных реформ, предлагались варианты укрепления местной администрации.

Военный министр Д.А. Милютин при обсуждении возможных мер по оздоровлению ситуации на местах высказывал мнение, что "существующая неурядица происходит совсем не от недостаточности прав и ограниченности власти местных администраторов, а, напротив того, от их произвола и самодурства, от неуважения к законности и личности; что обращение губернаторов в самовластных пашей не поднимет авторитета их, пока на эти должности будут назначаемы личности не соответствующие тому высокому положению, на которое хотят поставить "начальников" губерний, и пока не будет изменена вся система административная сверху донизу" [32, с. 320]. Однако все подобные замечания, тогда, на волне всеобщего негодования по поводу каракозовского выстрела не могли иметь какой-либо практической перспективы, так как принимались за "оппозицию самому принципу самодержавия, за мнения демократические, конституционные".

Д.А. Милютин, будучи одним из ярких представителей пореформенной бюрократии затронул вопросы замещения губернаторских постов в своей записке "Мысли о необходимых преобразованиях в управлении, в учебной части и в духовенстве", составленной в 1879 г. Военный министр предлагал радикальное реформирование основ организации губернской администрации. Должность губернатора должна была быть заменена на должность областного начальника, который назначался бы императором по представлению Совета министров [14]. Данный проект, в случае его реализации, безусловно, наносил бы удар по МВД, так как подчинение губернаторов этому ведомству, по мнению Д.А. Милютина, отрицательно сказывалось на эффективности управления.

Коллега Д.А. Милютина по министерскому цеху, либерально мыслящий сановник А.В. Головнин указывал на необходимость расширения круга потенциальных кандидатов. Число лиц, из которых выбираются руководители на местах ограничивается "чинами, положением в обществе, близостью ко двору и т.д. Сверх того, при устройстве нашей администрации, отсутствии публичности, способным людям весьма затруднительно выказать себя, сделаться известными, явить и свои достоинства, и свои недостатки", – сожалел он в своих мемуарах [6].

Более конкретный вариант решения этой проблемы

рассматривал другой выдающийся государственный деятель второй половины XIX в. министр финансов и Председатель Комитета министров Н.Х. Бунге. Анализируя опыт правления Александра II и Александра III, он предлагал Николаю II собственный вариант программы реформаторской деятельности. Н.Х. Бунге также был уверен, что реализация эффективной внутренней политики невозможна без правильного подбора кадров на местах. Поэтому он считал необходимым, чтобы губернаторы "избирались из кандидатов, представляемых не только министром внутренних дел, но и министрами вообще, и представлялись для назначения через Комитет министров государю императору, чтобы увольнение их по требованию министра внутренних дел или другого министра шло также через Комитет министров" [4]. Тем самым в очередной раз было выражено сомнение в эффективности сосредоточения всех кадровых решений по губернам только в руках МВД.

В МВД также выработалось свое понимание этой проблемы. В конце царствования Александра II, когда проведение административных преобразований рассматривалось как необходимое завершение "Великих реформ", сенаторские ревизии М.Е. Ковалевского, С.А. Мордвинова, А.А. Половцова и И.И. Шамшина дали обильный материал для анализа состояния местной администрации. Однако, конкретная работа в этом направлении была проведена лишь в рамках Совецания для составления проекта реформы местного управления, действовавшего с 1882 по 1885 гг. Его возглавил опытный администратор, бывший псковский губернатор и товарищ министра внутренних дел, статс-секретарь М.С. Каханов. Кахановская комиссия рекомендовала оставить право назначения губернаторов за императором, но по рекомендации Комитета министров из одного из трех кандидатов, представленных министром внутренних дел [16]. Однако данное предложение так и осталось нереализованным.

Вопрос о механизме назначения губернаторов встал вновь в начале XX в., когда в недрах МВД был подготовлен новый проект реформирования системы местного управления. Министр внутренних дел П.А. Столыпин, так же как и Н.Х. Бунге высказался за коллективное обсуждение губернаторских кандидатур – в Совете министров. Хотя он и оставлял право представления кандидатур МВД. "Означенный порядок фактически уже установился со времени преобразования Совета министров", – писал он [18]. Тем самым он как бы предлагал узаконить сложившуюся практику. Это предложение было созвучно идеям П.А. Столыпина, сформулированным в серии законопроектов, направленных на реформирование системы местного управления и самоуправления, составленных в 1906–07 гг.

Очевидно, что эта мера рассматривалась министром-реформатором как один из укрепляющих элементов всей вертикали власти и как следствие, – формирование ино-

го типа региональных управленцев, которые выйдут из замкнутой цепи МВД – император.

Проблемы кадрового обеспечения местной администрации волновали не только столичных чиновников. Предложения по механизму подбора кандидатур поступали и снизу. Например, приамурский генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер составил целую программу реформирования системы управления Дальним Востоком, в которой важное место занимал вопрос о порядке назначения губернаторов. По его мнению, губернаторские кандидатуры в регионе должен был подбирать генерал-губернатор. Губернаторами должны были быть лица "вполне солидарные с проводимой им общей внутренней политикой и дружно работающие с ним в проведении его предположений по всем отраслям народной жизни", – полагал он [37, с. 474]. Особенное внимание следовало уделять выбору кандидата на генерал-губернаторский пост. По мнению П.Ф. Унтербергера приоритет следовало отдавать чиновникам, имевшим опыт службы на Дальнем Востоке. Поскольку правительственная политика на окраинах сохраняла важное колониальное значение, то больший статус генерал-губернаторской должности мог бы придать кандидат из числа военных.

Теоретики пореформенного консерватизма, трепетно относясь к армии полагали, что военному можно доверить любой пост в стране. "Генерала можно прямо сделать начальником губернии или поручить ему дипломатический пост. Но можно ли дать прямо полк камергеру и послать его в огонь?" – рассуждал публицист и литературный критик К.Н. Леонтьев [26]. Образ сильного администратора был развит и в проекте преобразования системы управления другого консерватора, С.Ф. Шарапова. Он предлагал разделить страну на 18 самоуправляющихся областей, каждая из которых должна была быть возглавлена генерал-губернатором. Последние должны были назначаться императором согласно своим деловым качествам [38].

Либеральную общественную мысль также волновали вопросы будущего облика местного руководителя. Например, вопросы реформирования органов местного управления были одними из ключевых программных пунктов конституционно-демократической партии. Являясь в целом сторонниками перераспределения полномочий между губернской администрацией и органами самоуправления в пользу последних, кадеты сохранили принцип назначения губернатора императором. Кандидатуры на губернаторские посты должны были предварительно

рассматриваться в Совете министров [17].

Хорошо осведомленный, "свой" человек в правительственных кругах, В.П. Мещерский также размышлял над проблемой реформирования системы управления, залогом укрепления которой, считал правильный подбор кандидатов на государственные посты. Если до середины 1880 гг. В.П. Мещерский, под влиянием реформ 1860–70-х гг., идеализировал местное самоуправление, то в последствии, борьба с бюрократией представлялась ему в русле "децентрализации за счет усиления местной губернаторской власти в ущерб власти бездушного и чуждого России Петербурга" [45]. Между тем его взгляды, основанные на мнении о порочности сложившейся в России бюрократической системы и противопоставлявшие ей "идеального чиновника", отличались утопичностью. Назначенный на руководящий пост чиновник с истинной верой в Бога и преданный царю, а именно о таком мечтал В.П. Мещерский, должен был неизбежно столкнуться с той самой, чуждой народу бюрократией.

Позволяла ли такая кадровая политика в отношении формирования губернаторского корпуса, при всей ее противоречивости, реализовывать реформы, поддерживать жизнеспособность государственных механизмов? Думается, да. В целом, губернаторские кадры состояли из перспективных и грамотных администраторов. Но эффективность и действенность их работы зависела от компетенции решений, исполнение которых предписывал центр, а также от наличия необходимого инструментария, адекватного для решения актуальных политических и экономических проблем. Поэтому, важно знать не кто персонально занимал губернаторский пост, не его политические симпатии, ни степень близости к тем или иным покровителям и группам влияния.

Эффективность системы управления во многом зависела от способности губернатора обеспечить преемственность политического курса. В атмосфере консервации коллективных народнохозяйственных устоев, в условиях сохранения и поддержания общинной организации, роль бюрократии усиливалась и актуализировалась. Без этого, в частности, было невозможно обеспечить контроль над многомиллионной армией лично свободных крестьян, которые к тому же были привлечены к работе органов сельского самоуправления, земства, суда присяжных и т.д. Поэтому кадровое обеспечение губернаторского корпуса стало одним из важнейших условий реализации внутренней политики вплоть до конца существования имперского строя в России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бельгард А.В. Воспоминания. М., 2009. С. 167.
2. Блинов И.А. Губернаторы. Историко-юридический очерк. СПб., 1905. С. 337.
3. Богданович А.В. Три последних самодержца. М., 1990.
4. Бунге Н.Х. Загробные заметки // Река времен. Книга истории и культуры. М., 1995. С. 220.

5. Витте С.Ю. Воспоминания. Т. I–III. М., 1960.
6. Головнин А.В. Записки для немногих. СПб., 2004. С. 504.
7. Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000.
8. Дневник государственного секретаря А.А. Половцова. М., 1966. Т. II. С. 405–406. Запись 1 января 1892 г.
9. Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. Т. I. С. 123. Запись 21 октября 1861 г.
10. Дневники Императора Николая II. М., 1991. С. 214. Запись 15 июня 1904 г.
11. Допрос графа В.Н. Коковцова 25 августа 1917 года // Падение царского режима. Т. VII. М–Л., 1926. С. 90–91.
12. Дубенцов Б.Б. Самодержавие и чиновничество в 1881–1904 гг. (Политика царского правительства в области организации государственной службы). Кан. дисс. Л., 1977. С. 66–67.
13. Ерошкин Н.П. Исторические корни бюрократизма // Вестник архивиста. 2000. № 5–6. С. 186–187.
14. Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880 годов. М., 1964. С. 133.
15. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России. М., 1978.
16. Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80–х – начала 90–х годов). М., 1970. С. 225.
17. Законодательные проекты и предложения партии народной свободы 1905–1907 гг. СПб., 1907. С. 150–152.
18. Записка "Об установлении главных начал устройства губернских учреждений" 7 января 1907 г. С. 8. // РГИА. Ф. 1409. Оп. 6. Д. 731. Л. 6 об.
19. Зырянов П.Н. Социальная структура местного управления капиталистической России (1896–1914 гг.) // Исторические записки. Т. 107. М., 1982. С. 284–285.
20. Именной указ "О расписании должностей гражданской службы по классам, от XIV до V включительно". 20 ноября 1835 г. // ПСЗ РИ II. Отд. II. 1835. СПб., 1836. № 8594. § 2.
21. Кафафов К.Д. Воспоминания о внутренних делах Российской империи // Вопросы истории. 2005. № 3. С. 86.
22. Корнилов А.А. Крестьянская реформа в калужской губернии при В.А. Арцимовиче // Виктор Антонович Арцимович. Воспоминания – характеристики. СПб., 1904. С. 148.
23. Кошко И.Ф. Воспоминания губернатора (1905–1914). Новгород – Самара – Пенза. Пг., 1916. С. 16.
24. Кривенко В.С. В министерстве двора. Воспоминания. СПб., 2006. С. 149.
25. Лейберов И.П. "Странный губернатор" // Вопросы истории. 1993. № 4. С. 147–148.
26. Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891). М., 1996. С. 243.
27. Лопухин В.Б. Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. СПб., 2008.
28. Лысенко Л.М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII – начало XX века). М., 2001. С. 200–201.
29. Любичанковский С.В. Губернская администрация и проблема кризиса власти в позднеимперской России (на материалах Урала, 1892–1914 гг.). Самара–Оренбург., 2007.
30. Матханова Н.П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX в.: Проблемы социальной стратификации. Новосибирск., 2002.
31. Милютин Д.А. Воспоминания. 1863–1864. М., 2003.
32. Милютин Д.А. Воспоминания. 1865–1867. М., 2005.
33. Минаков А.С. Губернаторский корпус и центральная власть: проблема взаимоотношений (по материалам губерний Черноземного центра второй половины XIX – начала XX вв.). Орел., 2011.
34. Муратов Н.П. Записки тамбовского губернатора. Тамбов., 2007. С. 152.
35. Никитенко А.В. Записки и дневник. Т. 2. М., 2005. С. 469. Запись 18 октября 1863 г.;
36. Путилов А.С. Воспоминания и "граф С.Ю. Витте" (из личных воспоминаний) // РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 217. Л. 135.
37. Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск., 2004.
38. Репников А.В. Консервативная модель. Система представительной власти и местного самоуправления // Модели общественного переустройства России. XX век. М., 2004. С. 184–186.
39. Свод законов Российской империи. Изд. 1892. Т. II. Свод губернских учреждений. Ст. 263.
40. Сенатский указ "О кандидатах на губернаторские места" 29 декабря 1841 г. // ПСЗ РИ II. Т. XVI. Отд. 1. СПб., 1842. № 15 165.
41. Смесь. Письмо из Москвы // Колокол. 1865. 1 ноября. № 267. С. 1699.
42. Толстой И.И. Мемуары. М., 2002. С. 251.
43. Урусов С.Д. Записки. Три года государственной службы. М., 2009. С. 490.
44. Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы. 1848–1896. Л., 1929.
45. Черникова Н.В. Князь Владимир Петрович Мещерский (к портрету русского консерватора) // Отечественная история. 2001. № 4. С. 133.
46. Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской Империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802–1917. СПб., 2002.
47. Шумилов М.М. Местное управление и центральная власть в 50–х – начале 80–х гг. XIX века. М., 1991.
48. Шумилов М.М. Местное управление и центральная власть в России в 50–е – начало 80–х гг. XIX века. Дисс. док. наук. СПб., 1992. С. 331–349.
49. Mosse W.E. Russian Provincial Governors as the end of the Nineteenth Century // The Historical journal. 1984. № 27. P. 228.

ПРОТЕЖИРОВАНИЕ В СРЕДЕ РОССИЙСКОЙ БЮРОКРАТИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX - НАЧАЛЕ XX в.

PATRONAGE IN RUSSIAN BUREAUCRATIC
MILIEU AT THE SECOND HALF
OF XIX - BEGINNING of XX centuries

M. Leonov

Annotation

The paper discusses the phenomenon of patron-client relationship and social exchange in Russian bureaucratic milieu. Studying complex of support letters, author argues that procedures of patronage became more complicated due to growing legal consciences of Russian society. Patrons tried to find additional arguments in order to substantiate their clients' claims on vacancies, subsidies and awards.

Keywords: bureaucracy, patronage, patron, client, broker, support letter.

Леонов Михаил Михайлович

Кандидат исторических наук, доцент
Самарской академии государственного
и муниципального управления

Аннотация

Статья посвящена анализу взаимодействия клиентов и патронов в чиновном мире пореформенной России. В ней исследовано несколько моделей протектирования, распространенных в бюрократической среде. Автор приходит к заключению, что на рубеже веков, в связи с ростом правосознания российского общества, принадлежность к числу "своих" перестала служить достаточным основанием для получения преференций. Составители рекомендательных писем изобретали дополнительные аргументы, подкрепляющие притязания "своих" на вакантное место, субсидию или награду.

Ключевые слова:

Бюрократия, протектирование, патрон, клиент, посредник, рекомендательное письмо.

Во все времена семейные и дружеские связи играли значимую роль в жизни чиновника. Поддержка влиятельных знакомых могла значительно ускорить карьерный рост. В России XIX – начала XX в. протектирование, как социальное явление, вызывало значительный общественный интерес и не раз находило отражение в произведениях классиков русской литературы. Н.В. Гоголь в "Мертвых душах" рельефно изобразил служебное рвение Чичикова, добросовестно трудившегося целыми днями и даже ночевавшего на канцелярских столах в тщетной надежде заслужить благосклонность сурового начальника. Потратив много сил и убедившись в бесплодности попыток выслужиться подобным способом, Чичиков подошел к своему начальнику с домашней стороны и сблизился с его дочерью. Протекция домочадцев растопила неприступного прежде руководителя, дело быстро пошло на лад. Чичиков получил вождеденное назначение. Как следует из текста Н.В. Гоголя, ключевую роль в этом процессе сыграло мнение женщин. Это важная черта: протектирование не замыкалось в рамках бюрократической корпорации, в нем активно участвовали люди из светского мира.

Многообразные формы протектирования в России неоднократно становились предметом изучения отечественных и зарубежных исследователей [19; 22; 34; 36; 37; 38; 39]. В данной статье, хронологически ограниченной рамками пореформенной эпохи, речь пойдет о нескольких моделях протектирования, получивших распростра-

нение в бюрократических кругах.

Анализу моделей протектирования необходимо предпослать общую характеристику поведения клиентов, нацеленных на поиск и эффективное взаимодействие с патроном. Базовым источником станут письма к потенциальному покровителю. Документы этого типа различны в деталях, но схожи в основных чертах. Они содержат просьбы о содействии, в широком диапазоне от разовой финансовой поддержки до трудоустройства и долговременного сотрудничества. Вот характерный пример. Начинаящий театральный критик А. Вакуловский обратился к издателю "Правительственного Вестника" К.К. Случескому. [12, л. 1] Исполненное вежливости письмо было приурочено к празднованию нового года. Надо отметить, что торжественное событие считалось удобным поводом для завязывания отношений, поскольку, во-первых, давало возможность предвосхитить просьбу поздравлениями и теплыми пожеланиями, а во-вторых, позволяло рассчитывать на праздничное настроение и, следовательно, великодушные адресата. Вслед за формальностями шло напоминание о прежней мимолетной встрече: "минувшим летом я имел счастье быть представленным Вам у С.Ф. Полтинина", – писал Вакуловский. Едва ли он мог надеяться, что знаменитый поэт помнил его полгода спустя, однако сам факт знакомства, пусть даже шапочного, по негласным законам светского общества давал право на обращение. Беспokoить вовсе незнакомого человека считалось нетактичным.

Молодой журналист просил места в редакции. Прежде он сотрудничал в "Гражданине", но был уволен. По версии Вакуловского, всему виной был произвол издателя газеты, князя В.П. Мещерского, человека с "барским, взбалмошным характером". Язвительно отзываясь о прежнем работодателе, Вакуловский не упустил случая противопоставить ему достоинства К.К. Случевского: "Ваше Превосходительство, хотя я так мало имел случаев видеть Вас, но Ваша личность, как поэта, писателя и человека – хорошо знакома всем людям, а тем более мне, имевшему соприкосновение с литературным миром".

Письма клиентов отражают характерное для отношений патрона различие социальных статусов. Возвеличивание патрона, возведение его в позицию сильного отчасти достигалось констатацией собственной слабости. Клиент нередко изображал себя маленьким человеком, переживающим гонения и испытывающим вечную нужду, однако не принижал своего ума и душевных качеств. Авторы писем традиционно выставляли себя способными и деятельными работниками, акцентировали внимание на своих достоинствах. Так, Вакуловский утверждал, что привык трудиться "от всей души прилежно, с любовью". Другой искатель места в "Правительственном вестнике", А.А. Майер, напоминал, что К.К.Случевский некогда нашел "проблески таланта" в его публикациях. "Французским языком я владею свободно и, как говорят, даже отличаюсь очень хорошим произношением", – рекламировал себя Майер. [13, л. 2–2 об.]

Очевидно, что в основе подобной репрезентации лежало желание показать товар лицом, побудить патрона сделать шаг навстречу и оказать помощь с тем, чтобы получать выгоду от сотрудничества в дальнейшем. Поэтому характеристика своих достоинств, как правило, соседствовала с предложением услуг.

Общепризнанно, что решающее слово в деле установления связей оставалось за патроном, ведавшим селекцией и продвижением своих протеже. [33, р. 18] Уважая его права, клиенты в первых письмах избегали обсуждения щекотливого вопроса оплаты их труда. Правда, в отдельных случаях это правило нарушалось: тот же А.А. Майер без обиняков оценивал свое сотрудничество в 250–300 рублей. Подобные заявки могли быть истолкованы как посягательство на прерогативы патрона, как навязывание расценок на те услуги, которые еще не были приняты. Более осторожные клиенты старались оставить впечатление деликатных людей, разумно полагая, что личные качества в клиентарных отношениях ценятся так же высоко, как и профессиональные. Если обращение достигало своей цели, патрон, как правило, в процессе личной встречи мог удовлетворить просьбу самостоятельно или обнадежить клиента и начать борьбу за его интересы.

Установить характер связи между патроном и клиентом, как правило, несложно: традиция рекомендательных

писем требовала от автора указывать, давно ли и насколько близко он был знаком с протеже. Чем прочнее были контакты с клиентом и его семьей, тем более весомым выглядело ручательство. Анализ рекомендательных писем дает право говорить о трех основных группах клиентов: первые приходились покровителю родственниками, вторые были его старыми знакомыми, а с третьими, порой малознакомыми людьми, связывала общность взглядов, которую мы обозначим как "идейное родство".

Клиенты, составлявшие первую группу, были традиционными фигурантами рекомендательных писем. Редкая карьера начиналась без поддержки семьи. Даже в зрелом возрасте, когда человек вырастал из роли клиента, его успехи могли быть тесно связаны с содействием родственников. Так, знаменитый полководец граф П.А. Румянцев получал престижные и выгодные назначения благодаря усилиям его матери, сестры и жены. Эти женщины имели доступ к императрице и всеми силами обеспечивали его победы над конкурентами при дворе, препятствовали распространению порочащих его слухов, а также сплели тонкую интригу, поддерживая домыслы о его царственном происхождении [1, С. 18–21].

Вторая группа клиентов, связанная с патроном прочными служебными, деловыми или светскими отношениями, столь же традиционна, как и первая. Часто бывало, что покровителем молодого человека становился тот, кто дружил с его родителями. В этом случае патрон мог иметь поверхностное представление о личных качествах клиента; цену имело его знакомство с семьей. Ниже приведено письмо одного пожилого епископа, типичное для этой категории рекомендаций: "Ваше Превосходительство, милостивый государь! Предстоящий пред Вами чиновник 14го класса Павел Альбинский служит более 6-ти лет в здешней Консистории и, по отзыву секретаря, вел себя постоянно хорошо, к службе способен и усерден.

Пред наступлением настоящего св. поста он вступил в брачный союз. После сего скудное жалованье, получаемое им за службу в Консистории, будет очень недостаточно для безбедного содержания двух лиц. Не благоугодно ли будет Вашему Превосходительству принять его под свое покровительство и, если возможно, дать ему в Палате место, какого признаете достойным. Надеюсь, что он Вашу милость и мою рекомендацию оправдает. Теперь объяснюсь, по какому побуждению решился я обратиться к Вашему Превосходительству с сего просьбою. Покойный отец чиновника, почивающий в нашей обители, служил при мне Протодиаконом, и я любил его, кроме других достоинств, за искреннюю мне преданность. Чем он доказал ее окончательно, – это требует дотошного объяснения. Посему, из признательности к отцу, я от души желаю быть хотя сколько-нибудь полезным детям его, о чем заботился, сколько мог, и прежде сего. Смею надеяться, что Ваше Превосходительство не оскорбитесь таким ходатайством, к которому, как я объяснил, почитаю себя обязанным. Но вместе прошу Вас и не стесняться им; потому что и я нимало оскорблен не буду, если исполнение моей просьбы окажется затруднительным или даже невозможным". [14, л. 19–20]

Как видно из текста, вследствие большой разницы в возрасте и социальном статусе патрон мало общался со своим протеже, не имел собственного представления о его способностях и предпочел сослаться на отзыв третьего лица (секретаря). Зато он близко знал отца Павла Альбинского. Заслуги отца говорили в пользу сына; указание на хорошую "наследственность" в патриархальном обществе России само по себе считалось дельной рекомендацией для трудоустройства чиновника низкого класса. Интересен и другой аспект письма. Епископ признался, что "почитает себя обязанным" хлопотать о детях человека, оказавшего ему некие услуги и убедившего его в своей преданности. Он обошел стороной вопрос о том, что именно совершил его протодиакон, но, впрочем, эти детали для нас несущественны. Куда важнее то, что стать покровителем епископа побудило чувство долга. Не каждый патрон был готов столь же открыто рассказать о мотивах своей деятельности, однако ситуация была знакома многим. Влиятельный человек обыкновенно не имел недостатка в знакомых, желающих обрести его покровительство, но проявлял большую избирательность. Ведь обратиться с просьбой о трудоустройстве значило, во-первых, нести ответственность за клиента в случае появления претензий к его деловым и личным качествам, а во-вторых, чувствовать себя обязанным, стать, в некотором смысле, должником корреспондента, удовлетворившего просьбу. Иной раз эта обременительная ноша заставляла человека отказаться в протекции, но наш епископ сделал выбор: его желание оплатить старый долг было достаточно сильно, чтобы завести новый.

Наряду с двумя традиционными группами клиентов, на рубеже веков отчетливо различается и третья, связанная с патроном не долговременными и устойчивыми личными

связями, а "идейным родством". Выход идейности на первый план явился отражением растущей политизации светского общества. Протектирование на этом фундаменте было характерно для салонов. В конце XIX века ряд гостиных был близок к властным структурам. Широкую известность получили консервативные салоны генерала Е.В. Богдановича и князя В.П. Мещерского; внимание современников привлекали также собрания у Б.В. Штюрмера, М.М. Андронникова, А.М. Безобразова, П.А. Бадмаева, С.С. Игнатьевой, Н.Ф. Гейдена, М.Э. Клейнмихель и др. [20] Некоторые из них распахнули двери для выходцев из разных сословий. Так, гостиную князя М.М. Андронникова, по выражению современника, посещала масса молодежи "чуть ли не с улицы" [21, с. 21–22].

Действительно, политическая окраска салона играла важную роль в деле установления связей. Посредством охранительной риторики, служившей обоснованию единства присутствующих, на собраниях создавалась атмосфера, открывавшая широкие возможности для сотрудничества. Обращает на себя внимание тот факт, что в столичных салонах часто появлялись приезжие из регионов. Многие из них использовали шанс встретить высокопоставленных людей в обстановке, более располагающей к общению, чем атмосфера служебного кабинета. Приезжие вносили живую струю в салонные беседы, информируя о настроениях населения и деятельности местных властей. Однако гостеприимство хозяев объяснялось не только интересом к доставляемым гостями сведениям. Как свидетельствует мировая практика, столичные покровители часто проявляли повышенное внимание к провинциалам. [35, Р. 54–55] Иными словами, хозяин салона получал прекрасную возможность прочно привязать к себе эту категорию клиентов. Приезжий, обыкновенно, имел в столице гораздо меньше связей, нежели местный житель, и, следовательно, его зависимость от покровителя была сильнее. Если результатом их взаимодействия становилось обретение клиентом искомых благ, то успех неизбежно приписывался "влиянию" покровителя, что, с одной стороны, выливалось в прирост его социального капитала, а с другой обещало перспективное сотрудничество в плане возврата долгов.

Важным направлением салонного сотрудничества стало выдвижение кандидатур в структуры власти. О замещении вакантных должностей людьми монархических взглядов стали усиленно заботиться в годы правления последнего императора. "Своим" щедро раздавали авансы. Зачастую хозяин салона составлял протекцию клиентам, которых видел лишь несколько раз, однако в их пользу говорили благонамеренные взгляды и рекомендации тех, кто ввел их в салон. Показательно, что при известных условиях в число "своих" могли попасть выходцы из других политических лагерей. Князь В.П. Мещерский вспоминал, как однажды С.Ю. Витте попросил его принять В.И. Ковалевского, который в свое время был обвинен в укрывательстве С.Г. Нечаева и заключен в Петропавловскую крепость. Мещерский считал Ковалевского соци-

ал-демократом, но легко уступил Витте, услышав фразу "он теперь перестал быть красным". обстоятельно побеседовав с гостем, князь вынес убеждение, что "хотя В.И. Ковалевский несомненно либерал, но столь же несомненно, что он не красный либерал", и не станет ради "либеральных увлечений" рисковать своей карьерой [7, с. 657–658]. Таким образом, в решении практических вопросов покровитель мог проявить известную гибкость и готовность к компромиссам [39]. Благодаря связям с императором и правительственными чиновниками, поддержка хозяина монархического салона сыграла решающую роль в карьере чиновника. Князь Мещерский сообщил о своих впечатлениях императору, и вскоре Ковалевский был назначен директором департамента торговли и мануфактур.

Из-под пера хозяев столичных салонов вышло множество рекомендательных писем. Сохранившиеся тексты проливают свет на то, какими средствами патроны и посредники добивались благ для своих подопечных. Большим мастером эпистолярного жанра оказался Е.В. Богданович. Прежде всего, он лаконично характеризовал заслуги и способности клиента. В одном из писем он просил помочь человеку, которого знал много лет, "пользовался его указаниями и сведениями", а также лично "удостоверился" в его компетентности. Богданович не скупился на эпитеты, характеризуя знакомого как "труженика", "скромного, достойного человека", "пользующегося в крае отличной репутацией" [29, л. 21–21 об.]. В другом письме он вел речь об устройстве в институт молодого человека из близкой ему киевской семьи. Этот юноша, по словам Богдановича, "хорошо и много учился", а его отец "пользуется почетным уважением среди всех киевлян". В третьем письме он рекомендовал студентов, "лично мне хорошо известных", "имеющих на родине семьи, с известным положением" [10, л. 5]. В четвертом хлопотал о судьбе "скромного молодого человека", который за год знакомства показал себя "энергичным и способным казак-патриотом", верным сотрудником [11, л. 55]. Можно констатировать наличие общих элементов во множестве рекомендательных писем. По-видимому, это говорит о существовании клише, выработанной большой практикой, превратившей протектирование в рутину. Наиболее характерным элементом клише была идентификация клиента как "своего" человека, призванная отделить его от массы "чужих". В приведенных выше примерах это достигалось, соответственно, за счет указания на патриотизм, давнее личное знакомство и принадлежность к хорошей семье. Кроме того, письмо должно было содержать четкие указания на нужды клиента и просьбу о содействии. В некоторых случаях речь также заходила о пользе, которую обещал принести клиент в случае успеха его начинаний.

Соблюдая негласные правила составления рекомендательных писем, автор, однако, мог придать им совершенно разную окраску. Все зависело от выбранной тактики. Ориентируясь на конъюнктуру, один и тот же чело-

век поступал по-разному: проявлял деликатность или настойчивость, был сдержан или эмоционален. Последовательность действий покровителя, призванных создать предпосылки для исполнения просьбы, мы будем называть "тактической схемой" (или "моделью") протектирования.

Переходя к разбору тактических схем, важно оговориться, что далеко не каждый покровитель был мастером своего дела. Наряду с теми, кто имел большую практику или природные способности, находилось немало людей безыскусных. Это понятно: протекция в русском обществе имела широкое распространение и относилась к категории обыденных явлений. Многие содействовали "своим", не рассчитывая на ответные услуги. Патроном, в принципе, мог выступить практически любой.

Часто встречались промахи, обусловленные кровной заинтересованностью патрона в позитивном отклике на просьбу. Ведь ставки были высоки. В случае успеха покровитель обретал благодарного клиента, а слух о его влиянии и связях распространялся в обществе. Напротив, неудача вела к разочарованию клиента, и, с некоторой долей вероятности, к возникновению разговоров за спиной о том, что патрон переоценивает свой авторитет и берется за дела не по плечу. Опасения утратить социальный престиж толкали иных покровителей на эмоциональные шаги и провоцировали скандалы. Государственный секретарь А.А. Половцов занес в дневник историю о своем участии в одном из таких столкновений. А.Н. Нарышкина, супруга обер-камергера, добивалась приглашения на званый вечер для своей протекте. Половцов отказал. Нарышкина сочла себя обиженной и на одном из придворных праздников выказала ему грубость. В отместку Половцов воскликнул ей в лицо: "как дурно воспитана эта высокопоставленная особа", а затем "весьма громко" повторил свою фразу, "к крайнему удовольствию толпы слушателей". [23, с. 278]

Нарышкина потерпела фиаско. Ее ошибка состояла в том, что она отреагировала на отказ излишне эмоционально. Сам факт отказа говорил о существовании известной напряженности в отношениях с Половцовым. Оказавшись в подобной ситуации, современник должен был либо ответить холодной враждебностью, либо искать способ улучшить отношения. Нарышкина позволила себе демонстративный жест, посягнув тем самым на право патрона распределять подконтрольные ему ресурсы. Несомненно, это явилось одной из причин того, что эскапды Половцова не только сошли ему с рук, но были с энтузиазмом восприняты светским обществом. Опытные покровители не допускали столь явных промахов. Они знали, что для успеха дела патрон должен поделиться благами добровольно, поэтому направляли усилия на то, чтоб убедить его в необходимости такого шага. В дело шли рациональные доводы, уговоры, обещания, взывание к справедливости и чувству долга, – одним словом, все те аргументы, с помощью которых можно было добиться

желаемого и сохранить мир. Искушенный покровитель выступал в роли менеджера, манипулирующего отношениями с людьми. Его задача состояла в том, чтобы, действуя во благо клиента, не нанести ущерба собственной сети социальных связей, а по возможности укрепить и расширить ее.

Используя в качестве основных индикаторов тон рекомендательных писем и характер аргументации, можно вычленив четыре популярные тактические схемы. Разумеется, такое деление условно. Перечень традиционных моделей протектирования может быть дополнен редкими и специфическими (интрига, "рекламная" кампания в печати, подкуп). Кроме того, в рамках каждой из четырех базовых схем возможно дальнейшее дробление. Избранная тактика могла существенно варьироваться с течением времени, корректироваться с учетом конъюнктуры и т.д.

Первая из моделей протектирования состояла в умеренном содействии клиенту. Автор рекомендательного письма не пытался устроить судьбу своего подопечного и не отягощал адресата докучливыми уговорами. Он хлопотал всего лишь об организации встречи. Это было немало, поскольку протекте получал ценный контакт, прямой доступ к интересующему его лицу. Существенно, что при таком раскладе клиент не был пассивным фигурантом переписки: предполагалось, что в ходе свидания он проявит себя, – что называется, покажет товар лицом.

К этой тактике охотно прибегали люди, занимавшие высокое общественное положение. Вот выдержка из письма государственного секретаря А.А. Половцова: "Старинный мой сенатский товарищ Владимир Васильевич Зубков просит меня снабдить его рекомендательным к Вам письмом, без объяснений по какому – то делу. Как я ни доказываю ему ненужность подобного писания, но не могу отказать настоятельному его требованию, пользуясь исполнением этого требования для засвидетельствования Вам совершенного моего почтения и преданности. А. Половцов" [28, л. 4].

Половцов сфокусировал внимание на персоне В.В. Зубкова, который был рекомендован как "старинный мой ... товарищ", то есть "свой", проверенный человек. Пусть внешне обращение обыгрывалось как курьез и способ засвидетельствовать преданность, но между строк проглядывала его подлинная интенция: Половцов выступал гарантом того, что с Зубковым можно иметь дело. Составляя протекцию своему знакомому, госсекретарь, в то же время, застраховал себя от возможных неприятностей: он просил лишь принять Зубкова, уклоняясь от обсуждения сути дела и даже утверждая, что планы протекте ему неизвестны.

Аналогичным образом поступали многие хозяева салонов. Е.В. Богданович и его супруга часто ограничивали свои заботы организацией встречи с тем или иным влиятельным лицом. Например, А.С. Суворин однажды полу-

чил просьбу "подарить четверть часа" госте их салона. В письме не было ни слова о настоящей цели визита; вместо этого делалась попытка пробудить в Суворине любопытство: "бойко, остроумно, метко она Вам расскажет такие вещи, которые Вам, несомненно, будут интересны". Очевидно, что клиент, принятый по протекции и поделившийся важной информацией, имел благоприятную возможность просить о чем-то для себя. Между строк покровители намекали именно на такой сценарий. Об этом говорит приписка: "Если же Вы не расположены ее принять, то скажите откровенно, да или нет, и она к Вам не придет" [25, л. 7–8].

Итак, умеренная помощь минимизировала риски покровителя. Он лишь принимал участие в клиенте, представляя тому возможность самостоятельно решать свой вопрос. Так протектировали людям, которым симпатизировали, но с которыми не были по-настоящему близки, например, клиентам, отнесенным нами к третьей группе (связанным "идейным родством"). Все хлопоты, как правило, исчерпывались одним письмом.

Продвигая давних знакомых, в полном смысле слова "своих" людей, действовали по-другому. Выработывалась принципиально иная тактика: покровитель мобилизовал ресурсы локальной сети, расписывал достоинства клиента и головой ручался за него. Для этой схемы были характерны вовлечение в дело широкого круга лиц и продолжительность поддержки.

Иллюстрацией может послужить история офицера Лейб-казацкого полка Д.И. Засядко. Надеясь изменить жизнь к лучшему, этот офицер стал навещать салон В.П. Мещерского. Хозяин салона принял в нем участие и начал продолжительную кампанию по продвижению клиента с одной гражданской должности на другую. В 1888 году Мещерский направил письмо Д.Ф. Кобеко (члену совета министра финансов), в котором просил принять "руководительное и наставительное участие" в судьбе Засядко [17, л. 1]. Как следует из текста, письменному обращению предшествовал устный разговор. К решению вопроса был подключен С.Ю. Витте. Результатом этих действий стало назначение Засядко управляющим казенной палатой в Полоцке. Спустя несколько лет, должность управляющего была использована как трамплин для дальнейшего роста. В начале XX в. Мещерский ходатайствовал перед В.К. Плеве о назначении Засядко на место председателя губернской земской управы в Твери: "...он был бы идеальным председателем, ибо имеет все качества нужные: он обладает большим тактом, выдержкою, он спокоен, любезен, приветлив, очень деятелен, отличный работник и добросовестен. С ним будет успех делу" [3, л. 24].

Рекомендация Мещерского сработала и в этот раз. Назначение состоялось, однако на новом посту "идеальный председатель" пробыл недолго. Его ждал очередной карьерный взлет: в 1904 году он стал самарским губернатором. Стоит обратить внимание на аргументы в поль-

зу клиента, приведенные в этих письмах. С одной стороны, Засядко рекомендовался как честный человек и толковый работник, готовый потрудиться на благо ведомства и во имя России. С другой стороны, хозяин салона делал упор на "верности" клиента, его способности оставаться лично преданным тому, кто согласится быть его патроном. Расчет здесь строился на нуждах адресатов писем. Не секрет, что всякий, особенно недавно назначенный, руководитель ведомства стремился опереться на "своих" людей, однако подходящие кандидатуры имелись под рукой не всегда. Проблема "нехватки людей" – образованных, трудолюбивых, а главное, надежных – считалась традиционной для органов государственного управления России. Случалось, что в поисках достойных сотрудников крупные чиновники сами обращались к посредничеству своих знакомых и сослуживцев. Так поступал, например, И.А. Вышнеградский [27, л. 2, б–б об.]. Кадровый голод создавал прекрасные условия для протектирования "своим". Хозяева салонов, обладавшие обширной сетью социальных контактов и обычно хорошо осведомленные о нуждах и возможностях влиятельных друзей, имели все шансы выбрать момент и пристроить человека к "теплому местечку". Постоянное воспроизведение в письмах формулы "личной преданности" подтверждает мысль, что, с точки зрения покровителя, человеческие достоинства клиента не уступали по значимости его профессиональной пригодности. Вот почему потенциальный патрон, выбиравший между несколькими претендентами на должность, мог получить письмо в поддержку "более простого" кандидата, чей недостаток квалификации компенсировался верностью ("у которого кроме знания дела столько сердца, и столько простой преданности делу и Вам") [32, л. 3].

Следующая, третья по счету, модель протектирования строилась в расчете на авторитет рекомендателя. Автор письма не предлагал корреспонденту пользоваться услугами клиента и обходил стороной тему "верности"; он без обиняков просил об одолжении персонально для себя. Активность клиента в рамках этой модели протектирования сводилась к минимуму; вопрос решался между двумя патронами. Так, А.Н. Скрябин ожидал любезности от М.К. Морозовой, когда поручил ей воспользоваться салонными связями и найти работу для знакомого врача. Та промолчала, но композитор проявил настойчивость: "Получили ли Вы мое письмо с просьбой содействовать доктору Орлову в поисках места врача? На всякий случай еще раз прошу Вас сделать для него возможное, если он обратится к Вам" [8, л. 107 об.]. Морозова прежде не слыхала об этом медике, однако Скрябин рассчитывал получить ее обещание содействовать в поисках места еще до того, как Орлов нанесет ей визит. Очевидно, Скрябин был уверен, что имеет право на подобную просьбу.

Откуда бралась такая уверенность? Ведь патроны решительно противостояли давлению, в чем мы могли убедиться, разбирая конфликт Половцова и Нарышкиной. Дело в том, что эта история имела совсем другую подоплеку. Скрябин и Морозова были не чужие люди. Их связывали многолетние отношения, они регулярно вели переписку. Два письма о докторе Орлове оказались маленьким эпизодом их сотрудничества. Успех протекции был обеспечен тем значением, которое один патрон имел в глазах другого.

Авторитет высокого покровителя был особенно ощутим в провинции. Самарский губернатор А.С. Брянчанинов устраивал судьбы отдельных посетителей его гостиной, невзирая на их подчас сомнительное прошлое. Дело в том, что глубинная Самарская губерния считалась спокойной, и в нее ссылали поднадзорных. Один из них, либерал А.К. Клафтон, снискал доверие губернатора и его супруги [6, с. 110]. С их помощью в 1902 г. он попал для получения чина в канцелярию уездного предводителя дворянства. Позже, и вновь по протекции губернатора, Клафтон получил должность секретаря губернской земской управы [4, л. 40–41].

Разумеется, дело не всегда решалось наилучшим образом. Адресат письма мог испытывать затруднения с исполнением просьбы или удовлетворял ходатайство лишь частично. Например, сотрудник "Нового времени" А.Н. Маслов обратился к К.К. Случевскому по поводу одного податного инспектора, желавшего получить новую должность. Из уважения к знакомому, Случевский подыскал клиенту место с годовым окладом в 800 рублей. Однако инспектор, получавший прежде 2400 рублей, нашел предложенное жалование "слишком зазорным" и отказался. Такое развитие событий грозило стать причиной охлаждения между патронами, и, чтобы снять напряжение, Маслов направил Случевскому письмо с извинениями, благодарностью за "сердечное отношение к моей

просьбе" и известием о том, что он продолжит хлопоты в пользу протее [15, л. 15].

Зато исполнение просьбы могло благотворно сказаться на отношениях с влиятельными "друзьями", и это обстоятельство обусловило склонность хозяев салонов к использованию данной тактической модели. Получив желаемое, покровитель в изысканных выражениях изъявлял свою признательность или просто пересказывал восторженные фразы "озаренного счастьем" протее. Нередко за этим следовали уверения в преданности и готовности к ответным услугам [30, л. 11–11об.] Взаимная любезность и личные одолжения поддерживали каналы коммуникации в рабочем состоянии. В целом, модель показала себя эффективной, хотя пространство ее применения, как правило, ограничивалось рамками сети.

Наконец, четвертая тактическая схема носила выраженный наступательный характер. Ее суть состояла в том, чтобы вывести адресата из состояния равновесия, сыграть на его чувствах и слабостях, и получить какие-либо предпочтения для протее.

Практику использования этой модели отличало видимое разнообразие. Простейшим и наименее удачным способом добиться своего было психологическое давление на визави, выражавшееся в настойчивом повторении пожеланий, напоминаниях и требованиях. Порой действия принимали агрессивный оттенок: так, камер-фрау М.П. Флотова, состоявшая при императрице Марии Федоровне, пыталась ошеломить Н.А. Протасова-Бахметева богатством своих придворных связей и заставить его взять на значимые должности близких к ней людей [23, с. 454]. Этот грубый способ нечасто приносил успех, и совсем неудивительно, что затея Флотовой провалилась. Впрочем, в единичных случаях к аналогичным средствам прибегали и опытные покровители. По-видимому, это объясняется тем, что они предполагали в своем корреспонденте слабость и надеялись его "продать". Так, В.П. Мещерский в 1902 году просил министра иностранных дел В.Н. Ламздорфа об ордене для доктора Левенсона. Граф Ламздорф отказал, однако покровитель без тени смущения написал ему повторно, воспевав достоинства Левенсона и важность оказанных им услуг. Просьба становилась похожей на требование, когда Мещерский подчеркивал: "я считаю себя в праве убедительно вновь просить Ваше Сиятельство о награждении орденом доктора Левенсона" [16, л. 2]. Надо констатировать, что при любом исходе дела применение крайних мер пагубно сказывалось как на отношениях с корреспондентом, так и на репутации покровителя; тот же Мещерский за свой напор прослыл "порядочным нахалом" [2, с. 158–159].

Известно, что хозяева многих салонов намеренно создавали у себя домашнюю обстановку. В непринужденной беседе за бокалом вина они подмечали характерные черты и привязанности гостей. Человеку свойственны слабости: один неравнодушен к лести, другой к деньгам,

третий к наградам. Порой такие наблюдения оказывались кстати. Как-то раз А.С. Суворину потребовалось добиться расположения крупного чиновника министерства внутренних дел С.С. Перфильева. Он обратился за советом к Е.В. Богдановичу. Тот предложил нетривиальный ход: "У Степана Степановича Перфильева, есть дочка Варвара, 14 лет, завтра ее именины, она любит картины. На Вашем издании "Каин и Авель и Рай" сделайте надпись: "Варваре Степановне Перфильевой от издателя" и вручите подателю, а завтра отправлю по назначению. Ручаюсь, что такая любезная проделка произведет хорошее впечатление на тятиньку" [25, л. 1].

Как видно, Богданович был большой мастер "любезных проделок"; ему неоднократно доводилось публично восхищаться детьми высокопоставленных знакомых и ездить "с конфетами к падчерице голубушке" [29, л. 1]. Он ловко распознал чадолюбивый характер С.С. Перфильева и предложил использовать эту слабость. Надо полагать, успех множества протекций Богдановича был обусловлен именно тем, что свои просьбы он излагал не в форме сухих рекомендательных писем, а устно, невзначай, с видом самой искренней заботы, сделав подарок или оказав какие-либо услуги со своей стороны.

Также в ходу было эмоциональное воздействие. Многие покровители вворачивали в письмо фразу, заострявшую внимание на том, что успех дела определит их душевный настрой: "порадуйте меня", "Вы окажете мне великое удовольствие". В отдельных случаях они сгущали краски, дабы пробудить сочувствие к протее. В одном из таких писем говорилось: "я умоляю Вас именем Христа милосердного прийти на помощь несчастной в эту драматическую минуту". Просьба прозвучала как крик души, хотя речь шла всего-навсего о сумме в сто рублей [31, л. 3]. Чем можно объяснить подобную несдержанность? Трудно ответить однозначно. С одной стороны, дело могло быть в уязвимости конкретного адресата. В таком случае, нагнетание страстей можно расценивать как попытку сыграть на его чувствах. С другой стороны, психологический нажим мог служить признаком особой близости клиента к покровителю. Это позволяет сделать предположение о градации "своих", осознанном или бессознательном выделении патроном наиболее значимых из числа его клиентов.

Эмоциональный слог особенно хорошо срабатывал в отношении светских дам. А.А. Половцов зафиксировал яркий пример того, как случайное женское вмешательство решило исход безнадежного, казалось, дела. В 1889 году В.В. Зубков обратился к графу И.И. Воронцову-Дашкову с письмом, в котором хлопотал о субсидии в четверть миллиона рублей. Тон и содержание послания были призваны пробудить в читателе сострадание. Воронцов-Дашков отдал письмо своей супруге. По свидетельству А.А. Половцова, за этим последовала неожиданная развязка: "графиня нашла письмо столь трогательным, что, читая его, расплакалась; то же самое сделала находив-

шаяся при этом и слушавшая чтение Елена Шереметева. Покуда эти две глупые женщины плакали, вошла императрица и тоже расплакалась, и все три женщины вместе осадили императора, который и сдался" [23, с. 228]. В глазах Половцова эпизод выглядел анекдотично, что подтверждается пассажем "глупые женщины", а также финальной фразой: "точно слушаешь историю из султано-ва гарема!" Вместе с тем, этот казус служит иллюстрацией того, какой могучей силой могла стать женская протекция, особенно когда несколько светских дам действовали сообща.

В данном случае придворные дамы оказались объектом чужих манипуляций, в предшествующих эпизодах Флотова и Нарышкина сработали неуклюже и встретили отпор. Но это вовсе не значит, что женщины были плохими патронами. Напротив: не являясь частью чиновного мира, они, тем не менее, активно вмешивались в его жизнь. Разумеется, отсутствие позиции в бюрократической иерархии существенно ограничивало их возможности, вынуждая действовать через знакомых мужчин. Однако в их руках имелись собственные козыри. Правила хорошего тона обязывали мужчину проявлять деликатность и уступать всюду, где уступки не вредили ему самому. Такая установка прослеживается в целом ряде трактатов о хорошем тоне, авторы которых брали за образец нормы светского общества. Читая эти пособия, трудно упустить из виду известный снобизм "сильного" пола в отношении "слабого". Одна из брошюр рекомендовала мужчинам проявлять выдержку в процессе общения: "Находясь в дамском обществе, терпеливо выслушивают все их разговоры, даже и самые пустые, и выслушивают с таким вниманием и так участливо, как будто сообщаемые вам сведения интересуют вас на самом деле. Поступая таким образом, вы приобретаете себе реноме приятного собеседника, хотя на самом деле вы сами ни полслова не сказали" [18, с. 86–88]. Другое издание предписывало великодушие во время карточной игры: "Играя с дамами, не старайтесь у них выиграть, а старайтесь только проиграть меньше" [5, с. 22]. Как видно, постулируя гендерное неравенство, эти издания все же признавали, что репутация мужчины в значительной степени зависела от мнения женской половины "света". Это обстоятельство побуждало чиновников любого ранга выслушивать просьбы, и в некоторых случаях удовлетворять их.

Надо сказать, что дамы умели хорошо использовать свою "слабость" в процессе протектирования. Одна хозяйка салона подкупала своих корреспондентов-мужчин фразами "Какой Вы милый и умный!" [9, л. 27 об.]. Другая шла еще дальше, намеренно принижая свои способности: "женщина не должна мешаться не в свое дело, вести переписку с умными людьми, которые ее не понимают" [25, л. 1]. Игра на гендерных предрассудках показала себя почти безотказным приемом. Она позволяла перевести корреспонденцию на рельсы личных отношений. Акцентируя внимание на чувствах и порывах, хозяйка сало-

на напоминала, что издатель ведет переписку с женщиной, а, следовательно, должен оставаться джентльменом.

К числу преимуществ дворянки, выступавшей в роли покровительницы, можно отнести и ее связи в женском мире. Светский этикет пореформенной эпохи давал женщинам сравнительно большую свободу проявления чувств, что позволяло не скупиться на выражения признания. Супруга Е.В. Богдановича, Александра Викторовна, привечала в салоне жен чиновников, именовала их "милая", "голубушка", целовала их, отправляла им маленькие подарки и т.д. [26, л. 1–10]. Инвестиции в отношения приносили щедрые дивиденды. Во-первых, дамы были неплохо осведомлены о мыслях и делах своих мужей, об их связях с сослуживцами и некоторых их секретах, но не всегда знали цену этим сведениям, и в непринужденной беседе могли поведать то, о чем их спутники предпочли бы умолчать. Во-вторых, многие жены имели достаточное влияние на мужей для того, чтобы решить судьбу протекции.

Итак, разнообразные уловки, будь то игра на чувствах или эмоциональная окраска текста, способствовали достижению заветной цели. Но лишь до некоторой степени. Главным фактором успеха оставался социальный капитал. Протектирование наглядно демонстрировало реальные возможности патрона, его общественный вес и сеть полезных связей.

О чем свидетельствует разнообразие тактических приемов, применявшихся в процессе протектирования? Почему современники столь изобретательно декорировали простые просьбы о помощи "своим"? Мне представляется, причину надо искать в тех переменах, которые происходили в общественном сознании. Протектирование постепенно превращалось в моральную проблему. В России XIX – начала XX в. "своим" помогали столь же усердно, что и в предшествующий период, но с большей осторожностью. На тех, кто радел "родному человечку" настойчиво и откровенно, смотрели неодобрительно, с усмешкой.

Лишь в одной из четырех тактических схем, разобранных выше, вещи назывались своими именами: речь шла о помощи клиенту из уважения к покровителю. Да и там рекомендательные письма были адресованы самым близким знакомым, тем, с кем считали возможным говорить по душам. В большинстве же случаев приходилось искать дополнительные аргументы. Покровитель указывал на высокий профессионализм клиента, хвалил его за верность и порядочность, ссылаясь на государственную пользу, а в некоторых случаях, в эмоциональном порыве, апеллировал к чувствам справедливости и великодушия. Принадлежность к категории "своих", сохраняя прежнюю значимость, уже не выдвигалась в качестве достаточного основания для получения различных предпочтений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бекасова А.В. Семья, родство и покровительство в России XVIII века: "домовое подданство" графа П.А.Румянцева. Автореф... дисс. канд. ист. наук. – СПб.: 2006. – 24 с.
2. Воспоминания. Из бумаг С.Е.Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. – СПб.: Изд-во РНБ, 2009. – 228 с.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф.586. – Оп. 1. – Ед. хр. 904. В.П. Мещерский – В.К. Плева, 8 января 1904 г.
4. Государственный архив Самарской области (ГАСО). – Ф.468. – Оп.2. – Ед.Хр.1390.
5. Коломнин В.П. Кабинет молодого мужчины и дамы. Законы светских приличий, салонных манер и хорошего тона. Юмористический словарь современных слов и выражений. – М.: Изд-во С.И. Леушина, 1883. – 190 с.
6. Самарская область: география и история, экономика и культура. Учебное пособие. – Самара: СамВен, 1998. – 669 с.
7. Мещерский В.П. Воспоминания. – М.: Захаров, 2001. – 687 с.
8. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). – Ф. 171. – Карт. XXIII. – Ед. хр. 1. А.Н. Скрыбин – М.К. Морозовой, 25 августа 1908 г.
9. НИОР РГБ. – Ф.171. – Карт. III. – Ед. хр. 11. М.К. Морозова – В.Ф. Снегиреву, б/д.
10. НИОР РГБ. – Ф. 664. – Карт. 1. – Ед. хр. 17. Е.В. Богданович – П.А. Столыпину, б/д.
11. НИОР РГБ. – Ф. 664. – Карт. 1. – Ед. хр. 12. Е.В. Богданович – Николаю II, б/д.
12. Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). – Ф. 359. – Оп. 1. – Ед. хр. 43. А. Вакуловский – К.К. Случевскому, 1 января 1889 г.
13. ОПИ ГИМ. – Ф. 359. – Оп. 1. – Ед.Хр.104. А.А.Майер – К.К.Случевскому, 14 августа 1893 года.
14. ОПИ ГИМ. – Ф. 359. – Оп.1. – Ед. хр. 104. Епископ Михаил – К.К. Случевскому, 15 февраля 1888 г.
15. ОПИ ГИМ. – Ф. 359. – Оп. 1. – Ед. хр. 104. А.Н. Маслов – К.К. Случевскому, 17 июня 1892 года.
16. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). – Ф. 124. – Ед. хр. 2789. В.П. Мещерский – В.Н. Ламздорфу, 13 марта 1902 г.
17. ОР РНБ. – Ф. 354. – Ед. хр. 82. В.П. Мещерский – Д.Ф. Кобеко, 25 января 1888 г.
18. Светлов О.П. Светский благоспитанный молодой человек. Сборник правил и наставлений, как держать себя с тактом во всех слоях общества и дома. С приставлением руководства к изучению танцевального искусства и дирижированию танцами: в 2 ч. – М.: Г.Т. Бриллиантов, 1898. – 222 с.
19. Седов П.В. "Он мне свой..." (Свойство при московском дворе XVII в.) // Нестор. Ежеквартальный журнал истории и культуры России и Восточной Европы. Технология власти. – СПб., 2005. – № 7. – С. 190–199.
20. Стогов Д.И. Правомонархические салоны Петербурга–Петрограда (конец XIX – начало XX века). – СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. – 312 с.
21. Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. – Т. 1. – Л.: Гос. Изд-во, 1924.
22. Патронат и клиента в истории России (материалы "круглого стола") // Новая политическая история. Сборник научных работ. – СПб.: 2004. – С. 255–277.
23. Половцов А.А. Дневник государственного секретаря: в 2 т. – Т. 2. 1887–1892. – М.: Центрполиграф, 2005 – 638 с.
24. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). – Ф. 459. – Оп. 1. – Ед. хр. 414. – Л. 87. Е.В. Богданович – А.С. Суворину.
25. РГАЛИ. – Ф. 459. – Оп. 1. – Ед. хр. 416. А.В. Богданович – А.С. Суворину, б/д.
26. РГАЛИ. – Ф. 459. – Оп. 2. – Ед. хр. 1152. Письма А.В. Богданович А.И. Сувориной, 1890–1900-е гг.
27. РГАЛИ. – Ф. 2555. – Оп. 1. – Ед. хр. 959. И.А. Вышнеградский – Н.А. Ермакову, 10 и 24 июня 1880 г.
28. РГАЛИ. – Ф. 2555. – Оп. 1. – Ед. хр. 1167. А.А. Половцов – Н.А. Ермакову, 21 апреля 1881 г.
29. РГАЛИ. – Ф. 2555. – Оп. 1. – Ед. хр. 915. Е.В. Богданович – Н.А. Ермакову, 10 августа б/г.
30. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 922. – Оп. 1. – Ед. хр. 548. В.П. Мещерский – В.Г. Глазову, 4 января 1905 г.
31. РГИА. – Ф. 1571. – Оп. 1. – Ед. хр. 287. В.П. Мещерский – А.В. Кривошеину, 12 марта 1910 г.
32. РГИА. – Ф. 1622. – Оп. 1. – Ед. хр. 446. В.П. Мещерский – С.Ю. Витте, 9 мая 1897 г.
33. Bennett H.A. Evolution of the meanings of chin: an introduction to the Russian institution of rank ordering and niche assignment from the time of Peter the Great? Table of ranks to the Bolshevik revolution // California Slavic Studies. – 1977. – Vol. 10. – P. 1–43.
34. Hosking G. Patronage and the Russian state // Slavonic and East European Review. – 2000. – P. 301–320.
35. Kettering S. Patrons, brokers, and clients in seventeenth-century France. – New-York – Oxford: Oxford University Press, 1986. – 322 p.
36. Nolte H.–H. Patronage und Klientel im fruehneuzeitlichen Russland: ein Orientierungsversuch // Patronage und Klientel. Ergebnisse einer polnisch–deutschen Konferenz. – Koeln–Wien, 1989. – S. 1–17.
37. Klientelsysteme im Europa der Fruehen Neuzeit. – Muenchen, R. Oldenbourg, 1988. – 386 S.
38. Schattenberg S. Die korrupte Provinz? Russische Beamte im 19. Jahrhundert. Frankfurt am Main, Campus Verlag, 2008. – 320 S.
39. Walker B. Kruzhozok culture: the meaning of patronage in the early Soviet literary world // Contemporary European history. – 2002. – II, 1. – P. 107 – 123.

СОЦИАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ БЮРОКРАТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX в.

THE SOCIAL EVOLUTION OF THE BUREAUCRATIC ELITE OF RUSSIAN EMPIRE IN XX CENTURY

S. Kulikov

Annotation

The article considers the social evolution of the bureaucratic elite of Russian Empire. The author focuses on the analysis of the results of this process from the point of the view of such important aspects as the social origin of the officials, their prosperity condition and educational level.

Keywords: Russian Empire, bureaucratic elite, social evolution.

Куликов Сергей Викторович
к.ист.н., старший научный сотрудник
Санкт-Петербургского Института
истории РАН

Аннотация

В статье рассматривается социальная эволюция бюрократической элиты Российской империи. Особое внимание уделяется анализу итогов этого процесса с точки зрения таких важных аспектов, как социальное происхождение чиновников, имущественное положение и образовательный уровень.

Ключевые слова:

Российская империя, бюрократическая элита, социальная эволюция.

Социальная эволюция бюрократической элиты Российской империи второй половины XIX – начала XX в. изучена явно недостаточно, поскольку отечественные и зарубежные исследования этой темы обрываются на 1914 г. В историографии имеется только две статьи [1, с. 3–46; 2, с. 63–86], специально посвященные поставленным проблемам.

Формально бюрократическую элиту составляли чиновники, занимавшие должности первых четырех классов. Лидирующее положение среди них занимали сановники, образовывавшие субэлиту: они не только занимали высокое положение в иерархии власти, но и принимали окончательные решения, выражая политическую волю "верхов". В эту группу входили представители трех отраслей высшей власти: законодательной (назначенные члены Государственного совета), исполнительной (министры, их товарищи (заместители) и директора департаментов) и судебной (сенаторы). В Российской империи правящая элита практически полностью совпадала с высшим слоем бюрократии. "Даже до введения в России конституционного образа правления, – констатировал последний царский министр финансов П.Л. Барк, – русские монархи, хотя и были самодержцами, чрезвычайно редко проявляли самодержавную волю в важных вопросах государственного управления. Собственно говоря, Россия управлялась бюрократической машиной, и монархи обычно руководились в своих решениях докладами, которые разрабатывались отдельными министрами и представлялись на утверждение верховной власти" [3, с. 103]. Вплоть до 1917 г. Российская империя была наиболее типичным примером бюрократической империи, в том смысле, в каком это понятие употреблял С. Хантинг-

тон, отличая ее от абсолютной монархии [4, с. 155].

Доминирование бюрократии над остальными факторами исторического процесса и жесткая иерархичность государственной власти, характерная для дореволюционной России, приводили к тому, что эта элита являлась поистине квинтэссенцией старого порядка, в большей степени, чем какая-либо иная элита, оказывая решающее влияние не только внутри сферы своей компетенции, но и далеко за ее пределами. Ключевая роль бюрократической элиты в политической системе Российской империи предопределялась и тем, что сам император Николай II являлся ее венцом, выступая в роли высшего чиновника Империи. "Император – отмечал кадетский государствовед барон Б.Э. Нольде – был высшим чиновником, дальше которого некуда было посылать бумаги на подпись, и который с воспитанной традицией аккуратностью и точностью давал свою подпись и венчал, таким образом, бюрократическую иерархию" [5, с. 542]. В России начала XX в. бюрократизация верховного управления достигла наивысшей степени, и роль интегрирующего фактора стала играть не царская власть, олицетворяемая Императорским двором, а бюрократическая элита [6, с. 21–108]. Что же представляли собой главные категории бюрократической элиты к 23 февраля 1917 г.?

Необходимо, прежде всего, развенчать миф о дворянско-помещичьем засилье, сохранявшемся, якобы, вплоть до падения монархии. Между тем, характеризуя ситуацию даже не кануна 1917 г., а рубежа XIX – начала XX в., камергер В.Б. Лопухин писал: "Некогда был в России правящим дворянский класс. Но в описываемые годы дворянство как сословная организация перестало су-

ществовать. Процесс дворянского оскудения в эти годы уже завершился – подозревавшаяся, но в момент ее наступления оставшаяся не замеченной современниками смертью сословия. Производившиеся попытки его оживить были потому именно безрезультатны, что производились не над умирающим, а над трупом" [7, с. 81]. На 23 февраля 1917 г. по своему происхождению большинство представителей бюрократической элиты формально принадлежали к потомственному дворянству. На уровне высшей столичной бюрократии недворяне составляли одну шестую членов Государственного совета, две пятых министров, треть товарищей министров и директоров департаментов, одну пятую сенаторов. На уровне высшей провинциальной бюрократии они образовывали четверть генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников, одну десятую вице-губернаторов, более трети председателей судебных палат и окружных судов. Недворяне доминировали только среди управляющих казенными палатами и акцизными сборами (две трети). Среди послов и посланников они составляли одну седьмую [8, с. 439]. Налицо, как будто бы, слабая вертикальная мобильность и циркуляция элит и, как их следствие, небольшая демократизированность бюрократической элиты, но это только видимость.

Дворянская прослойка бюрократической элиты была крайне неоднородна, на что уже обращалось внимание в новейшей историографии [9, с. 73]. Во-первых, эта прослойка включала в себя представителей старого, допетровского дворянства. Они образовывали явное большинство только среди губернаторов, вице-губернаторов и дипломатов. Особая подгруппа, титулованная аристократия, составляла внутри всех категорий стабильное меньшинство [10, с. 440]. Барк указывал, подразумевая начало XX в., на "абсолютное отсутствие влияния на ход дел нашей аристократии", расценивая данный факт как "отрицательное явление", поскольку "славянская душа не была связана старинными традициями и дисциплиной, как в других странах, например в Англии" [11, с. 451]. Кстати, Барк, вошедший, уже в эмиграции, в финансовую элиту Англии, хорошо знал об особенностях ее политической культуры.

Дворянская прослойка включала в себя и представителей нового дворянства, т.е. потомков лиц, которые выступили дворянское достоинство. Новые дворяне принадлежали к потомственному дворянству только формально. В октябре 1906 г. специалисты по дворянскому вопросу выделили элементы, "не только не однородные" с поместным дворянством, но "подчас и прямо враждебные, как не связанные классовым интересом". К этим элементам оказался отнесенным "интеллигентный пролетариат", состоящий из дворян, "вошедших в сословие за "выслугу лет" их родителей, или в бюрократических должностях, или в духовном сане" [12, с. 230]. Фактически новые дворяне являлись представителями потомственного чиновничества и офицерства, разночинцами. Большинство министров царствования Николая II, по на-

блюдениям выборного члена Государственного совета В.И. Гурко, "не принадлежало ни к дворянскому, ни к землевладельческому классу": "все были из разночинцев, никто не принадлежал к знати" [13, с. 248]. Как отмечал последний государственный секретарь С.Е. Крыжановский, "все высшее чиновничество, не исключая и министров, слагалось по преимуществу из лиц невысокого происхождения" [14, с. 116]. Согласно Барку, "главное влияние в нашем правительстве имели самородки (селф-мед-мен)" [15, с. 451]. Разночинцы к 1917 г. составляли треть членов Государственного совета, одну десятую министров, одну пятую товарищей министров и директоров департаментов, почти треть сенаторов, треть генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников, одну пятую вице-губернаторов, одну десятую управляющих казенными палатами и акцизными сборами, четверть председателей судебных палат и окружных судов и одну десятую послов и посланников [16, с. 440].

Неоднородной была не только дворянская прослойка, но и входившая в нее подгруппа старых дворян, которую образовывали помещики и безземельные сановники – последних помещики не считали "своими". В мае 1906 г. В.Н. Ознобишин заявил, что "истинное дворянство поместное, живущее на земле, ничего общего не имеет с теми дворянами, которые наполняют петербургские канцелярии и которые никакими традициями с поместным дворянством не связаны" [17, с. 49]. К 1917 г. безземельные старые дворяне составляли одну пятую членов Государственного совета, треть министров, четверть товарищей министров, директоров департаментов, сенаторов, генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников, две пятых вице-губернаторов, около четверти управляющих казенными палатами и акцизными сборами, одну пятую председателей судебных палат и окружных судов и две пятых дипломатов [18, с. 440]. Безземельные дворяне как бы выпадали из своей страны. По наблюдениям прогрессиста князя С.Е. Трубецкого, представители дворянства, не имевшие поместий, теряли характерные черты "служилого сословия" [19, с. 117]. Безземельные дворяне пополняли ряды интеллигенции. В октябре 1906 г. специалисты отнесли к "интеллигентному пролетариату" "дворян, не владеющих и никогда не владевших поместьями", а потому разделили дворянство "на две части с противоположными интересами: на класс поместного дворянства (консервативный) и на класс дворян интеллигентов-пролетариев (радикальный и даже революционный)" [20, с. 230, 238]. В 1908 г. эксперты констатировали, что с потерей земли "высший класс" "обратился бы всецело в так называемую интеллигенцию" [21, с. 849]. Потомственные дворяне, "порвавшие связь с землевладением, – указывал кадетский историк А.М. Ону, – слились с интеллигенцией" [22, с. 19]. Следовательно, безземельные дворяне, как старые, так и новые, принадлежали не к дворянству, а к интеллигенции с точки зрения не только консерваторов, но и оппозиционеров.

На 23 февраля 1917 г. внутри всех категорий бюро-

кратической элиты землевладельцы составляли меньшинство, за ними шли домо- и заводовладельцы. Среди землевладельцев доминировали мелко- и среднепоместные дворяне. Владельцы крупных поместий были крайне немногочисленны. Большинство сановников почти всех категорий (кроме генерал-губернаторов) не обладали недвижимой собственностью [23, с. 442 – 443]. "Наросла оторвавшаяся от дворянского землевладения сильная бюрократия", – писал в своих воспоминаниях В.Б. Лопухин [24, с. 81]. Для безземельных сановников основным источником существования являлась государственная служба. Как указывал В.И. Гурко, "средствами даже крупное чиновничество совсем не обладало и жило исключительно на получаемое жалованье" [25, с. 244]. Вопреки марксистскому стереотипу, к 1917 г. Россией правили не дворяне-помещики, а бюрократы-профессионалы, являвшиеся настоящими интеллигентами.

Отсутствие у сановников земли слабо компенсировалось их участием в частнопредпринимательской деятельности, во-первых, из-за последовавшего еще в 1884 г. запрета совмещения высших должностей государственной и частной службы, а во-вторых, по причине ментального порядка. Представители бюрократической элиты разделяли мнение о предпринимательской деятельности, как о чем-то второсортном и даже недостойном [26, с. 218–235; 27, с. 79–85]. Московский предприниматель и прогрессист П.А. Бурыйшкн удивлялся, что "до самой революции в некоторой части ... крупного чиновничества было необычайно презрительное отношение ... к самой промышленности и торговле" [28, с. 296–297]. В основе презрительного отношения к предпринимательству лежало представление о неизбывной порочности денег и всего, что с ними связано. Данное представление, прививавшееся с самого детства, влияло на стиль последующей жизни намного сильнее, чем навыки, приобретенные позже. Граф П.А. Граббе вспоминал, что родители приучали его к тому, что "нельзя на людях в открытую обсуждать, что сколько стоит". По наблюдениям Граббе, "вообще упоминать о деньгах считалось неприличным. Это дурной тон. Торговаться при покупке считалось вульгарным. Торговцы пользовались репутацией сомнительных людей" [29, с. 30]. Антиденежный пафос ментальности высшей бюрократии роднил ее с интеллигенцией, для которой также был характерен культ бессеребренничества.

Зависимость уровня жизни представителей бюрократической элиты от жалованья не вела к усилению ее коррумпированности, вследствие высоких окладов содержания сановников. Система российской государственности начала XX в., подчеркивал датчанин К.А. Кофод, "порождала, конечно, коррупцию, но эта коррупция почти никогда не выходила за пределы отдельных ведомств. И русские ни в коей мере не были коррумпированы больше других наций" [30, с. 255]. Царские министры периода Первой мировой войны имели, пожалуй, самую плохую репутацию, в том числе и по части бескорыстия. Однако,

как вспоминал следователь Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства А.Ф. Романов, революционному правительству "не удалось не только осудить деятелей прежней власти, но, несмотря на самое горячее желание и энергию, даже и обнаружить хотя бы намеки на те тяжкие преступления, которые приписывались ей так называемым общественным мнением" [31, с. 37, 38].

Новые дворяне и безземельные старые дворяне по своему социальному статусу были ближе к недворянам, а не к старым дворянам, обладавшим землей. Поэтому первых трех целесообразно соединить в одну прослойку. К 1917 г. недворяне, новые дворяне и безземельные старые дворяне среди всех категорий бюрократической элиты составляли подавляющее большинство: две трети членов Государственного совета, четыре пятых министров и товарищей министров и директоров департаментов, три четверти сенаторов, более половины генерал-губернаторов, губернаторов, и градоначальников, две трети вице-губернаторов, 96% управляющих казенными палатами и акцизными сборами, четыре пятых председателей судебных палат и окружных судов и две трети послов и посланников [32, с. 440].

Следовательно, накануне падения царизма степень вертикальной мобильности и циркуляции элит, а значит – и демократизированности бюрократической элиты, на самом деле была весьма высокой. "Россия в смысле возможности восхождения к власти отдельных лиц, – подчеркивал С. Е. Крыжановский, – была страной едва ли не самой демократической, и управление Империи было наименее классовым" [33, с. 116]. Отметив, какую малую роль играло происхождение при назначениях на высшие государственные должности в России начала XX в., октябрист барон А.Ф. Мейендорф заключал: "Российская империя была самой демократической монархией в мире" [34, с. 512]. В свою очередь, П.Л. Барк писал А.Н. Яхонтову, что "ни одна страна не была столь демократична, как Россия", поскольку в ней "все карьеры были открыты талантам и энергии, начиная со Сперанского и кончая графом Витте и Кривошеиным" [35, с. 451]. "Выдающееся положение занимали в ней, – подразумевая царскую бюрократию в целом, указывал Лопухин, – многочисленные выходцы из других сословий. Сословных перегородок на гражданской службе не существовало, поскольку бюрократии было жизненно необходимо привлечение талантов" [36, с. 81]. В связи с этим причиной Февральской революции можно считать не закрытость бюрократической элиты, а ее чрезмерную открытость – она привела к усилению социальной гетерогенности правящей верхушки и ослаблению силы сопротивления бюрократической элиты натиску общественной контрэлиты.

С интеллигенцией высшую бюрократию роднило и то, что подавляющее большинство сановников являлись выпускниками вузов, среди которых лидировали выпускники университетов. Четверть от общего числа представи-

телей высшей столичной бюрократии были выпускниками Петербургского университета, а более одной шестой – выпускниками его Юридического факультета [37, с. 172]. К началу XX в. именно высшее образование, а не сословное происхождение стало главной предпосылкой бюрократической карьеры. Как отмечала кадетская функционерка А.В. Тыркова, "образование и способности открывали в России путь к любой службе. Несмотря на неосторожные слова министра народного просвещения И.Д. Делянова, что кухаркиным детям не к чему давать образование, гимназии и университеты были всесословны. Получив диплом, можно было высоко подняться по бюрократической лестнице" [38, с. 241]. Образовательный ценз бюрократической элиты отличался высоким уровнем даже по сравнению с остальными группами образованного общества. Современники, вхожие как в бюрократические, так и в интеллигентские круги, а значит – имевшие возможность для компетентного сравнения потенциала тех и других, отдавали пальму первенства бюрократической элите.

Камергер И.И. Тхоржевский, вспоминая о своих, относящихся к началу XX в., впечатлениях от руководящего состава государственных учреждений того времени, подчеркивал, что те круги высшей бюрократии, с которыми он соприкасался, "сразу показались" ему "самыми культурными" [39, с. 31]. Характеризуя состав Государственного совета, его выборный член и академик М.М. Ковалевский писал в 1914 г., что "бюрократические элементы" верхней палаты "по уму, талантливости, знанию и практическому опыту выигрывают от сравнения с общественными" [40, с. 91]. Гурко считал, что "служба правительственная поглощала почти без остатка все, что было лучшего в стране, как в смысле умственном, так и нравственном" [41, с. 241, 242]. В этой связи особое значение приобретает проблема отношений власти и науки в предреволюционной России [42, с. 112–137; 43, с. 44–65]. Персональные отношения между ними протекали в рамках трех идеальных типов.

Первый тип, "ученого во власти", аккумулировал индивидуальные особенности профессиональных ученых, разменявших чисто научную карьеру на карьеру административную либо судебную. Поставщиками представителей этого типа были университеты, присуждавшие ученые степени кандидата, магистра и доктора. Сановники, имевшие ученые степени (настоящие, а не купленные!), начиная с низшей из них – кандидата, среди назначенных членов Государственного совета составляли более трети, среди министров и товарищей министров и директоров департаментов – более двух пятых, среди сенаторов – около половины [44, с. 60]. Массированное пополнение бюрократической элиты представителями науки началось на рубеже XIX – XX вв. "В Государственной канцелярии, кроме представителей русской знати, – характеризовал это время Тхоржевский, – было уже немало и людей моего типа, т.е. прошедших высшую научную школу и приобретших в ней, кроме знаний, привычку быстро и

объективно разбираться в сложных вопросах. Служилый Петербург, как бы предчувствуя предстоящую ему преобразовательную работу, уже запасался людьми: стягивал к себе, обирая профессуру, свежие умственные силы" [45, с. 32]. Наблюдавшийся в начале XX в. наплыв ученых во власть был беспрецедентно широк. Профессор И.Я. Гурлянд, редактор столыпинского официоза "Россия", даже утверждал, что в оппозиции остались не профессора, а "полупрофессора", так как, якобы, в ее рядах "подвизаются именно наименее серьезные ученые силы" [46, с. 51]. Тип "ученого во власти" внутри бюрократической элиты к 1917 г. стал одним из наиболее распространенных, оказывая огромное влияние на формирование нового имиджа царского бюрократа.

Следующий тип – "несостоявшегося ученого", обобщавший индивидуальные черты сановников, имевших ментальность ученого, которую в силу тех или иных чисто внешних причин они не актуализировали до конца. К научному сообществу они принадлежали, но не по формальному статусу, а именно по ментальности. Третий идеальный тип – "просвещенного сановника", доставшийся в наследство от XIX в., являлся некой золотой серединой между типами, рассмотренными выше. С одной стороны, подобного рода сановники не были связаны с наукой формально, с другой, занимаясь ею на досуге, – вносили в нее вполне реальный вклад. Поскольку под рассмотренные идеальные типы подпадало подавляющее большинство представителей бюрократической элиты, имеются основания для вывода о том, что, подобно тому, как научное сообщество вследствие своей государственности являлось подсистемой царской бюрократии, в свою очередь, она через бюрократическую элиту была подсистемой научного сообщества. Внутри высшей бюрократии юристы преобладали над остальными гуманитариями, а гуманитарии над технократами, составлявшими, в отличие от общественной контрэлиты, ничтожное меньшинство [47, с. 66–70]. Российская монархия начала XX в. являлась формой политического доминирования гуманитарной научной субкультуры над технократической, а одной из причин Февральской революции был конфликт между ними.

К 1917 г., в результате социальной эволюции бюрократической элиты, с точки зрения значимых показателей (сословное происхождение, имущественное положение, образовательный уровень), она стала частью "служилой интеллигенции", которая пребывала в составе российской интеллигенции и ранее вмещала в себя только среднее и низшее чиновничество [48, с. 24–28]. Впрочем, традиционно считается, что интеллигенция, или, используя термины элитизма, общественная контрэлита, противостояла самодержавию, а значит – бюрократической элите. Однако это мнение грешит политизированностью. "Интеллигенцию, – писал известный земский деятель И.И. Петрункевич, – объединяют интересы умственные, образование, специальные знания, занятие наукой, литературой, искусством, все то, что носит название сво-

бодной профессии" [49, с. 152]. Согласно деполитизированному определению, сановники, как носители специальных, управленческих знаний, были настоящими интеллигентами. С интеллигенцией бюрократическую элиту идентифицировали совершенно разные наблюдатели, в том числе и сами сановники. В.С. Глинка–Янчевская писала А.С. Стеткевичу в январе 1915 г., что "наш правящий класс ... воистину стал каким-то интернациональным интеллигентом" [50, с. 120]. "Русский чиновник и интеллигент, – отмечал английский журналист Р. Вильтон, – были братьями той же семьи" [51, с. 386]. Последние царские министры земледелия и путей сообщения А.А. Риттих и Э.Б. Войновский–Кригер, первый – относил к "нашей интеллигенции последних 50 лет" и "тех, кто стоял на верхах управления" [52, с. 432], а второй, происшедший из потомственных дворян, полагал, что по своему социальному положению принадлежит "к громадному большинству русской интеллигенции" [53, с. 9].

Взаимопроникновение бюрократической элиты и интеллигенции было вполне естественно и предопределялось обстоятельствами функционального порядка. В системе российской государственности начала XX в., при аморфности социальных страт и слабости связей между ними, царский режим являлся едва ли не единственной несущей конструкцией, а потому нуждался в компенсации своей уникальности принципом не количества, а качества. "Никакому другому правительству, – подразумевая царское правительство, подчеркивал французский посол Ж.М. Палеолог в 1916 г., – не нужны в такой степени интеллигентность, честность, мудрость, дух порядка, предвидение, талант; дело в том, что вне царского строя, т.е. вне его административной олигархии, ничего нет: ни контролирующего механизма, ни автономных ячеек, ни прочно установленных партий, ни социальных группировок, никакой легальной или бытовой организации общественной воли" [54, с. 245]. Впрочем, бюрократическая элита была весьма специфической частью интеллигенции, частью, выделявшейся на ментальном уровне чет-

ким отождествлением общего блага и государственного интереса. В совмещении этих идеалов сановники, в отличие от остальных интеллигентов, не видели никакого противоречия. "Я, – вспоминал сенатор С.В. Завадский, – всегда думал, что работа чиновника – если он честен, прилежен и не глуп, – не пустяки, а важное дело, существенно необходимое для России, при мало развитой самостоятельности ее общественных кругов" [55, с. 27]. Наблюдавшееся в начале XX в. вхождение бюрократической элиты в состав российской интеллигенции привело к появлению качественно нового типа сановника, в корне отличного от типов, преобладавших в XIX в. Как отмечала А.В. Тыркова, "жизнь брала свое, и мало-помалу выработался новый тип чиновника, честного, преданного делу, не похожего на тех уродов дореформенной России, которых описывали Гоголь и Щедрин. Мы их оценили только тогда, когда революция разогнала и искоренила старый служильный класс" [56, с. 240].

Из-за принадлежности к интеллигенции к 1917 г. бюрократическая элита обеспечивала политическое господство интеллигенции. Согласно плану, составленному в июне 1916 г. графом А.А. Бобринским, И.Я. Гурляндом и Б.В. Штюмером, вершителями судеб тогдашнего правительства, в будущей V Государственной думе было предположено предоставить 50 мест – инородцам, 50–70 – представителям банков и торгово-промышленных кругов, по 80 – крестьянам и священникам и целых 200 – именно "интеллигенции" [57, с. 245]. Следовательно, еще одной причиной Февральской революции можно считать не вертикальную, а горизонтальную поляризацию, т.е. конфликт не между российской интеллигенцией и царской бюрократией, а между разными слоями этой интеллигенции, покрывавшей собой все сегменты партийного спектра, с крайне правого до крайне левого, концентрируясь, естественно, наиболее густо в либеральной нише. Таковы парадоксы, с которыми мы сталкиваемся при изучении социальной эволюции бюрократической элиты Российской империи и итогов этого процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Куликов С.В. Социальный облик высшей бюрократии России накануне Февральской революции. // Из глубины времен. 1995. Вып. 5. С. 3–46.
2. Дубенцов Б.Б., Куликов С.В. Социальная эволюция высшей царской бюрократии во второй половине XIX – начале XX в. (Итоги и перспективы изучения). // Проблемы социально-экономической и политической истории России. XIX – XX вв. СПб.: "Алетейя", 1999. С. 63–86.
3. Барк П.Л. Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн. 173. С. 96–109.
4. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: "Прогресс-Традиция", 2004. 480 с.
5. Нольде Б.Э. Из истории русской катастрофы // Современные записки. 1927. Кн. 30. С. 537–550.
6. Куликов С.В. Высшая царская бюрократия и Императорский двор накануне падения монархии. // Из глубины времен. 1999. Вып. 11. С. 21–108.
7. Лопухин В.Б. Записки бывшего директора Департамента МИДа. СПб.: "Нестор-История", 2008. 540 с.
8. Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань: "НРИИД", 2004. 472 с.
9. Дубенцов Б.Б., Куликов С.В. Социальная эволюция высшей царской бюрократии во вт. пол. XIX – начале XX в. (Итоги и перспективы изучения). // Проблемы социально-экономической и политической истории России. XIX – XX вв. СПб.: "Алетейя", 1999. С. 63–86.
10. Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань: "НРИИД", 2004. 472 с.
11. Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова (записки заседаний и переписка). СПб.: "Дмитрий Буланин", 1999. 560 с.
12. Правые партии. Документы и материалы: в 2 т. М.: "РОССПЭН", 1998. Т. 1. 720 с.

13. Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М.: "НЛО", 2000. 816 с.
14. Крыжановский С.Е. Воспоминания. СПб.: "РНБ", 2009. 228 с.
15. Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова (записи заседаний и переписка). СПб.: "Дм. Буланин", 1999. 560 с.
16. Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань: "НРИИД", 2004. 472 с.
17. Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. Т. 1. 1906–1908 гг. М.: "РОССПЭН", 2001. С. 928 с.
18. Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914 – 1917). Рязань: "НРИИД", 2004. 472 с.
19. Трубецкой С.Е. Минувшее. М.: "ДЭМ", 1991. 328 с.
20. Правые партии. Документы и материалы: в 2 т. М.: "РОССПЭН", 1998. Т. 1. 720 с.
21. Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. Т. 1. 1906–1908 гг. М.: "РОССПЭН", 2001. С. 928 с.
22. Ону А.М. Загадки русского сфинкса. М.: "Ось-89", 1995. 110 с.
23. Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань: "НРИИД", 2004. 472 с.
24. Лопухин В.Б. Записки бывшего директора Департамента МИДа. СПб.: "Нестор–История", 2008. 540 с.
25. Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М.: "НЛО", 2000. 816 с.
26. Куликов С.В. "Необычайно презрительное отношение к самой промышленности и торговле". Придворные и предприниматели в начале XX в. // История глазами историков. СПб., Пушкин, 2002. С. 218–235.
27. Куликов С.В. Придворный штат и частное предпринимательство в начале XX в. // Страницы российской истории. Проблемы, события, люди. СПб., 2003. С. 79–85.
28. Бурыйшкин П.А. Москва купеческая. М.: "Высшая школа", 1991. 352 с.
29. Граббе П.А. Окна на Неву. Мои юные годы в России. СПб.: "Иванов и Лещинский", 1995. 206 с.
30. Кофод К. 50 лет в России. 1878–1920. М.: "Права человека", 1997. 352 с.
31. Романов А.Ф. Император Николай II и его правительство (по данным Чрезвычайной следственной комиссии). // Русская летопись. 1922. Кн. 2. С. 20–40.
32. Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань: "НРИИД", 2004. 472 с.
33. Крыжановский С.Е. Воспоминания. СПб.: "РНБ", 2009. 228 с.
34. Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. СПб.: "Петрополь", 1991. 644 с.
35. Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова (записи заседаний и переписка). СПб.: "Дмитрий Буланин", 1999. 560 с.
36. Лопухин В.Б. Записки бывшего директора Департамента МИДа. СПб.: "Нестор–История", 2008. 540 с.
37. Куликов С.В. Высшая царская бюрократия как элемент социальной структуры предреволюционного Петрограда // Петербургские чтения – 96. Материалы энциклопедической библиотеки "Санкт–Петербург – 2003". СПб., 1996. С. 171–173.
38. Тыркова А.В. То, чего больше не будет. На путях к свободе. М.: "Слово", 1998. 560 с.
39. Тхоржевский И.И. Последний Петербург. Воспоминания камергера. СПб.: "Алетейя", 1999. 256 с.
40. Ковалевский М.М. Воспоминания // История СССР. 1969. № 5. С. 76–101.
41. Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М.: "НЛО", 2000. 816 с.
42. Куликов С.В. Власть науки и наука власти в России начале XX в. // Россия XXI. 2001. № 5. С. 112 – 137.
43. Там же. № 6. С. 44 – 65.
44. Куликов С.В. Царская бюрократия и научное сообщество в начале XX в.: закономерности и типы отношений. // Власть и наука, ученые и власть: 1880–е – начало 1912–х гг. Материалы международного научного colloquiuma. СПб.: "Дм. Буланин", 2003. 530 с.
45. Тхоржевский И.И. Последний Петербург. Воспоминания камергера. СПб.: "Алетейя", 1999. 256 с.
46. Васильев Н.П. (Гурлянд И.Я.) "Оппозиция". СПб., 1910. 60 с.
47. Куликов С.В. Царская бюрократия и научное сообщество в начале XX в.: закономерности и типы отношений. // Власть и наука, ученые и власть: 1880–е – начало 1912–х гг. Материалы международного научного colloquiuma. СПб.: "Дм. Буланин", 2003. 530 с.
48. Куликов С.В. Российская интеллигенция и высшая царская бюрократия в начале XX в. // Российская интеллигенция на историческом переломе. Первая треть XX в. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. С.–Петербург, 19–20 марта 1996 г. СПб., 1996. С. 24–28.
49. Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля. Воспоминания // Архив русской революции. 1934. Т. 21. С. 5–472.
50. Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914 – 1917 гг. // Вопросы истории. 1996. № 1. С. 113–133.
51. Вильтон Р. Последние дни Романовых // Последние дни Романовых. М.: "Книга", 1991. С. 363–476.
52. Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова (записи заседаний и переписка). СПб.: "Дм. Буланин", 1999. 560 с.
53. Кригер–Войновский Э.Б. Записки инженера. Воспоминания, впечатления, мысли о революции. Спроге В.Э. Записки инженера. М.: "Русский путь", 1999. С. 5–130.
54. Палеолог Ж.М. Дневник посла. М.: "Захаров", 2003. 832 с.
55. Завадский С.В. На великом изломе (Отчет гражданина о пережитом в 1916–1917 гг.). // Архив русской революции. 1923. Т. 8. С. 5–42.
56. Тыркова А.В. То, чего больше не будет. На путях к свободе. М.: "Слово", 1998. 560 с.
57. Монархия перед крушением. 1914–1917. Бумаги Николая II и другие документы. М.; Л.: "Государственное издательство", 1927. С. 223–245.

С.Ю. ВИТТЕ - НОВЫЙ ТИП РОССИЙСКОГО БЮРОКРАТА

S.Y. WITTE AS A RUSSIAN BUREAUCRAT'S NEW TYPE

E. Saginadze

Annotation

The article deals with the formation of S.Y. Witte's political reputation in the Russian society. Much attention is given to characteristic of this prominent reformer as a Russian bureaucrat's new type and Witte's image in the Russian press at the turn of XIX–XX centuries.

Keywords: the Russian Empire, top bureaucracy, S.Y. Witte, political reputation, public, the periodical press.

*Сагинадзе Элла Отаровна,
Аспирант
Санкт-Петербургского
института истории РАН*

Аннотация

В статье рассматривается формирование политической репутации С.Ю. Витте в российском обществе. Особое внимание уделяется характеристике этого выдающегося реформатора как министра нового типа и его образу в российской периодической печати на рубеже XIX – XX вв.

Ключевые слова:

Российская империя, высшая бюрократия, С.Ю. Витте, политическая репутация, общественность, периодическая печать.

Пройдя за короткий срок путь от провинциального железнодорожного чиновника до главы финансового ведомства, С.Ю. Витте представлял собой государственного деятеля нового типа и ярко выделялся на общем "бюрократическом фоне". В августе 1892 года он был назначен исполняющим обязанности министра финансов вместо заболевшего И.А. Вышнеградского. К этому времени Сергея Юльевича уже хорошо знали в столице. Публике было известно и то, что именно Вышнеградский в 1889 году предложил государю кандидатуру управляющего Общества Юго-Западных железных дорог на пост главы Департамента железнодорожных дел, учрежденного в структуре Министерства финансов. В течение двух с половиной лет Витте под руководством Вышнеградского занимался реформированием тарифной системы и добился в этой сфере немалых успехов.

С первых дней своей государственной карьеры Витте, выражаясь словами информированного столичного журналиста, стал "объектом всеобщего внимания и нескончаемых разговоров" [17, с. 117]. Обстоятельства возвышения Витте в немалой степени повлияли на формирование его репутации в среде столичной бюрократии. Мир железнодорожного бизнеса вызывал негативную реакцию у современников. Во второй половине XIX в. строительство железных дорог было очень выгодным делом, благодатной почвой как для наживания огромных капиталов, так и разного рода злоупотреблений. Кроме того, репутация Вышнеградского, слывшего в столице взяточником и человеком с темным прошлым, лишь усиливала предубеждение против его ставленника. Хозяйка известного в Петербурге правомонархического салона записала в своем дневнике мнение о новом бюрократе: "Витте –

тоже сомнительная личность, уже одного достаточно, что он приятель Вышнеградского, вместе делали гешефты" [Гешефт – сделка, спекуляция. – Э.С.] [3, с. 176]. Накануне назначения Витте министром финансов, императору Александру III поступило письмо, автор которого, повторяя всем известное мнение о взяточничестве

С.Ю. Витте

Вышнеградского, с возмущением вопрошал: "Не сугубо ли грешно вручать ученику такого учителя [выделено в источнике. – Э.С.] продолжение [управления финансовым ведомством. – Э.С.]"? [30, л. 2 об.]

Однако были и другие мнения: некоторые современники признавали, что Витте нельзя было обвинить в корыстолюбии и стяжательстве: "Полагаю, что все знавшие хорошо С.Ю. Витте могут удостоверить, что никакие миллионы не могли заставить его покривить душой", – утверждал инженер путей сообщения Н.Н. Изнар [14, с. 94]. Не менее осведомленный служащий Комитета министров Н.Н. Покровский отмечал в своих мемуарах: "Никогда и ни от кого из лиц, близко знавших С.Ю. Витте, я не слышал, чтобы он в какой-либо мере был нечестным человеком" [31, с. 195].

Широко распространенные сплетни о взяточничестве сановника, впрочем, были испытанным аргументом в бюрократической борьбе. В письме к редактору "Московских ведомостей" С.А. Петровскому [он сменил на этом посту М.Н. Каткова, умершего в 1887 г. – Э. С.] влиятельный правый деятель В.А. Грингмут отмечал широкое распространение слухов о взяточничестве Витте и Вышнеградского, которые появлялись "при каждом займе и при каждой конверсии". По словам Петровского, Вышнеградский в свое время был этим очень озабочен [29, л. 17–17 об].

В столице к Витте сразу же стали относиться как к выскочке (parvenu), человеку из чуждой среды. Дополнительным фактором, побуждавшим воспринимать министра в подобном качестве, были особенности его внешности и манер, сразу бросающиеся в глаза. Один из его сотрудников В.И. Ковалевский вспоминал: "На первых порах поражала прежде всего внешность Витте: высокая статура, грузная поступь, развалистая посадка, неуклюжесть, сипловатый голос; неправильное произношение с южно-русскими особенностями: ходатайство, верства, учёбный, плацформа, сельские хозяева – резали утонченное петербургское ухо. Не нравилась фамильярность или резкость в обращении" [15, с. 57].

Резкость и угловатость манер, отсутствие внешнего лоска, порой даже грубость речи, производили сильное впечатление. Государственный секретарь А.А. Половцов с неприязнью отметил в своем дневнике, что у нового министра "такие хватки, что и в дворницкую едва пустить можно" [32, с. 470]. Отзыв генеральши Богданович о Витте было немногим благоприятнее: "похож скорее на купца, чем на чиновника" [3, с. 102]. Тех же, кто к С.Ю. Витте как к носителю нового облика относился скорее с симпатией, он подкупал своей естественностью, безыскусственностью и отсутствием чиновничьего подобострастия. В.П. Мещерский, издатель влиятельной столичной газеты "Гражданин", в салоне которого часто бывал Сергей Юльевич, отмечал: "В черном сюртуке, развязанный и свободный в своей речи и в каждом своем дей-

ствии, он мне напомнил наружностью английского государственного человека" [25, с. 797].

Образованную публику шокировали речь Витте и его манера держаться. Министр иностранных дел А.П. Извольский, привыкший, как и многие представители высших административных кругов, к чистому русскому языку двух столиц, вспоминал: "Что всегда производило на меня неприятное впечатление, это его голос, который звучал очень резко и особенно его произношение, усвоенное им в юности, когда он жил в Одессе. <...> Это произношение, которое было для него обычным явлением, чрезвычайно резало ухо" [12, с. 86]. Вульгарность и грамматические ошибки речи С.Ю. Витте признавали многие сотрудники С.Ю. Витте – Л.М. Клячко–Львов, И.И. Кольшко, А.В. Руманов, т.е. журналисты, для которых этот показатель был весьма важен.

Для многих было очевидно, что в сановнике, которого они видели перед собой, "не было ничего от бюрократического штампа" [35, с. 216], что перед ними – "самодержавный делец" [43, с. 52], "крупный делец государственного масштаба" [20], который своим внешним обликом скорее похож на предпринимателя, чем на главу министерства.

Нужно отметить, что появление провинциального управляющего в высших сферах Петербурга не было случайностью: это было связано с изменением социального состава российского государственно-бюрократического аппарата. Прежде главными критериями при назначении того или иного чиновника на министерский пост были дворянское происхождение, приверженность официальным взглядам, опыт канцелярской работы, беспорочная служба в прошлом. Однако под влиянием реформ 1860-х гг. главами ведомств все чаще стали назначать людей, имеющих опыт практической созидательной работы и знатность происхождения со временем перестала быть определяющим критерием. При этом такие сановники (по часто используемой в литературе терминологии "министры-специалисты") своей предыдущей карьерой были связаны если не с тем же министерством, то, по крайней мере, со сходной отраслью управления. По подсчетам исследователей, в конце XIX века "специалисты" составляли 75% от общего числа министров. Примерно столько же в процентном отношении сановников происходило из провинции [34, с. 38].

Поэтому Витте был не единственным министром Российской империи не аристократического происхождения в конце XIX – начале XX в. Несмотря на это, Сергей Юльевич все же заметно выделялся на общем фоне: он так и не усвоил светских манер и не приобрел внешнего лоска, столь необходимых в высшем обществе. Ближе знавший сановника публицист И.И. Кольшко полагал, что Витте на своем посту "от первого до последнего дня все так же коробил и шокировал своих коллег", утверждая, что "сущая виттовская индивидуальность", "запах" Витте во

всех начинаниях, оказывал на окружающих гнетущее впечатление [17, с. 161]. Воспоминания Колышко – крайне пристрастный источник, а многие оценки мемуариста обусловлены личной обидой на С.Ю. Витте: тот намекнул в своих воспоминаниях, что публицист был любовником князя В.П. Мещерского [11, с. 267]. Однако подобные мнения высказывали многие люди, знакомые с Сергеем Юльевичем. Один из сотрудников Витте в Министерстве финансов отмечал, что он "сохранил навсегда хватки и приемы, резко детонировавшие в окружавшей его среде" [33, л. 13]. Примечательны воспоминания Н.Н. Львова, предводителя дворянства Саратовской губернии, одного из видных членов кадетской партии. Львов описал свои впечатления от внешнего облика С.Ю. Витте следующим образом: "Он [Витте – Э.С.] выглядел каким-то провинциальным управляющим банкирской конторы, какие встречаются в наших южных торговых городах, и всего менее сановником и министром Александра III" [20]. Это мемуарное свидетельство интересно тем, что Львов впервые увидел знаменитого министра в 1906 г., т.е. уже после его отставки. По-видимому, внешний облик и манеры министра за долгие годы не претерпели существенных изменений.

Некоторые особенности манер и поведения Витте были и вовсе экзотичными для петербургского общества. А.С. Суворин в беседе с В.В. Розановым передавал разговоры публики о министре: "Витте, я слышал, преспокойно может забыть, что у него не переменены (за неделю, должно быть) носки, и проходить две недели в грязных носках [27, с.13]. По воспоминаниям одного из литературных сотрудников Сергея Юльевича, относящегося к сановнику с явной симпатией, за столом он вел себя достаточно "непринужденно": "На одном из дипломатических приемов С.Ю. Витте увлекся беседой, и не заметил, что его тарелку унесли (он ел цыплят). Не смутившись ни на секунду, он швырнул косточку под стол и как ни в чем не бывало продолжал беседу..." [35, с.221].

Как отмечали многие знавшие Витте люди, он стеснялся своего незначительного происхождения и "заметно льнул к аристократическим верхам" [33, л. 162]. Министр особенно любил подчеркивать, что по материнской линии он происходил из древнего княжеского рода Долгоруких. В кабинете Витте в его особняке на Каменноостровском проспекте вся стена была увешана портретами его предков со стороны матери. Один из литературных сотрудников Витте вспоминал впоследствии: "Об этих "предках" он мог говорить часами, и нельзя было доставить ему большего удовольствия, как спросить, в каком он родстве с Михаилом Черниговским (из Долгоруких), умученным в Орде. Витте немедленно устремлялся к портретной стене и начинал с увлечением объяснять генеалогию Долгоруких" [35, с. 220]. Характерно, что, рассказывая в мемуарах о своей родословной, сам Витте очень скупо пишет о предках со стороны отца, зато много рассказывает о родственниках своей матери. Витте-мемуарист хотел убедить потомков, что происходил не из малоизвестного

обрусевшего немецкого рода (родственники отца Сергея Юльевича были из "служилых" и получили дворянство лишь во второй половине XIX в.), а вел свою родословную от Рюриковичей. Сановник сделал все возможное, чтобы именно такие сведения о его семье попали в солидные справочные издания. В частности, статья для словаря "Гранат" была написана в 1911 году П.Н. Милюковым по материалам, предоставленным ему лично Витте. Кроме того, данные о происхождении сановника в словаре Брокгауза и Эфрона, не противоречат его мемуарам [1, с. 9].

По-видимому, в обществе это было достаточно известно. В одном из номеров в черносотенном листке "Русская Виттова пляска" в 1906 году была опубликована сатирическая сценка, где в качестве анонимного сановника был выведен С.Ю. Витте. И хотя имя Сергея Юльевича в ней не указывалось, из общего смысла статьи понятно, что подразумевается ни кто иной, как Витте. Сценка воспроизводила интервью "сановника" репортеру одной из газет, происходящее в его собственном кабинете. Репортер, рассматривая портреты, висящие на стене, спрашивал "сановника":

Репортер: А чей это портрет, ваше сиятельство?

Сановник: Моего пращура – с материнской стороны. Я с материнской стороны происхожу из княжеского рода и напрасно думают, что будто я из жидов. Вот вздор. Вот этот портрет доказывает...

Репортер: А с отцовской?

Сановник: С отцовской у меня ни деда, ни прадеда, ни отца не было. Один только дядя и тот двоюродный. Об этом писать впрочем нечего [45].

Сам сатирический жанр статьи, отсутствие имен, свидетельствует об известности обыгрываемого в ней сюжета в обществе, ведь для того, чтобы какой-то факт стал предметом осмеяния, нужно, чтобы он был хорошо понятен читателю.

По мнению современников, С.Ю. Витте не хватало последовательной идеологии. Его резкие повороты в политике, склонность к интригам и постоянное стремление расширить сферу своего влияния, а также хитрость и беспринципность, заставляли многих полагать, что поступки сановника диктовались исключительно честолюбием и вероломством. Бывший директор Департамента полиции А.А. Лопухин, негативно относившийся к Сергею Юльевичу, писал в своих воспоминаниях: "Бюрократический Петербург хорошо знал С.Ю. Витте и характеризовал его всегда так: большой ум, крайнее невежество, беспринципность и карьеризм" [18, с. 4]. А.В. Богданович высказала мнение многих, заметив, что "Витте не лгун, Витте – отец лжи" [3, с. 302]. Один из видных столичных чиновников вспоминал: "Петербургцы перекрестили его [Витте – Э.С.] в "Сергея Жульевича": репутации доки и ловкача за ним не отрицал никто" [43, с. 54].

Вместе с тем, даже люди, враждебно настроенные к Сергею Юльевичу, безоговорочно признавали его ум и незаурядные способности. Важной характеристикой при оценке нового министра было резкое противоречие между его способностями и моральными качествами. Генеральша Богданович занесла в свой дневник: "Про Витте много темного рассказывают, хотя все единодушно говорят, что он умен и железнодорожное дело знает" [3, с. 176]. А.А. Половцов, наблюдавший на своем веку немало бюрократических карьер, так описал свое первое впечатление от нового управляющего: "По-видимому, очень умен, сдержан, будет полезен в своем ведомстве, но в смысле честности, добросовестности не внушает никакого доверия" [32, с. 453].

Мотив противоречия между его выдающимися способностями, вульгарностью и резкостью манер был очень важен при восприятии Сергея Юльевича: "В Витте, при личном общении, всегда поражала казавшаяся невероятной смесь невежественного, вульгарного обывателя – и гениального дельца огромного калибра и силы...", – вспоминал камергер И.И. Тхоржевский [43, с. 77].

Более того, его личные качества, выдающие в нем человека, чуждого столичным условностям и традициям, его самобытность и индивидуальность, в глазах многих были и его силой: "Все же надо признать, – писал видный представитель столичной бюрократии С.Д. Урусов, – С.Ю. Витте внес в министерскую деятельность свои собственные приемы, свежесть провинциала, не стеснявшегося традициями, свежесть и бесцеремонность *homo novus*, некоторый азарт счастливого игрока – словом, всколыхнул ингерманландское болото" [44, с. 614].

Были и те, кто думал иначе. Редактор "Московских ведомостей" Л. Тихомиров отмечал в своем дневнике в 1899 году: "Гнусный сифилитик душой и телом, этот тип мерзейшего интеллигента, не помнящего духовного родства, Витте, как отвратительнейший из бесов, возвысился, властвовал, насиловал Россию своим чиновничьим, растлевающим либерализмом..." [Цит. по: 2, с. 75]. По-видимому, манера поведения Витте, его напор и размах государственной деятельности пугали непредсказуемостью последствий, чем и объясняется резкость столь грубой оценки.

Почти сразу же после вступления Витте в должность министра финансов стали отмечать, что его влияние в правительстве резко и неуклонно возрастает. Уже в 1894 году А.С. Суворин писал в "Новом времени": "Министр финансов сделался первым министром по значению и по влиянию на других министров, <...> есть общая политика правительства, которая не может быть поглощена политикой министерства финансов". По мнению Суворина, это произошло независимо от Витте: "личность министра может сделать такой порядок только более определенным" [41]. Некоторые объясняли этот факт личными особенностями характера Витте и его властью: "Как только граф Витте сделался министром финансов, –

писал министр иностранных дел в 1906–1910 гг. А. П. Извольский, – он сейчас же обнаружил явную склонность доминировать над другими членами кабинета и стал *de facto*, если не *de jure*, действительным главой русского правительства" [12, с. 89]. Были и те, кто полагал, что Витте умело воспользовался теми полномочиями, которые дал ему пост, и обратил это положение в свою пользу в угоду своему честолюбию. "Главную задачу каждого ведомства, – утверждал противник С.Ю. Витте В.М. Вонлярлярский, – было ладить с министром финансов, чтоб получить желательные для ведомства кредиты по государственному бюджету. С.Ю. Витте прекрасно учел это положение и из министра финансов легко создал положение хозяина всей экономической жизни России или вернее безответственного экономического диктатора" [6, с. 124].

Несмотря на отталкивающие и противоречивые черты С.Ю. Витте, на фоне других бюрократов он представлялся некоторым современникам в чем-то привлекательной фигурой. При широко распространенном в российском обществе негативном отношении к чиновничеству, состоящем, по распространенному мнению, либо "из идиотов, либо из мошенников" [10, л. 41]. Витте в глазах многих всегда оказывался на порядок выше других, хотя его и оценивали, подчас, как "одноглазого среди слепых" [21, с. 330]. Близко знакомый с министром граф С.Д. Шереметьев, считал Витте незаурядным человеком, и, тем не менее, подчас бывал шокирован сочетанием в нем самых несовместимых черт: "Неужели никогда не выяснится для меня истинная сущность (начинка) этого удивительного, ошеломляющего человека, с его сочетанием противоречивых оказательств, то отталкивающих, то невольно захватывающих вас какою-то особой, словно магической силою... "Чур меня", – хотелось бы иногда сказать" [46, с. 157–158].

Эти оценки министра финансов были обусловлены, главным образом, низкой оценкой бюрократической элиты в российском обществе: "Мы были бы и смиреннее и умнее, будь наши государственные люди талантливы, как, например, в Англии. Но – государственных талантов у нас – нет. И, вот, мы поднимаем на щитах даже такого, как Витте", – заявлял автор одного из частных писем своему адресату [16, л. 25].

На страницах периодических изданий Витте представлялся как исключительно энергичный чиновник, чей опыт и навыки управления станут важным подспорьем в решении стоящих перед ним сложных задач. Прежде всего, его рассматривали как министра-практика. В необходимости глубоких экономических и политических реформ были убеждены публицисты "Нового времени": это был основной мотив издания в последнее десятилетие XIX в [19]. В одном из своих "Маленьких писем" 1893 г. А.С. Суворин особенно отмечал Витте как представителя нового в российской политике направления "юго-западничества", намекая на его связь с Юго-Западным краем и большой

опыт частной службы. По словам Суворина, это направление "характеризуется <...> прямо жизненными задачами, не идеями, не теориями, а практикою идей, приложением их к жизни и известною смелостью" [40].

"Нововременцы" были готовы принять многие недостатки Витте с поправкой на масштаб стоящих перед ним задач. М.О. Меньшиков, отвечая в одной из своих статей многим обвинителям министра финансов в том, что цена его реформ слишком высока, утверждал: "Что народу очень тяжело, это бесспорно. Но оттого ли, спрошу я, что правительством предприняты грандиозные планы? Или оттого, что они предприняты слишком поздно? <...> Планы г. Витте ничем не шире страны, для которой предложены. <...> Мне кажется, решительной заслугой С.Ю. Витте следует счесть то, что он вместе с Вышнеградским увидел истинные размеры России. Недаром оба министра – математики" [23].

Вместе с тем, отношения "Нового времени" и министра финансов были сложными и неоднозначными. Благодаря помощи Витте контрагентство Суворина стало фактически монополистом по продаже печатной продукции на Варшавской железной дороге [39, с. 215]. Суворин далеко не во всем был согласен с политикой Витте (он был противником девальвации рубля, выступал против широкого привлечения иностранных капиталов). Тем не менее, он считал министра "одним из самых даровитых людей" своего времени [42].

"Биржевые ведомости" на протяжении всего периода его деятельности на посту министра поддерживали его экономический курс. Фактически, "Биржевые ведомости" были лагерем сторонников Витте; на страницах издания нередко пропагандировались те или иные мероприятия министра финансов. Сергей Юльевич и редактор газеты С.М. Проппер были близко знакомы лично, благодаря протекции Витте Проппер получил чин советника коммерции [4, с. 40].

На страницах газеты С.Ю. Витте представал энергичным и деятельным министром, чьи личные качества и инициатива явились главным условием успеха преобразований. Так, на протяжении 1895 г., когда проводимая министром реформа денежного обращения стала предметом острых дискуссий в обществе, в "Биржевых ведомостях" неоднократно подчеркивалось, что министр имеет необходимый багаж теоретических знаний в своей области, а сама реформа хорошо продумана и подготовлена [37, с. 71–72]. Однако это было сделано с явной пропагандистской целью и не в полной мере было истиной.

Интересно, что изначально Витте выступал сторонником бумажного обращения и даже написал по этому поводу специальную записку. Это обстоятельство министр впоследствии пытался скрыть. Бывший директор департамента железнодорожных дел Министерства финансов В.В. Максимов, сообщая корреспонденту газеты "День"

об этом эпизоде, отмечал, что "Витте страшно конфузился, когда кто-нибудь случайно упоминал об этой записке, и принял меры к уничтожению всех ее экземпляров" [9].

Надо отметить, что даже многие литературные сотрудники Витте хорошо знали, что теоретическая подготовка у него была явно недостаточной. К примеру, А.Н. Гурьев, приближенный к Сергею Юльевичу сотрудник Министерства финансов и публицист "Нового времени" заявлял Суворину в одном из писем: "Прошу Вас не считать меня каким-то панегириком г. Витте: я совершенно не сочувствую его направлению, так как вижу в нем неоспоримое доказательство совершенного отсутствия и теоретических и практических сведений в экономической и финансовой области" [28, л. 2]. Между тем, Гурьев, как и многие публицисты "Биржевых ведомостей", рисовал на страницах печати образ Витте как теоретически подкованного главы министерства.

"Гражданин" князя В.П. Мещерского считалось в столице близким к С.Ю. Витте изданием: министр, по приказу государя передавал князю деньги на издание газеты. Мещерский и Витте в 1890-х гг. тесно сотрудничали, в чем министр позднее раскисался [11, с. 581]. Интересно, что "Гражданин" на своих страницах пытался отвести от Витте распространенное обвинение в том, что его реформы привели к широкому распространению грюндерства и отдали Россию "на откуп" иностранным предпринимателям. Один из авторов "Гражданина" И.И. Кольшко заявлял: "Лихорадка промышленного расцвета, ажиотаж всякого рода и сближение на всех поприщах с внешними формами жизни Запада породили армию лиц с раздраженными вкусами, поверхностной трудоспособностью и отсутствием всякого мировоззрения. Эти лица, цепляясь за народ и интеллигенцию, бродя возле великолепных сооружений, воздвигнутых на иностранные деньги, – голодные, обездоленные – потеряли меру русской действительности, и в думах их стерлась русская идея."

Каменноостровский проспект, дом 5 — особняк С.Ю. Витте.

Вот такая муть лежит на дне реформ последнего десятилетия, но винить за нее вдохновителя этих реформ вряд ли справедливо" [38]. Публицист в этой статье стремился отделить Витте от нарождающегося слоя капиталистических дельцов и биржевиков, отношение к которым в обществе было резко отрицательным. Рост влияния предпринимателей в различных областях хозяйственной жизни не сделало их ведущей общественной силой. Один из видных представителей делового мира профессор И.Х. Озеров вспоминал: "Русское общество в вопросе индустриализации России стояло на очень низком уровне. Русское общество жило дворянской моралью – подальше от промышленности – это де дело нечистое и недостойное каждого интеллигента" [26, л. 4]. Политическая ангажированность этой статьи тем более ясна, что в своих воспоминаниях, вышедших уже в 1930-х гг. в эмиграции, Колышко отстаивает противоположную точку зрения [17, с. 123–124].

Важно отметить, что к этому приему прибегал даже главный критик Витте – издатель столичной газеты "Русский труд" С.Ф. Шарапов. Он выражал интересы крупных дворян-землевладельцев, недовольных ускоренной модернизацией экономики (сам публицист был председателем акционерной компании по производству плугов). Шарапов старался не задевать министра лично в открытой печати и не делал акцент на его личной ответственности за курс правительственной политики. Он указывал на объективные условия, в которых глава финансового ведомства был вынужден действовать подобным образом: "С.Ю. Витте стал быстро на моих глазах тонуть в окружающем... Биржевики, банкиры, концессионеры, спекулянты, международный литературный сброд. Министр бывал буквально на кресте распят" [36]. Шарапов, тем не менее, признавал роль Витте как выдающегося министра-практика, подчеркивая, что он является носителем новых тенденций в государственном аппарате Российской империи [37, с. 77–78].

Интересно, что в газетной публицистике достаточно расхожим стало сравнение С.Ю. Витте с самым известным российским реформатором – Петром I. М.О. Меньшиков писал: "В деятельности министра финансов перед нами прямо гениальный, методически развиваемый, грандиозный план, который по внутреннему существу очень похож на дело Петра Великого. <...> Вдумайтесь в предприятия нашего министра финансов. Поражает их молниеносная решительность и необъятный масштаб. Окиньте глазом столь широко разросшееся государственное хозяйство, неслыханно быстрое развитие железнодорожной сети, необычайно смелую золотую реформу и небывалый по размерам опыт винной монополии. Размах прямо Петровской эпохи" [24]! В одной из своих статей к аналогии С.Ю. Витте с Петром Великим прибегнул и другой известнейший публицист эпохи – В.В.

Розанов: "Вообще же говоря, Витте весь стихийен, слеп, силен; "прет", "ломит"... В нем был осколочек Петра Великого. <...> Во всяком случае, ни один человек в России за XVIII, за XIX и вот за десять лет XX века так не напоминает Петра, так не родствен ему по всему составу даже костей своих, нервов своих, мускулов своих, как Витте" [5, л. 183 об.].

Сразу после смерти С.Ю. Витте в феврале 1915 года видный либеральный публицист А.С. Изгоев поместил в московском либеральном журнале "Русская мысль" статью о почившем сановнике, в которой настаивал, что по размаху творческой энергии С.Ю. Витте может быть приравнен только к Петру Великому [13, с. 154]. Интересно, что эта аналогия казалась верной изданиям разного политического спектра. Подобные сравнения Витте с Петром I были, по всей видимости, неслучайны: главными характеристиками С.Ю. Витте как министра в прессе были смелость преобразований, неисчерпаемая энергия, неутомимость и трудолюбие, настойчивость, большой опыт практической работы.

Для либеральных изданий важным при характеристике министра финансов было его внимание к общественному мнению. Так, один из постоянных авторов "Биржевых ведомостей" К.Н. Градовский (псевдоним Гамма) [22, с. 286] с удовлетворением отмечал, что общественное мнение имеет возможность обсуждать в открытой печати важнейшее мероприятие министра финансов – введение золотого обращения в 1897 году: "Реформу надо обсуждать до тех пор, пока не будут рассеяны все существующие относительно неё "предубеждения" <...> Обязанность печати подготовить общество к предстоящему денежному преобразованию. Она выполнила уже отчасти эту обязанность; многое уже выяснилось, спорные вопросы сгладились, пришли к довольно единодушному мнению. Это очень поучительная история, наглядно свидетельствующая о той пользе, которую приносят печать и свободный обмен мнений. Необходимо было бы иметь в виду эту пользу и во всех других делах и случаях, точно также, как и при обсуждении положения самой печати" [7]. В одном из своих "Дневников" от 7 апреля 1896 года, когда полемика вокруг реформы была особенно острой, Градовский подчеркивал: "Нововведения, подобные денежной реформе, не могут войти в жизнь и принести всю ожидаемую пользу, если нет предварительно подготовленной нравственной и умственной почвы" [8].

Таким образом, на страницах печати Витте-реформатор, зачастую, отделялся от проводимой им экономической политики и ее последствий.

Важнейшими характеристиками нового министра были смелость, энергичность, внимание к общественному мнению и нетипичный для России размах деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 430 с.
2. Ахтямов В.В. Психоисторические аспекты жизни и деятельности С.Ю. Витте и П.А. Столыпина. Дисс. ... канд. ист. наук. Омск, 2005. 195 с.
3. Богданович А.В. Три последних самодержца. М.: Новости, 1992. 608 с.
4. Боханов А.Н. Буржуазная пресса России и крупный капитал. Конец XIX в. – 1914 г. М.: Наука, 1984. 152 с.
5. Варварин В. [Розанов В.В.] Витте и Победоносцев // РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 736.
6. Вонлярлярский В.М. Мои воспоминания, 1852–1939. Берлин: Русское национальное издательство, 1939. 250 с.
7. Гамма [Градовский Г.К.] Дневники Гаммы // Биржевые ведомости. 1896. 5 марта.
8. Гамма [Градовский Г.К.] Дневники Гаммы // Биржевые ведомости. 1896. 7 апреля.
9. День. Пг., 1915. 7 марта.
10. Дневник В.М. Голицына // ОР РГБ. Ф. 75. Кн. 21. Запись 6 мая 1899.
11. Из архива С.Ю. Витте: воспоминания: в 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. Кн. 1.
12. Извольский А.П. Воспоминания. М.: Международные отношения, 1990. 192 с.
13. Изгоев А.С. С.Ю. Витте // Русская мысль. 1915. № 3. С. 153–158.
14. Изнар Н.Н. Записки инженера // Вопросы истории. 2004. № 4. С. 93–108.
15. Ковалевский В.И. Из воспоминаний о графе Сергее Юльевиче Витте // Русское прошлое. 1991. № 2. С. 5–96.
16. Коллекция С.М. Вяземского // ЦГАЛИ. Ф. 118. Оп. 1. Д. 530. Возможно, автор письма – А.М. Горький (Пешков).
17. Колышко И.И. Великий распад: воспоминания / Сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. И.В. Лукоянова. СПб.: "Нестор-История", 2009. 464 с.
18. Лопухин А.А. Отрывки из воспоминаний. (По поводу "Воспоминаний" графа С.Ю. Витте). М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. 98 с.
19. Лукоянов И.В. Публицисты "Нового времени" и проблема реформ в России (середина 1890–х гг. XIX в. – 1905 г.) // Экономические и социально-политические проблемы отечественной истории. Сб. науч. тр. М.; СПб.: Ин-т рос. истории РАН, 1992. С. 119–141.
20. Львов Н.Н. С.Ю. Витте и П.А. Столыпин // Возрождение. 1927. 17 декабря.
21. Маковицкий Д.П. У Толстого. 1904–1910: "Яснополяские записки": в 5 кн. Кн. 1: 1904–1905. М.: Наука, 1979. 482 с.
22. Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: в 4 т. М., 1956. Т. 1.
23. Меньшиков М.О. Письма к ближним. Большое плавание // Новое время. 1903. 24 августа.
24. Меньшиков М.О. Письма к ближним. Еще раз Петровская реформа // Новое время. 1902. 23 января.
25. Мещерский В.П. Воспоминания. 2–е изд. М.: Захаров, 2003. 864 с.
26. Озеров И.Х. Воспоминания: черновики. 1905–1917 гг. // ОР РГБ. Ф. 541. Оп. 1. Д. 4.
27. Письма А.С. Суворина – В.В. Розанову с портретом умирающего А. С. Суворина (неизданная фототипия). СПб.: Тип. т-ва А.С. Суворина "Новое время", 1913. 183 с.
28. Письмо А.Н. Гурьева А.С. Суворину. // РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 1116.
29. Письмо Грингмута В.А. к Петровскому С.А // ОР РГБ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 39.
30. Письмо неустановленного лица (подпись "Старый гвардеец") Александру III с возражением против назначения С.Ю. Витте министром финансов // РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 882.
31. Покровский Н.Н. Воспоминания о Комитете министров в 90–е годы // Исторический архив. 2002. № 2. С. 179–215.
32. Половцов А.А. Дневник государственного секретаря: в 2 т. М.: Центрполиграф, 2005. Т. 2. 639 с.
33. Путилов А.С. Воспоминания (1881–конец XIX в.) и граф С.Ю. Витте. Из личных воспоминаний // РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 217.
34. Раскин Д.И. Специализация высшей российской бюрократии XIX– начала XX веков: образование, профессиональный опыт, продвижение по службе // Из глубины времен. Вып. 3. СПб., 1994. С. 29–42.
35. Руманов А.В. Штрихи к портретам: Витте, Распутин и другие // Время и мы. Нью-Йорк, 1987. № 95. С. 213–232.
36. Русский труд. 1899. 12 апреля.
37. Самонов С.В. Министр финансов С.Ю. Витте глазами русской периодической печати (по материалам газет "Новое время", "Биржевые ведомости" и "Русский труд") // Вестник Московского Университета. Серия 8. История. 2008. № 2. С. 77–78.
38. Серенький [Колышко И.И.] Цена реформ // Гражданин. 1902. 20 января.
39. Суворин А.С. Дневник. 2–е изд. М.: Издательство Независимая газета, 2000. 670 с.
40. Суворин А.С. Маленькое письмо // Новое время. 1893. 13 января.
41. Суворин А.С. Маленькое письмо // Новое время. 1894. 17 декабря.
42. Суворин А.С. Маленькое письмо // Новое время. 1898. 18 ноября.
43. Тхоржевский И.И. Последний Петербург. Воспоминания камергера. СПб.: Алетейя, 1999. 256 с.
44. Урусов С.Д. Записки. Три года государственной службы. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 859 с.
45. Утро сановника. Сцена в наши дни из нашей жизни // Русская Виттова пляска. СПб., 1906. № 4.
46. Шохин Л.И. Дневниковые записи С.Д. Шереметьева об С.Ю. Витте // Отечественная история. 1998. № 2. С. 149–163.

СТАВКА ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО В ФЕВРАЛЬСКОМ ПЕРЕВОРОТЕ 1917 г.

THE SUPREME COMMANDER'S HEAD- QUARTERS IN FEBRUARY 1917 REVOLT

I. Grebenkin

Annotation

The research focuses on the role and importance of the Russian Empire supreme commanders during the revolutionary unrest in February 1917. Considerable attention is paid to interaction peculiarities between the Supreme Commander's Headquarters and different political forces' representatives, as well as to the origin and development of the conflict between the military commanders and political leaders of the country during World War I. Main focus of the research is top generals' position in the circumstances of the revolution outset and their participation in abdication of Nicholas II.

Keywords: World War I, the Supreme Commander's Headquarters, political struggle, February Revolution, Nicholas's II abdication.

Гребенкин Игорь Николаевич

*Доктор исторических наук,
доцент Рязанского государственного
университета им. С.А. Есенина*

Аннотация

Статья посвящена месту и роли высшего командования Российской императорской армии в революционных событиях Февраля 1917г. Значительное внимание уделено характеру взаимоотношений Ставки Верховного главнокомандующего с представителями различных политических сил, происхождению и развитию конфликта военного командования и политического руководства страны в годы Первой мировой войны. Анализируется позиция высшего генералитета в условиях начавшейся революции и его роли в организации отречения Николая II.

Ключевые слова:

Первая мировая война, Ставка Верховного главнокомандующего, политическая борьба, Февральская революция, отречение Николая II.

К началу 1917 г. высшее командование российской армии оказалось втянутым в соперничество политических сил и группировок. Причины тому находились как в государственно-институциональной, так и в социально-политической плоскости. С момента создания Ставки Верховного главнокомандующего не был вполне урегулирован ее статус и порядок взаимодействия со структурами гражданского управления. В условиях неудовлетворительной работы тыла деятельность Ставки и лиц, ее фактически возглавлявших, приобретала характер постоянной борьбы с правительством за интересы действующей армии, что предопределяло симпатии общественности. По мере развития военной ситуации по неблагоприятному сценарию значительная часть генералитета совершенно обоснованно приходила к осознанию того, что существующий государственно-политический режим не ведет Россию и ее армию к победе.

Одновременно подобное мнение имело и глубоко субъективную подоплеку: высшие военные чины склонны были снимать с себя максимум ответственности за военные неудачи и состояние войск и возлагать его на правительство. Уже по этой причине военное командование ситуативно становилось союзником тех сил, которые стремились к переделу власти и готовили переворот в правящем лагере. Не являясь в принципе противником царизма, военная верхушка готова была примкнуть к любой политической группировке, обещавшей установить сильную власть в интересах обороны.

Летом 1915 г. в руководстве действующей армией

последовали серьезные перемены. Император решился принять на себя Верховное главнокомандование, что значительно повышало политический статус Ставки. Отныне Николай II заметно больше времени проводил в Могилеве и в поездках в войска, обычным явлением стали визиты общественных деятелей и министров, их совещания и правительственные заседания в Ставке. Тем не менее, император не претендовал на непосредственное руководство операциями действующей армии, и функции принятия решений фактически ложились на начальника штаба Верховного главнокомандующего. Назначение на столь ответственный пост Михаила Васильевича Алексеева состоялось при благосклонном отношении всех заинтересованных сторон. Представители думской оппозиции, очевидно, считали его подходящей фигурой и возлагали на него свои надежды. При этом, несомненно, учитывалось участие Алексеева в контактах высших офицеров с думской комиссией по Государственной обороне в 1908–1910 гг. и имевшее тогда место его знакомство с А.И. Гучковым. Император же нуждался в деятельном и грамотном помощнике во главе Ставки, желательно, узком профессионале, который не вмешивался бы в решение политических вопросов, находясь в тени августейшего Верховного главнокомандующего.

Генерал Алексеев относился к старшему поколению русского генералитета. К описываемому моменту ему шел 58-й год. Сын солдата николаевской службы, сам начинавший службу в нижних чинах, Алексеев более десяти лет провел на строевых должностях, отличился в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Окончив Акаде-

мию Генштаба 33-х лет, что считалось довольно поздно по понятиям того времени, Алексеев с 1890 г. прошел различные ступени службы Генерального штаба в центральном аппарате и в округах, преподавал в Академии, в качестве генерал-квартирмейстера 3-й Манчжурской армии участвовал в войне с Японией. К заслугам Алексеева во время мировой войны относились успешное наступление войск Юго-Западного фронта в Галиции осенью 1914 г. и отвод основных сил Северо-Западного фронта летом 1915 г., благодаря которому русская армия избежала катастрофы в Польше. Опыт и способности Алексеева в целом не вызывали сомнений в выдвинувшей его военной среде, а широким кругам офицерства импонировали его простое происхождение и честная карьера: "Командный состав видел в нем наиболее знающего из всех русских генералов руководителя. Армейский рядовой офицер видел в нем своего брата, вышедшего на высшие ступени иерархии исключительно благодаря личным заслугам" [3, с. 321]. Интересно, что служивший в то время в аппарате Ставки известный историк и публицист М.К. Лемке склонен был угадывать в поведении и настроениях своего начальника черты оппозиционности: "Как умный человек Алексеев отнюдь не разделяет курс современной реакционной политики, чувствует основные ошибки правительства и ясно видит, что царь окружен людьми, совершенно лишенными здравого смысла и чести, но зато преисполненными планами устроения личной своей судьбы" [7, с. 194]. Свидетельства А.И. Деникина дают основания считать, что Алексеев разделял по крайней мере мнение о вредном влиянии императрицы Александры Федоровны на царя [5, с. 87, 104–105].

На фоне прогрессирувавших хозяйственных трудностей, более чем явно отражавшихся на снабжении фронта, а стало быть, на боевых и моральных качествах войск, в среде высшего военного командования закономерно складывалось убеждение в необходимости не просто мобилизации промышленности, но и наведения в тылу порядка, отвечающего требованиям военного времени. Эти проблемы стали предметом доклада, представленного М.В. Алексеевым 15 июня 1916 г. на высочайшее имя. В докладе приводились данные о состоянии военного производства, связанных с ним отраслей и транспорта, выполнении военных заказов за рубежом. Особая озабоченность высказывалась по поводу положения в рабочей среде, но пока лишь в связи с ущербом, наносимым производству забастовочным движением. В целом ситуация характеризовалась Алексеевым как предкризисная, требующая немедленных исключительных мер по ее преодолению и в первую очередь милитаризации заводов, работающих на оборону. В качестве ключевого условия их реализации предлагалось введение поста "верховного министра государственной обороны", назначаемого императором и только ему подотчетному, наделенному фактически диктаторскими полномочиями. Вне зависимости от того примерял Алексеев роль диктатора на себя или нет, его проект демонстрировал наличие у военных самосто-

ятельной позиции по внутривополитическим вопросам и серьезных претензий на участие в государственном управлении. Изначально исходивший от "военной партии" план Алексеева отражал ее видение обстановки и представления о методах разрешения проблем, преследовал ее интересы, а потому был обречен на сопротивление всех политических сил, чьи амбиции и интересы он так или иначе мог затронуть.

Комплекс мер, изложенных в докладе Алексеева, был вынесен на обсуждение совещания Совета министров, проходившего в Ставке 28 июня 1916 г. и был отклонен большинством министров. В принципе же идея мобилизации промышленности не была отвергнута, но ее проведение правительство намеревалось осуществлять самостоятельно в рамках законодательства. В этом случае Алексеев и, находившаяся в его руках Ставка, уже не являлись добросовестными партнерами правительства и превращались в его конкурентов, а возможно и врагов. Алексеев, окончательно разочаровавшись в возможности конструктивно сотрудничать с правительством, в дальнейшем не скрывал собственного к нему отношения. Такая позиция формально сближала его с лагерем либеральной оппозиции. И хотя проект диктатуры в алексеевской редакции не мог устраивать либералов, его неудача и обострение отношений Ставки с правительством дава-

ла общественным деятелям дополнительные возможности прочнее привязать Алексеева к своим планам. А.И. Гучков и его эмиссары усиленно искали контактов с представителями командования, совершая поездки на фронт. Еще в январе 1916 г. в Ставке у Алексеева побывали лидеры Союза земств и городов Г.Е. Львов и М.В. Челноков. Самому Гучкову удалось встретиться с Алексеевым в ноябре 1916 г. в Крыму, где тот в течение четырех месяцев находился на лечении. А.И. Деникин со слов самого Алексеева сообщает, что тот категорически протестовал против планов переворота, который мог бы в тех условиях только повредить армии и фронту. В данном случае достойно внимания, что Алексеев, отстаивая интересы армии, в принципе безучастен к судьбе императора и монархии. Одновременно он был уверен, что представители заговорщиков имели вполне конструктивные контакты с А.А. Брусиловым и Н.В. Рузским [5, с. 107–108]. По иным свидетельствам, Алексеев отказал Гучкову в прямой поддержке, но одновременно дал понять, что его планам противодействовать не будет [2, с. 187]. По этой причине, представляется справедливым мнение Гучкова о роли Алексеева в готовившемся заговоре: "он был настолько осведомлен, что делался косвенным участником" [1, с. 9].

Данные обстоятельства не только раскрывают характер отношений, сложившихся между правительственными кругами и высшим военным командованием накануне политического переворота, но и способны объяснить позицию, которую заняли первые лица из среды генералитета действующей армии в Февральских событиях, а также их роль в низложении Николая II.

С первых дней петроградских событий инициативу в политическом ориентировании руководства Ставки и самого императора перехватил М.В. Родзянко, возглавивший к тому моменту Временный комитет Государственной думы – один из центров противостояния правительственной власти. Обращаясь к Алексееву и Николаю II, Родзянко в качестве единственного выхода из кризиса настаивал на выполнении своего основного политического требования – созыве "ответственного министерства" [9, с. 5–6]. Одновременно он предпринял зондаж главнокомандующих войсками фронтов, продублировав в их адрес телеграмму, предназначенную Алексееву. Реакция военачальников последовала в ответных телеграммах, отправленных в Ставку. Наиболее осторожную позицию занял А.Е. Эверт. Обойдя молчанием политические предложения Родзянко, он высказал тревогу за состояние транспорта и вероятные последствия беспорядков для снабжения фронта. А.А. Брусилов, который и ранее неоднократно выражал солидарность с идеей более широкого привлечения общественности к государственному управлению, обращаясь к Алексееву заявил, что в сложившейся обстановке не видит другого выхода, кроме как последовать думским требованиям. Со всей определенностью высказывался Н.В. Рузский, адресовавший свое обращение непосредственно царю: "Ныне армия заключает в своих рядах представителей всех классов,

профессий и убеждений, почему она не может не отразить в себе настроений страны. Поэтому дерзаю всеподданнейше доложить Вашему величеству соображение о крайней необходимости принятия срочных мер, которые могли бы успокоить население и вселить в него доверие и бодрость духа, веру в себя и свое будущее" [9, с. 7, 9, 12].

Предполагаемые реформы, по убеждению генералов, не подрывали основ государственности, но способствовали бы подъему боевого духа армии накануне кампании 1917 г. Они же послужили бы прекращению беспорядков, недопустимых во время войны. Однако для прекращения беспорядков в столице Ставка не отказывалась и от более очевидных мер. Вечером 27 февраля Николай II принял решение о назначении главнокомандующим войсками Петроградского военного округа вместо С.С. Хабалова генерал-адъютанта Н.И. Иванова с чрезвычайными полномочиями (подчинение ему министров). Выбор этот, вероятно, имел особые основания. С одной стороны за Ивановым сохранялась репутация полководца Галицийской битвы 1914 г., с другой – генерала, подавлявшего в 1906 г. восстание в Кронштадте. Кроме того Иванов был известен показными, граничащими с льстивостью, проявлениями почитания монарха, что не особенно приветствовалось среди генералитета, но в совокупности создавало образ абсолютной преданности. Из Могилева с Ивановым должен был следовать Георгиевский батальон охраны Ставки. Надежные части для его миссии выделялись из резерва Северного и Западного фронтов. Особое внимание при этом Алексеев обращал на подбор начальников: "Нужно назначить прочных генералов, так как, по видимому, генерал Хабалов растерялся, а в распоряжение генерала Иванова нужно дать надежных, распорядительных и смелых помощников" [9, с. 10].

Однако, реальные условия, складывавшиеся вокруг экспедиции Иванова, не позволили даже приступить к исполнению, стоявших перед ней задач. Выделяемые с фронтов части по ходу перевозки сталкивались с саботажем железнодорожников, выполнявших распоряжения Петроградского Совета рабочих депутатов и Временного комитета Государственной думы, и не попадали в намеченные пункты выгрузки. Те же части, которые достигли предместий Петрограда, войдя в соприкосновение с населением и войсками гарнизона, очень быстро заявляли о своей солидарности с восставшим народом. Впрочем, надежность войск, понимаемая как подчинение начальникам и дисциплинированность в условиях фронта, не означала их готовности к исполнению карательных функций. Так, командир следовавшего с Ивановым Георгиевского батальона охраны Ставки генерал Пожарский заявил своим офицерам, что в Петрограде приказа стрелять в народ он не отдаст, даже если бы этого потребовал Иванов [8, с. 148].

Наконец, первые лица в Ставке и командовании фронтами находились в непосредственном контакте с думскими лидерами и склонны были к соглашению с ни-

ми. После отъезда из Ставки ранним утром 28 февраля Николая II власть и возможности фактического главы действующей армии оказались сосредоточены в руках начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала М.В. Алексеева. От его решений теперь в огромной мере зависело то направление, в котором должен был разрешаться кризис. Ставя превыше всего интересы фронта и продолжения вооруженной борьбы с врагом, Алексеев считал, что никакие политические уступки Думе не таят в себе той опасности, какую в военное время может представлять внутренняя усобица. Такое отношение к способу урегулирования конфликта делало его надежным союзником Родзянко. Своей телеграммой № 1833, направленной в ночь на 1 марта прибывшему к тому времени в Царское Село Иванову, Алексеев, впервые именуя Временный комитет Государственной думы Временным правительством, сообщал, что тот предпринимает шаги к водворению порядка в столице и поэтому силовые методы в отношении его уже нецелесообразны. "Воззвание к населению, выпущенное Временным Правительством, говорит о неизбежности монархического начала России, о необходимости новых оснований для выбора и назначения правительства... Если эти сведения верны, то изменятся способы наших действий, переговоры приведут к умиротворению, дабы избежать позорной междоусобицы..." [9, с. 31]. Это мнение Алексеев просил доложить царю, которого ожидали в Царском Селе, и, таким образом, блокировал любые действия Иванова, по крайней мере, до прибытия Николая II.

Как известно, царский поезд не был пропущен к столице и только вечером 1 марта прибыл в Псков, где находился штаб Северного фронта. Все это время информирование императора было затруднено, но Ставка и главнокомандующие войсками фронтов получали тревожные сведения о развитии революции в основных центрах страны. Утром 1 марта Родзянко известил командование действующей армии о переходе всей правительственной власти к Временному комитету Государственной думы, а в течение дня стало известно о восстании в Москве. Все это соответствующим образом определяло настроение первых лиц вооруженных сил страны, что следует из телеграмм, предназначенных для доклада императору. Командующий Балтийским флотом адмирал А.И. Непенин, сообщая о матросском восстании в Кронштадте, высказывал убеждение в необходимости пойти на соглашение с Государственной думой. Генерал Брусилов, обращаясь к царю через министра двора графа Фредерикса, в довольно обтекаемых выражениях просил не допускать междоусобицы, "признать совершившийся факт и мирно и быстро закончить страшное положение дела" [9, с. 43–44, 47]. Наконец, генерал Алексеев, подробно информируя царя о происшедшем за минувшие сутки и указывая на опасность, которую начавшаяся революция представляет для боеспособности армии, прямо предлагал политическое решение в соответствии с думскими установками: "Подавление беспорядков силою при нынешних условиях опасно и приведет Россию и армию к гибели. Пока

Государственная дума старается водворить возможный порядок, но если от вашего императорского величества не последует акта, способствующего общему успокоению, власть завтра же перейдет в руки крайних элементов, и Россия переживет все ужасы революции. Умоляю ваше величество, ради спасения России и династии, поставить во главе правительства лицо, которому бы верила Россия, и поручить ему образовать кабинет" [9, с. 40].

За сутки политическая позиция высшего командования и в первую очередь Алексеева значительно активизировалась, но при этом, выступая на стороне Родзянко, он четко обозначал мотивы, которые носили скорее сугубо профессиональный характер. Главными обстоятельствами, которые тревожили генералитет, были вовсе не перемены в высших правительственных эшелонах, а последствия революционного переворота и внутреннего противостояния для действующей армии, промышленности, транспорта, ставившие под сомнение возможность продолжения войны. Крайне резкую реакцию Алексеева вызвали известия о задержках в движении воинских эшелонов и нарушениях связи военных учреждений Петрограда и Ставки. В телеграмме, направленной Родзянко, он ясно дал понять, что не допускает вмешательства политического руководства в дела военного управления, однако это его заявление можно было расценивать как признание за Временным комитетом Государственной думы первенства в политической иерархии страны при условии неприкосновенности прерогатив военного командования [9, с. 44–45]. Примечательно, что независимо от Алексеева к Родзянко обращался генерал Рузский, призывая его как главу Временного комитета принять все меры к пресечению беспорядков в Петрограде. Данное обращение давало понять, что главное командование Северного фронта считает Временный комитет Государственной думы единственной действующей властью в столице. Родзянко в свою очередь поспешил укрепить это представление, заверив Рузского, что соответствующие меры приняты и порядок в городе восстанавливается [9, с. 46, 52]. Таким образом, высшие военные круги и Временный комитет постепенно выстраивали схему взаимоотношений, в которых император уже отсутствовал.

С прибытием Николая II в Псков на первое место по значимости воздействия на него вышли военные. Понимая насколько важную роль в текущей обстановке может играть фактор времени, Алексеев взял на себя инициативу в выбивании из царизма политических уступок. В очередной телеграмме, адресованной императору, он не просто настоятельно просил согласия на создание "ответственного министерства", но и предлагал подготовленный в Ставке текст манифеста, который надлежало немедленно обнародовать и согласно которому образование нового правительства поручалось бы Родзянко [9, с. 53–54]. Данный факт заслуживает особого внимания: политический документ, передававший право формирования правящего кабинета Государственной думе был подготовлен не думскими политиками, а первыми лицами

Штаба Верховного главнокомандующего.

Докладывая царю содержание поступивших телеграмм, генерал Рузский выступал как доверенное лицо не только Алексеева, что было естественно, но и Родзянко, с которым также находился на прямой связи. Обе стороны ожидали, что Рузский не просто введет императора в курс происходящего, но и добьется от него желаемых решений. Информация и доводы военных для Николая II были наиболее весомыми, так как после доклада, состоявшегося около полуночи 2 марта, он выразил согласие подписать манифест и отдал телеграфное распоряжение в Царское Село Иванову воздержаться от любых действий.

Эти результаты Рузский поспешил донести Родзянко, связавшись с ним по прямому проводу. В ответ глава думского Комитета вынужден был признать, что ему и его соратникам не удалось остановить радикализации конфликта. Гнев народных масс направлен против династии и его не погасить созывом "ответственного министерства". Добытый манифест безнадежно запоздал, думские политики видят возможность спасти монархию ценой отречения Николая II в пользу сына при регентстве Михаила Александровича. Такая перспектива выглядела для Рузского непонятной и пугающей, но тревожила его не судьба монарха и монархии, а вероятные ее последствия для воюющей армии: "...Всякий насильственный переворот не может пройти бесследно. Что – если анархия, о которой говорите вы, перекинется в армию и начальники потеряют авторитет власти...?" Родзянко, сам не будучи ни в чем уверен до конца, все же попытался его успокоить: "...Переворот может быть добровольный и безболезненный для всех, и тогда все кончится в несколько дней" [9, с. 59]. Так, перед военными был установлен новый ориентир, новая цена, которую следовало заплатить за умиротворение.

Содержание разговора Рузского и Родзянко было передано в Ставку, но там выбор между защитой устоев монархии и продолжением борьбы с внешним противником на фронте уже был однозначно сделан в пользу последней. Логику этого решения впоследствии объяснял ближайший сподвижник Алексеева генерал-квартирмейстер Ставки А.С. Лукомский: "Было совершенно ясно, что если б Государь решил, во что бы то ни стало, побороть революцию силою оружия и это привело к прекращению борьбы с Германией и Австро-Венгрией, то не только наши союзники никогда этого не простили бы России, но и общественное мнение России этого не простило бы Государю. Это могло бы временно приостановить революцию, но она, конечно, вспыхнула бы с новой силой в самое ближайшее время, вероятно в ходе демобилизации армии, и смела бы не только правительство, но и династию" [9, с. 22–23]. Прагматичный профессиональный взгляд среди представителей высшего командования или, по крайней мере, в кругах близких к Алексееву, со всей очевидностью возобладал над соображениями преданности лично

монарху.

Ставка приняла установки Родзянко практически без промедления, но в Пскове непосредственно вести переговоры с царем и склонить его к отречению вновь предстояло одному Рузскому. Опасаясь необратимого развития событий в столице, Алексеев утром 2 марта настаивал, чтобы Рузский безотлагательно доложил Николаю II новые условия Родзянко, для чего следовало даже разбудить императора. Активнейшим помощником и единомышленником Алексеева выступал генерал Лукомский. Передавая это распоряжение начальнику штаба Северного фронта генералу Ю.Н. Данилову, он не скрывал, что излагает свою личную позицию, а его доводы выглядят аргументами, которые могли убедить царя. "Я прошу тебя доложить от меня генералу Рузскому, что, по моему глубоко убеждению, выбора нет, и отречение должно состояться. Надо помнить, что вся царская семья находится в руках мятежных войск... Если не согласится, то, вероятно, произойдут дальнейшие эксцессы, которые будут угрожать царским детям, а затем начнется междоусобная война, и Россия погибнет под ударом Германии, и погибнет вся династия". Данилова, как это видно из его ответа, не смущала возможность отречения и беспокойство доставляло только всем известная нерешительность Николая II: "Я убежден, к сожалению, почти в том, что, несмотря на убедительность речей Николая Владимировича и прямоту его, едва ли возможно будет получить определенное решение. Время безнадежно будет тянуться" [9, с. 75].

Хорошо изучивший характер царя Алексеев понимал, что в столь ответственном случае недостаточным было бы полагаться только на старания Рузского. Требование отречения следовало представить как общее мнение наиболее высокопоставленных военачальников. С этой целью Лукомскому поручено было подготовить телеграмму, которая за подписью Алексеева по прямому проводу была передана всем главнокомандующим фронтами. В ней отречение императора в пользу наследника при регентстве Михаила Александровича преподносилось как необходимое условие продолжения войны, а стало быть, спасения Отечества. Генералам было предложено срочно высказать свое мнение и передать его в Ставку, либо непосредственно царю [9, с. 67–70]. Наиболее определенно о своем согласии с планом отречения заявили генерал Брусилов и главнокомандующий Кавказским фронтом Великий князь Николай Николаевич. Генерал Эверт и главнокомандующий войсками Румынского фронта генерал В.В. Сахаров пожелали знать мнение остальных, но после его передачи, хотя и в самых осторожных и верно-подданных формулировках, также присоединились к общей позиции. С подобным заявлением выступил и командующий Балтийским флотом адмирал Непенин.

Это позволило Алексееву в 14 часов 30 минут 2 марта отправить телеграмму, в которой, изложив дословно высказывания главнокомандующих, он обращался лично

к императору со словами: "Умоляю безотлагательно принять решение, которое господь внушит вам". Но далее, не ограничиваясь докладом, Алексеев подводил императора к требуемому решению, как ранее подводил главнокомандующих: "Промедление грозит гибелью России... Ваше императорское величество горячо любите родину и ради ее целостности, независимости, ради достижения победы, соизволите принять решение, которое может дать мирный и благополучный исход из создавшегося более чем тяжкого положения" [9, с. 73]. Несмотря на увещательный тон, во всей манере обращения Алексеева уже просматривалось отношение к Николаю II, как к объекту лишенному воли, от которого лишь требовалось получить желаемый ответ.

На последний и самый ответственный доклад к царю генерал Рузский отправился в сопровождение своего начальника штаба Данилова и начальника снабжения фронта генерала С.С. Саввича, которые также разделяли убеждение, что отречение необходимо для успокоения страны и доведения войны до конца. С другой стороны репутация обоих с точки зрения верноподданнических качеств была вне сомнений, Саввич до войны служил начальником штаба Корпуса жандармов. После доклада полученных телеграмм, генерал Рузский кратко повторил доводы Алексеева, подчеркнув, что ситуация требует немедленного ответа. Последние к кому обратился император, чтобы выяснить их мнение были генералы Данилов и Саввич. Оба заявили, что присоединяются к мнению председателя Государственной думы, поддержанное старшими начальниками. После краткого раздумья прозвучали слова царя: "Я решил. Я отказываюсь от престола..." Свое ощущение от пережитого в этот момент генерал Данилов передавал с нескрываемым торжеством: "Точно камень, давивший нас, свалился с плеч. Минута была глубоко торжественная. Поведение отречшегося императора было достойно всякого преклонения" [4, с. 402].

В это время в Ставке по поручению Алексеева генерал Лукомский и начальник дипломатической части

Ставки Н.А. Базили готовили текст нового императорского манифеста – об отречении. Переданный в Псков данный манифест и был подписан вечером 2 марта в присутствии А.И. Гучкова и В.В. Шульгина после изменений, связанных с окончательным решением Николая II отречься за себя и наследника в пользу брата Михаила.

Выбор высшей военной элиты в условиях политического кризиса не был случайным или неожиданным. В нем отразились те конфликты и противоречия, которые складывались в ее отношениях с правящими кругами в последние месяцы. Высшее командование действующей армии в трудный момент отказалось от поддержки монарха, найдя точки взаимопонимания с политической оппозицией. Всего за двое суток с момента отъезда императора, Ставка совершила эволюцию от лояльной исполнительницы царской воли до активного помощника Временного комитета Государственной думы, а затем и Временного правительства. Инициативой Алексеева главнокомандующие армиями фронтов оказались вовлеченными в решение политических вопросов, в принципе не относящихся к их компетенции, а Ставка выступила фактическим исполнителем тех задач, которые только обозначались думскими политиками в Петрограде. При этом генералитет ни в коей мере не был противником монархического правления. В его выборе сказались усиленно пропагандируемые либералами настроения недовольства правительством, происками "темных сил", виновных в неудачах армии, и мнение о том, что политические перемены в стране приведут к победам на фронте. Начавшаяся в столице революция внушала военной верхушке огромную тревогу, так как могла поставить на карту успех войны. Ради ее прекращения фигура Николая II не представлялась чрезмерной жертвой. Эти мотивы двигали Алексеевым и его подчиненными, принявшими на себя миссию организации отречения императора. Чтобы повлиять на решения Николая II Ставка сумела мобилизовать такие возможности, какими думские деятели, конечно, не располагали. Для реализации царского отречения позиция и поведение высшего генералитета имели решающее значение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания председателя Государственной Думы и военного министра Временного правительства. М.: ТОО "Ред. журн. "Вопросы истории", 1993. – 143 с.
2. Воейков В.Н. С царем и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. Гельсингфорс, 1936. – 434 с.
3. Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. Жуковский; М.: Кучково поле, 2001. – 440 с.
4. Данилов Ю.Н. Великий Князь Николай Николаевич. Жуковский; М.: Кучково поле, 2006. – 480 с.
5. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917 г. М.: Наука, 1991. – 520 с.
6. Из воспоминаний генерала Лукомского // Архив русской революции. Т. II. Изд. И.В. Гессена. Берлин, 1921. – С. 14–44.
7. Лемке М.К. 250 дней в царской ставке 1914–1915. Минск: Харвест, 2003. – 448 с.
8. Мартынов Е.И. Царская армия в Февральском перевороте. Л.: Воен. тип. Упр. делами Наркомвоенмор и РВС СССР, 1927. – 212 с.
9. Февральская революция 1917 года (Документы ставки верховного главнокомандующего и главнокомандующего армиями северного фронта) // Красный архив. 1927. № 2. – С. 3–78.

СЕКРЕТЫ ПОЛИШИНЕЛЯ: КОГДА ЗАКОНЧИЛАСЬ "ОТТЕПЕЛЬ" XIX СТОЛЕТИЯ?

OPEN SECRETS: WHEN DID THE 19TH CENTURY THAW END?

A. Kirillov

Annotation

Alexander II's reign is remarkable not only for the "Great reforms" introduced by the government, but also for the thaw in the public atmosphere. The thaw ended yet before the last reforms. The aspiration for renovation and liberation died out by as early as mid-1860s. This shift was helped by the St.-Petersburg conflagration of 1862 which made the loyalist Russian capital dwellers fear the "nihilists". Another circumstance of importance was the Polish uprising which began at 1863 and opposed the Russian national feeling to the liberal ideas of the late 1850s.

Keywords: Alexander II, Great reforms in Russia, 19th century thaw, оттепель, St.-Petersburg conflagration of 1862, Polish uprising of 1863–1864.

Аннотация

Время Александра II – это не только "Великие реформы", проводимые правительством, но и "оттепель" в общественной атмосфере. Она закончилась гораздо раньше реформ. Стремление к обновлению и освобождению сошло на нет уже к середине 1860-х годов. Этому помогли петербургские пожары 1862 года, заставившие благонамеренных столичных обывателей бояться "нигилистов". Помогло и польское восстание 1863–1864 годов, которое пробудило у русских национальное чувство более сильное, чем либеральные идеи.

Ключевые слова:

"Великие реформы" Александра II, "оттепель" XIX века, петербургские пожары 1862 г., польское восстание 1863–1864 гг.

Начну с короткой цитаты из толкового словаря русского языка под редакцией Т.В. Ефремовой: "Шестидесятники [шестидесятники] 1. мн. Представители прогрессивного направления в общественной мысли, литературе, искусстве в Российском государстве 60-х годов XIX в. 2. мн. Представители прогрессивного направления в общественной жизни, литературе, искусстве (в СССР 60-х годов XX в.)" [1].

То, что в XIX веке были свои шестидесятники – это, стало быть, достаточно общеизвестно. Реже применяется к царствованию Александра II понятие "оттепель". Наверное, потому, что описание этого периода уже занято другим понятием – "великие реформы". Но реформы – это государственная политика, а как же общество?

Два явления в одном понятии

Как правило, когда говорят о "великих реформах", подразумевают и определённое настроение общества на исходе 1850-х годов. "Теперь вопрос об освобождении крепостных – во всех устах; об нём говорят громко, об нём думают даже те, при которых прежде нельзя было намекнуть на погрешительность крепостного права, не произведя в них корч и нервических припадков" [2, с. 119]. Это январское 1856 года высказывание Константина Кавелина. Известны и высказывания деятелей политически более умеренных.

"Есть множество людей и порядочных, умеренных, в средних и высших сословиях, которые желают тайно падения Севастополя, надеясь, что с падением его падёт и

нынешняя система. Я приехал в Петербург через год, и не узнал Петербурга; воротился через месяц в Москву, и не узнал Москвы! Вот как скоро все изменяется и зреет в наше время" [3, с. 283]. Так писал в ноябре 1854 г. монархист, историк Михаил Погодин – писал царю Николаю I о чужих мнениях. Излагал и собственное: "Призови на работу все таланты, – мало ли их есть на святой Руси? Освободи от излишних стеснений печать <...> Вели раскрой настезь ворота во всех университетах, гимназиях и училищах; дай средства нам научиться лить такие же пушки, штуцеры и пули, какими бьют теперь враги наших милых детей <...> Не свет опасен, а опасна тьма!" [3, с. 286–287].

Курляндский губернатор Пётр Валуев, в большей степени чужой для либералов, чем для консерваторов, вскоре после падения Севастополя передал высшим лицам страны записку "Дума русского (во второй половине 1855 года)" [4, с. 349–359]. Посвятив несколько страниц сокрушённому перечислению поражений в текущей войне, автор задаётся вопросом: "Благоприятствует ли развитию духовных и вещественных сил России нынешнее (1855г.) устройство различных отраслей нашего государственного управления?". Ответ – отрицательный: "Везде преобладает у нас стремление сеять добро силою. Везде пренебрежение и нелюбовь к мысли, движущейся без особого на то приказания. Везде опека над малолетними. Везде противоположение правительства народу, казённого – частному". Записка эта так понравилась младшему брату царя Константину Николаевичу, что он процитировал её в своём "Морском сборнике", рупоре

реформаторов. Афоризм Валуева "сверху блеск, внизу гниль" прогремел по всей читающей России.

Показательно, что Погодин и Валуев даже не затрагивают крепостное право. Речь идёт вообще об освобождении страны, частным случаем которого оказалась в дальнейшем отмена крепостного права, а также и новый суд, новое самоуправление, ограничение цензуры, освобождение университетов...

Итак, реформаторской политике Александра II соответствовало реформаторское настроение общества. По-видимому, общественное настроение во многом и определяло государственную политику. И всё-таки это два разных явления. Описание царей и царствований – детский возраст исторической науки. Следующий уровень погружения – изучение общества.

Две эпохи при одном императоре

При сопоставлении "оттепели XIX века" и "великих реформ" бросается в глаза, что они не вполне совпадают хронологически. Даже если началом реформ считать не Манифест 19 февраля 1861 г., а создание Секретного комитета под руководством Алексея Орлова в январе 1857 г., всё-таки реформы отстали от "оттепели" без малого на два года. Можно спорить, действительно ли отсчёт реформы идёт с января 1857 г., или о выходе за рамки традиции николаевского царствования можно вести речь только после введения в Секретный комитет в.к. Константина Николаевича, или только после "рескрипта Назимову". Эти и следующие вехи разработки реформы известны достаточно хорошо, чтобы каждый мог выбрать по вкусу [5]. При любом выборе очевидно, что начало "оттепели" не совпадает с началом реформ.

Не совпадает и окончание. Последняя крупная реформа при Александре II – это военная реформа 1874 года. Она важна не только для дееспособности армии, но и для общественного устройства. Ликвидация тяжкой сословной повинности в виде рекрутчины делает её одной из ключевых реформ Александра II.

Правда, реформы 1870-х гг. происходят на фоне ограничительных мероприятий, в том числе – такого заметного, как низведение реальных гимназий до уровня училищ. Напрашивается сомнение, правильно ли относить 1870-е гг. к "великим реформам", или это уже другой этап внутренней политики Александра II. Но это сомнение мы оставим до другого раза. Сейчас нам достаточно отметить, что в 1874 году коренная либеральная реформа ещё оказалась возможна. Сопоставим это с настроением общества.

Под новый 1874-й год уже было известно о том, что император одобрил "Устав о воинской повинности". Вместо того чтобы радоваться, главный радатель той реформы Дмитрий Милютин печально констатировал в дневнике засилье Петра Шувалова и его команды: "Какое поразительное и прискорбное сравнение с той обстановкой, при которой вступил я в состав высшего правительства 13 лет назад! Тогда все стремилось вперед; теперь все тянет назад. Тогда государь сочувствовал прогрессу, сам двигал вперед; теперь он потерял доверие ко всему, им же созданному, ко всему окружающему его, даже к себе самому. При таком положении дел возможно ли мне одному устоять на обломках кораблекрушения, и не будет ли извинительно, если я решусь сложить с себя оружие?" [6, с. 120].

Ещё раньше, чем Милютин, высказывался на ту же тему Алексей Головачёв, ближайший соратник вождя тверских либералов Алексея Унковского: "Сравнивая в этом отношении 1860-й и 1870-й годы, приходится убедиться, что общество наше не только не подвинулось вперед, но сделало несколько шагов назад. Прежде мы замечали всеобщий интерес к вопросам общественной жизни; всюду были слышны суждения и толки не только о главном крестьянском вопросе, но и многих других, несмотря на то, что они представлялись в отдаленном будущем <...> В общественных собраниях появлялись люди, которых возмущали прежние порядки, которые ставили себе целью общественную пользу и старались противодействовать интриге и кумовству. Но вот проходит десять лет, и все изменилось. Людей, которыми руководил бы не

личный интерес, а общественная польза, как-то не видеть; если же они и являются, то в виде исключений и без большого влияния. Приверженцы старого прядка вещей, прежде робко выражавшие свое мнение, теперь как будто устыдились своей прежней скромности и, вслед за "Московскими ведомостями", набросились на всё живое и разумное в обществе" [7, с. 2].

Не обойдём вниманием и такой чуткий барометр общественной жизни, как Николай Некрасов. В 1869 г. он написал длинное стихотворение "Притча" – о царе, который попытался перестроить обветшалый храм, доставшийся ему по наследству:

"Леса убирают – убрали... и вот
"Готово!" – царю возвещают,
И царь по обширному храму идет,
Вельможи его провожают...

Но то ли пред ним, что когда-то в мечте
Очам его царским являлось
В такой поражающей ум красоте?
Что неба достойным казалось?

Над чем, напрягая взыскательный ум,
Он плакал, ликуя душою?
Нет! Это не плод его царственных дум!..
Царь грустно поник головою" [8].

Если приглядеться, то у приведённых цитат можно заметить разные оттенки – с упором где-то на общество, а где-то – на правительство. Но все три автора рисуют настроение, далёкое от виденного нами в отрывках из Каверина, Погодина и Валуева.

Теперь ясно, что "оттепель" закончилась далеко не в 1881 году, с воцарением Александра III, а гораздо раньше. Когда же?

Неизвестный литограф. Пожар 28 и 29 мая 1862 г. в Санкт-Петербурге.

Больше, чем выстрел

Обычно водоразделом двух эпох называют 1866 год, ещё точнее – 4 апреля, покушение Дмитрия Каракозова. По выражению Дмитрия Милютин, "каракозовский выстрел сделался сигналом резкого перелома в царствовании императора Александра II. После первых десяти лет, ознаменованных славными реформами, либеральными мерами, начался период реакции <...> С этого времени вкоренилось недоверие ко всему, что было совершено в предшествовавшее десятилетие, и ко всем бывшим деятелям этой светлой эпохи" [цит. по: 9, с. 88]. Отставной военный министр вновь говорит главным образом о правительстве. Но и атмосфера уже иная.

Министру народного просвещения Александру Головнину император в апреле 1866 года объяснял причины отставки: "Я должен сказать, что вполне ценю твои намерения и твое усердие и ни в чем не могу тебя упрекнуть, но против тебя сильно возбуждено общественное мнение, и что бы ты ни делал, всё истолковывается в дурную сторону. Теперь нужны люди новые" [10, с. 350].

Не только головнинские поступки "толковались в дурную сторону". Никогда не достоверная и часто глупая, но всегда влиятельная молва обвиняла главного вождя правительственных либералов в.к. Константина Николаевича в том, что это он направлял руку Каракозова (как годом ранее сплетничали об отравлении им безвременно умершего наследника престола Николая Александровича) [9, с. 74–103].

Покушение Каракозова поделило историю России 1860–х годов на "до" и "после". Но само по себе покушение – это соломинка; раз она сломала хребет верблюду – значит, критическая масса была накоплена раньше. Как накапливалась эта масса?

Теоретически ясно, что коренная предпосылка для перемены настроения – это реформы, утоляющие жажду перемен со стороны умеренных либералов. Но практически перемена настроения была связана с определёнными событиями. Громких событий, побудивших современников по-новому взглянуть на политическую обстановку, было два.

Столичные пожары

На исходе мая месяца 1862 года Петербург оказался охвачен эпидемией пожаров, слишком многочисленных, чтобы их можно было считать случайностью. Не успевало догореть в одном месте, как уже поднимался столб дыма в другом. Начавшись с окраин, пожары добрались и до элитной части города. Полностью выгорели два крупных рынка близ Невского проспекта – Апраксин и Щукин двory.

Ни специальная следственная комиссия, ни историки

Польское восстание

так и не нашли организаторов пожаров. Но и общество, и правительство были уверены, что это дело рук социалистов. Дело в том, что за считанные недели до страшных пожаров жители Петербурга, а затем – Москвы и других городов, начали получать по почте, обнаруживать в университетских клиниках, просто находить на улицах листовку "Молодая Россия" [11, с. 142–50]. Решительностью заявлений она превосходила всё, к чему уже успели привыкнуть столичные обыватели: "Своею кровью заплатят они за бедствия народа, за долгий деспотизм, за непонимание современных потребностей. Как очистительная жертва сложит головы весь дом Романовых!" "Мы будем последовательнее не только жалких революционеров 48 года, но и великих террористов 92 года, мы не испугаемся, если увидим, что для ниспровержения современного порядка придется пролить втрое больше крови, чем пролито Якобинцами в 90-х годах".

Связь между "Молодой Россией" и поджогами осталась не доказанной, но петербуржцы и не ждали формальных доказательств. Академик и цензор Александр Никитенко записывал в те горячие дни: "Несомненно кажется, что пожары – в связи с последними прокламациями. Если бы поджоги производились простыми мошенниками, то были бы покушения к грабежу: их нигде не оказалось". "Народ все думает, что поджигают студенты. Головин писал [министру внутренних дел] Валуеву, чтобы тот сделал объявление в том смысле, что напрасно обвиняют студентов. Валуев отвечал отказом" [12, с. 356–357].

Меры противодействия социалистам со стороны власти ограничились арестом в течение июня–июля вождей первой "Земли и воли" (включая Николая Чернышевского), закрытием журнала "Современник", воскресных школ, Шахматного клуба. Вероятно, более существенным итогом майских пожаров 1862 года стало чёрное пятно на репутации "левых" в общественном мнении.

По словам Валуева, "Чуткое чувство самосохранения возбудило другие чувства, которым следовало бы пробудиться и ранее майских пожаров. В эту эпоху совершился первый благоприятный переворот в общественном мнении. Все почувствовали, что для спасения общества и государства нужны были энергические правительственные распоряжения. В некоторых литературных органах стала заметною перемена направления; наконец, в них появились прямые протесты против изменнических действий наших заграничных агитаторов, до тех пор пользовавшихся в России непостижимым кредитом" [цит. по: 2, с. 349].

Поворот, о котором говорит Валуев, связан с отмежеванием себя столичным обществом от "нигилистов", социалистов, революционеров. Но изначально было ясно, что революционеры – лишь "временные попутчики" александровских реформ. Более важна следующая развилка, на которой разошлись дорожки либералов–реформаторов и умеренного большинства.

Восстание в Польше обычно упоминается в связи с первой "Землёй и волей", упоминается как периферийный сюжет из истории российского революционного движения. На деле его значение гораздо больше.

Неспокойно в Польше было уже не первый год. Ещё были живы польские старики, которые помнят Речь Посполитую; среднее поколение своими глазами видело восстание 1830 года. С началом либерального царствования тяга к независимости приняла демонстративные формы: празднование памятных польских дат, ношение траура, отказ от русского языка. Александр II действовал по отношению к Польше так же, как по отношению к студентам. Убедившись в неуспешности репрессий, царь поставил наместником в.к. Константина, который принёс умеренные уступки (устранение самых неподходящих русских чиновников, расширение сети школ, открытие Главной школы в Варшаве – по существу, восстановление университета, закрытого в 1831 году). Но полякам этого было уже мало. В июле–августе 1862 года состоялось три покушения на в.к. Константина и руководителя гражданского управления маркиза Велёпольского. Готовилось восстание, об этом открытым текстом сообщалось в "Колоколе". Главной целью восстания ставилась независимость Польши от России.

Восстание, начавшееся в январе 1863 и окончательно подавленное к маю 1864 года, ничего не дало для польской самостоятельности. Но оно сильно изменило обстановку внутри России. Консервативная партия торжествовала поражение в.к. Константина, и в его лице – всех реформаторов. Либеральная политика Константина в Польше окончилась провалом, тогда как грубая солдатская работа пришедшего ему на смену Михаила Муравьёва обеспечила восстановление порядка.

Польское восстание 1863–1864 гг.

Дело усугубилось позицией Англии и Франции, которые официально поддержали требование независимости для Польши. В памяти русских дворян оживали севастопольские сюжеты восьмилетней давности, обострялось чувство неотмщённого национального унижения.

Не случайно именно 1863-й год принёс и резкое падение интереса к герценовскому "Колоколу", который выступил в поддержку польских притязаний на независимость. Даже сокращение тиража в несколько раз не могло удержать издание на плаву. Герцену не простили "непатриотического" поведения. Читателями "Колокола" были не столько революционеры, сколько просто образованная публика. Она-то и отвернулась от сторонника "расчленения России".

На имя Михаила Муравьёва (будущего Муравьёва-Виленского) составлялись и подписывались приветственные адреса с высокопарными благодарностями. Среди подписей под адресами были и фамилии явных либералов, таких как "константиновец" Дмитрий Оболенский, главный двигатель разрабатываемой тогда цензурной реформы.

Столичный генерал-губернатор Александр Аркадьевич Суворов (внук знаменитого полководца) отказался подписать очередной приветственный адрес Муравьёву-вешателю (как прозвали его язвительные противники), да ещё и назвал усмирителя Варшавы людоедом. Это вызвало немедленный отклик бдительно следящего за политикой Фёдора Тютчева.

Его пылкий ответ начинается так:

"Гуманный внук воинственного деда,
Простите нам, наш симпатичный князь,
Что русского честим мы людоеда,
Мы, русские, Европы не спросим!.. "

И далее три строфы комплиментов "тому, кто отстоял и спас России целость", завершаются вновь язвительно по отношению к Суворову:

"Так будь и нам позорною уликой
Письмо к нему от нас, его друзей!
Но нам сдается, князь, ваш дед великий
Его скрепил бы подписью своей". [13]

Так польское восстание стало вехой в истории российского либерального мнения. Мечты о свободе отступили перед национальным чувством. Русские либералы оказались больше русскими, чем либералами.

Годы с 1861 по 1864 – самое горячее время "великих реформ". Именно в это время задан их костяк: крестьянская, земская, судебная (не говоря уже о гимназической, университетской, налоговой...). Но в эти же годы происходил и сдвиг умов. Столкнувшись с крайностями свободы, ещё вчера реформаторское большинство поспешило припасть к "твёрдой руке". Запах оттепели постепенно растворился в гари петербургских пожаров и пороховом дыме польского восстания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Толковый словарь русского языка под редакцией Т. Ф. Ефремовой. Электронное издание: <http://www.slovoblog.ru/efremova/shestidesyatniki/> [дата последней проверки – 8 января 2012 г.]
2. Революционная ситуация в России в середине XIX века. М.: Наука, 1978. 440 с.
3. Погодин М.П. Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны. 1853–1856. М.: типография В.М. Фриш, 1874. 358+16 с.
4. Русская старина. 1891. № 5.
5. Захарова Л.Г. Александр II и отмена крепостного права в России. М.: РОССПЭН, 2011. 720 с.
6. Дневник Д.А. Милютина. 1873–1875. Т. 1. М.: Гос. б-ка им. В.И. Ленина, 1947. 255 с.
7. Головачев А.А. Десять лет реформ. 1861–1871. СПб: издание "Вестника Европы", 1872. 410 с.
8. Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений: В 3 т. Л.: Советский писатель, 1967. Т. 2. Электронная публикация: http://az.lib.ru/n/hekrasow_n_a/text_0020.shtml#236 [дата последней проверки – 8 января 2012 г.]
9. Воронин В.Е. Русские правительственные либералы в борьбе против "аристократической партии" (середина 60-х – середина 70-х гг. XIX в.). М.: Спутник+, 2009. 369 с.
10. Головин А.В. Записки для немногих. СПб: Нестор-история, 2004. 576 с.
11. Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. М.: Археографический центр, 1997. 576 с.
12. Никитенко А.В. Записки и дневник: В 3 т. Т. 2. М.: Захаров, 2005. 608 с.
13. Тютчев Ф. И. Лирика: В 2 т. М.: Наука, 1966. Т.2. Электронная публикация: <http://feb-web.ru/feb/tyutchev/texts/selected/lp2/lp2-155-.htm> [дата последней проверки – 8 января 2012 г.]

ЕВРОПЕЙСКИЕ ЖЕНЩИНЫ-ХУДОЖНИЦЫ XVII в.

THE EUROPEAN WOMEN-ARTISTS OF 17 CENTURIES

M. Kovaleova

Annotation

The scientific article tells about the European women-artists of 17 centuries, such as Clara Peeters, Maria van Oosterwyck, Rachel Ruysch, Maria – Sibylla Merian, Giovanna Garzoni, Louisa Moillon, Judith Leyster, Artemisia Gentileschi, Elisabetta Sirani.

Keywords: history of the European art of XVII century, history of the European painting of XVII century, the European women-artists of XVII century.

Ковалева Марина Вячеславовна

к.и.н., доцент, ФБГОУ ВПО "Госуниверситет – учебно-научно-производственный комплекс", г. Орел

Аннотация

В статье рассматривается творчество европейских женщин-художниц XVII в., таких как Клара Петерс, Мария ван Оустервик, Рахел Рёйс, Мария – Сибилла Мериан, Джованна Гардзони, Луиза Муаллон, Юдит Лейстер, Артемизия Джентилески и Элизабетта Сирани.

Ключевые слова:

история XVII в., история Европы, европейская живопись XVII в.

В XVII в. сохранялось распространённое еще со средних веков мнение о несовершенной природе и слабости женщин. Бенедикт Спиноза отрицал, что женщины могут иметь равные права с мужчинами, потому что они "с необходимостью уступают мужчинам" в способностях и силе. Женщинам не нужны никакие способности, потому что "мужчины по большей части любят женщин только вследствие аффекта похоти, а дарования их и рассудительность ценят лишь постольку, поскольку они отличаются красотой..." [2, С. 382]. Жан де Лабрюйер, разделяя мнение современников, полагал, что особенностями женской психологии является неумение ни в чём найти середину и господство чувств над рассудком [3, С.301]. Из всего этого делался вывод о неспособности женщины вести самостоятельный образ жизни. Между тем, наблюдалось численное преобладание женщин по сравнению с мужчинами. Для части из них это делало невозможным осуществление традиционной женской судьбы, связанной с браком и семьёй. Малое количество женских профессий, а в случае знатного происхождения и запрет работать, при отсутствии экономической поддержки оставляли у женщин небольшой выбор. Если у них хватало средств, они поступали в монастырь. Поскольку монастыри в католических странах были переполнены, их руководство из экономических соображений было заинтересовано в приёме только богатых девушек. Те женщины, которые обучались ремеслу, могли зарабатывать с его помощью, чтобы поддержать себя и свою семью. Круг женских профессий включал пряж, швей, белошвеек, кружевниц, повитух. Их представительницы состояли в чисто женских цехах. Женщины наряду с мужчинами входили в цеха торговцев фруктами, зеленью и рыбой.

В XVII в. появился целый ряд добившихся успеха в живописи художниц. Как правило, они происходили из семей художников и рассматривали искусство как профессию. Большинство из женщин-художниц работали в низких жанрах – натюрморте и бытовом, ибо их пол ограничивал возможности получения соответствующего образования и сужал тематику производимой ими продукции.

Одной из первых женщин, работавших в жанре натюрморта, стала фламандка Клара Петерс (1594 – ок. 1657). Известно, что она родилась в Антверпене. Её первая подписанная работа относится к 1608 г. Предполагается, что она была ученицей Озиаса Бирта или Яна Брейгеля Старшего. Впоследствии Клара Петерс жила в Амстердаме и Гааге. В 1639 г. она вышла замуж за Хендрика Хоуссена. Последняя её подписанная работа относится к 1657 г., после чего, как предполагают исследователи, Петерс вскоре умерла. [8, Р.89 – 90]

Работы художницы представляют собой небольшие картины с несколькими предметами, группирующимися вокруг некоего центра. Таким центром в "Натюрморте с цветами и кубками" (Государственный музей, Карлсруэ) служит, что интересно, не самый высокий, а самый низкий из изображённых предметов – тарелка со сложенной в неё цепочкой. Напротив, в "Натюрморте" из Прадо вниманием зрителя сразу завладевает красивый пирог, позади которого возвышаются кувшин, солонка, вазочка и стеклянный бокал, а по бокам и впереди теснятся тарелки с жареными цыплятами, оливками и бутербродами. Промежутки заполняют апельсины и серебряный нож. Весь натюрморт построен на перекличке жёлтых, коричневых, рыжих и серых оттенков. С большим искусством

художница передаёт разнообразие поверхностей избранных предметов, их осязаемую вещность.

"Натюрморт с котом и рыбой" (два варианта: один хранится в частной коллекции, другой – в Национальном музее женского искусства, Вашингтон) делает зрителя невольным свидетелем "преступления" животного, которое только что вскочило на стол и вытянуло из дуршлага добычу. Кот твёрдо стоит передними лапами на маленькой рыбке. Физиономия его выражает смешанное чувство осознания вины и решимости не уступить человеку-зрителю, от которого он ждёт изгнания со стола.

Исследователи предполагают, что Клара Петерс изобразила себя на картине "Женщина с предметами суеты" (Частная коллекция). Нравоучительный сюжет о тщете всего, о том, что всё пройдёт и бесследно исчезнет, пользовался в XVII в. особенной популярностью. Молодая героиня полотна держит в руках часы, которые неумолимо отсчитывают время, влекущее к небытию её молодость, красоту и саму жизнь. Перед лицом небытия бесполезным кажется богатство, которое олицетворяют монеты, украшения, дорогой кубок и упавшая ваза. Хрупкость и недолговечность человеческого бытия, бесполезность всех мечтаний означают цветы в стеклянном сосуде и мыльный пузырь.

Несколько художниц были отмечены современниками в жанре цветочного натюрморта, который переживал в XVII в. свой расцвет: "Пожалуй, ни в какое другое время цветы не занимали столь почётное место в жизни и искусстве. Цветочные орнаменты покрывали фарфор, фаянс, ткани, ковры, обои, книжные переплёты. Сами цветы, особенно их редкие разновидности, стоили огромных денег. Часто дешевле было заказать "портрет" цветка художнику, чем приобрести редкую луковицу" [1, С.18]

Выдающимся мастером цветочного натюрморта была признана при жизни Мария ван Оустервик (1630 – 1693) родом из Нудорпа, местечка неподалёку от Делфта. Отец-священник поддерживал увлечение дочери. Она училась живописи у известного мастера натюрморта Давида де Хема. Работы Марии получили международное признание. Людовик XIV имел одну из её картин в своей коллекции. Император Леопольд Австрийский и его супруга в ответ на присланные натюрморты одарили художницу своими портретами, отделанными драгоценными камнями. Английский король Вильгельм III заплатил 900 флоринов за одну из её картин, а король Польши за три картины выложил 2400 флоринов.

Мария ван Оустервик работала в Делфте и Амстердаме. Она вела тихую жизнь в кругу близких и друзей, отличаясь трудолюбием и усидчивостью. Писала медленно и тщательно. Художница изображала цветы очень точно, проявляя большой вкус в их выборе и составлении букетов.

В Амстердаме мастерская Марии находилась напротив мастерской другого знаменитого мастера натюрморта – Виллема ван Альста. Рассказывают, что художник, восхищённый талантом своей соседки, посватался к ней.

Находя его человеком легкомысленным и неосновательным, но в то же время не желая обидеть, Мария поставила Виллему условие: она выйдет за него замуж, если ван Альст в течение года будет трудиться каждый день по десять часов в своей мастерской. Художник не выдержал столь строгого испытания, и, когда по истечении положенного срока, пришёл за ответом, Мария сказала, что своим поведением он сам освободил её от данного ею слова.

Художница умерла в возрасте 63 лет в доме своего племянника Якоба ван Асенделфта, проповедника в Эутдаме [5, Р.85 – 86]

Успешной последовательницей Марии ван Оустервик стала Рахел Рёйс (1664 – 1750). Дедушка художницы, Питер Пост, был архитектором, а её отец, Фредерик Рёйс – доктором медицины и профессором ботаники. Первые уроки рисования ей преподали отец и сестра Анна Елизавета. В возрасте 15 лет Рахел поступила учиться к выдающемуся мастеру цветочного натюрморта Виллему ван Альсту. В 30 лет художница вышла замуж за портретиста Джулиана ван Пула, с которым имела десять детей. Это не помешало Рёйс заниматься искусством. В 1701 г. её приняли в Академическое общество Гааги. Цветочные натюрморты художницы отличались научной точностью изображения разнообразной флоры, мастерской передачей цвета, структуры и формы. Как правило, букет в вазе или отдельно лежащие на мраморном парапете веточки цветов помещены на тёмном фоне. Цветовая гамма работ художницы насыщенная, но не чрезмерно яркая. Иногда Рёйс оживляла композицию изображениями бабочек и ящериц. Её работы пользовались международным признанием. Она была приглашена в качестве придворной художницы курфюрстом Иоганном Вильгельмом фон Пфальцем в Дюссельдорф. Монарх щедро оплачивал её картины и делал дорогие подарки. Иоганн Вильгельм посылал работы Рахел государям того времени, в том числе герцогу Тосканскому.

Рахел Рёйс писала до последнего дня. На одной из её работ, написанной в 1716 г., указан возраст художницы – 83 года. Умерла она в возрасте 86 лет, продолжая пользоваться всеобщим уважением [5, Р. 86 – 88; 7, Р.391 – 392].

Науку и искусство соединила в своих работах немецкая художница Мария – Сибилла Мериан (1647 – 1717). Она была дочерью швейцарца Маттеуса Мериана Старшего, знаменитого дюссельдорфского издателя и гравёра, и его второй жены, голландки Иоганны Сибиллы Хейм. Отец умер вскоре после рождения Марии – Сибиллы. Его вдове досталась небольшая часть наследства. Её вторичное замужество отдалило Иоганну Сибиллу от знаменитых родственников мужа. Талант в падчерице заметил отчим, художник Якоб Марель, который и стал первым учителем девочки. Мария – Сибилла научилась писать акварелью и гуашью, гравировать на меди. Мать была против занятий рисованием и старалась сделать из дочери образцовую хозяйку. Она разводила шелковичных

червей, и девочка рано проявила интерес к наблюдению за насекомыми. Мария – Сибилла даже выучила латынь, чтобы читать научные труды по ботанике.

В возрасте 18-ти лет девушка вышла замуж за ученика её отчима Иоганна Андреаса Графа и несколько лет спустя переехала с ним в Нюрнберг. Дела мужа в его типографии и гравировальной мастерской шли не очень удачно. Чтобы пополнить семейный бюджет, молодая жена расписывала скатерти и покрывала растительными красками, изготовленными по её собственному рецепту. Она рисовала насекомых и животных на пергаменте, а также издала две книги с изображением цветов – флорилегиумы, где на раскрашенных вручную гравюрах с величайшей точностью и искусством были изображены разнообразнейшие цветы и насекомые. Ещё одна книга Марии – Сибиллы была посвящена превращениям гусениц и их питанию.

Между тем, семейная жизнь художницы дала трещину. Мария – Сибилла оставила мужа, вернулась в Дюссельдорф и больше никогда не пользовалась его именем в своих публикациях, подписывая их девичьей фамилией. С двумя дочерьми и овдовевшей матерью она поселилась в западной Фрисландии, где вступила в секту пиетистов, проповедовавших "нравственное самосовершенствование и своего рода христианский пантеизм" [1, С.18]. Проведя пять лет в замке Валта, где обосновалась секта, и обретя душевное равновесие, Мария–Сибилла переехала в Амстердам. В ней снова разгорелась страсть к исследованию жизни насекомых. Внимание художницы привлекли коллекции животных из экзотических стран, находившиеся в домах частных собирателей. Сильное желание самой побывать в дальних странах подтолкнуло её к совершению путешествия в Голландскую Гвиану, или Суринам, получивший название по реке, на которой стоит столица страны – Парамарибо. В конце XVII в. эта колония стала центром производства сахара. Художница с младшей дочерью Доротеей – Марией – Генриеттой отправились в путь летом 1699 года. Позже к ним присоединились старшая дочь Иоганна Мария Елена с мужем, амстердамским купцом. Мария – Сибилла старалась узнать всё, что можно об экзотическом животном и растительном мире Суринама. Рассказывают, что однажды индейцы принесли художнице насекомых, которых она поместила в коробку. Ночью насекомые подняли громкий шум, и она открыла их "темницу", чтобы выпустить наружу. Из коробки вырвался столб света, заставивший Марию – Сибиллу от неожиданности упасть на пол. Оказалось, что индейцы подарили ей ночных светящихся насекомых. [5, Р. 98 – 99]

Мария – Сибилла оставалась в Суринаме до лета 1701 г., пока негативное влияние местного жаркого и влажного климата, а также трудности исследования не заставили её вернуться на родину. Её рисунки и собранные коллекции, сопровождавшиеся ценными наблюдениями и записями, вызвали восторг многих современных учёных. Художница гравировала свои работы и опубликовала их под названием "Метаморфозы суринамских насекомых".

Она также создала большой труд "История насекомых Европы, нарисованных с натуры с пояснениями Марии – Сибиллы Мериан". Эта книга включает в себя трактат о зарождении и метаморфозах насекомых. Она сопровождается изображениями насекомых в привычной им среде.

Мария – Сибилла Мериан умерла в январе 1717 г., не успев выпустить книгу с живописными зарисовками её дочерей, дополнявшими её исследования. Эта книга была опубликована позже отдельным томом [11, Р.204]

В области натюрморта добилась признания француженка Луиза Муаллон (1610 – 1696). Она родилась в Париже в семье художника – портретиста и пейзажиста Никола Муаллона и его жены Мари Жильбер. Супруги были протестантами и имели семь детей. Они жили у моста Нотр Дам. После смерти мужа в 1619 г., мать вторично вышла замуж за художника–жанриста Франсуа Гарнье, который одновременно торговал картинами. С ним Мари Жильбер прижила ещё троих детей. В перечне имущества матери, составленном после её смерти в 1630 г., уже упоминается несколько картин её дочери. В возрасте 30 лет Луиза вступила в брак с торговцем деревом Этьеном Жирардо де Шанкур и родила троих детей. В результате отмены Нантского эдикта один из детей художницы был вынужден перейти в католицизм, а двое других бежали в Лондон. [15] Учитель Луизы Муаллон неизвестен.

Чаще всего художница создавала небольшие картины с тщательно прорисованными немногочисленными предметами. Как правило, это фрукты в корзинке или посуде, стоящие на некрашеном деревянном столе и изображённые на тёмном фоне. Картины отличает большое внимание к передаче осязаемой поверхности предметов и яркий, но не кричащий колорит. Характерной чертой натюрмортов Муаллон являются вертикально поставленные листья или ветки, выходящие за пределы тарелок и корзинки, в которые насыпаны фрукты или ягоды ("Корзина с виноградом и персиками" Государственный музей, Карлсруэ; "Натюрморт с черешней, клубникой и крыжовником" Музей Нортон Симон. Пасадена, Калифорния, США). Художнице также принадлежит несколько больших натюрмортов с человеческими фигурами. Картина "Торговка овощами и фруктами" (Париж, Лувр) изображает продавщицу, демонстрирующую товар покупательнице, с улыбкой приподнимающей виноградные листья, которые покрывают корзинку с абрикосами. Перед женщиной находится изобильный прилавок со сливами, капустой, тыквами разных сортов, виноградом. Поверхность каждого вида овощей и фруктов передана индивидуально и осязаемо, также как и шерсть черно-белой кошки, лежащей в глубине лавки. На картине "Рыночный прилавок" (Частная коллекция) продавщица разгружает товар, принесённый крестьянкой из деревни. Интересно, что хотя персонажи изображены во взаимодействии, мысленно они далеки друг от друга. Лицо продавщицы печально и озабоченно, она даже не смотрит на принимаемый товар, в то время как лицо крестьянки выражает

сосредоточенность, вероятно, на мысли об оплате. "Рыночная сцена с карманником" (Частная коллекция) своеобразно разрабатывает популярный в XVII в. сюжет срезания кошелка воришкой у ничего не подозревающей жертвы. Чаще всего эта сцена в многочисленных вариантах у разных художников изображает неопытного юношу, у которого срезают кошелёк, в то время как его внимание отвлекает цыганка–гадалка и её подруги. В данном случае персонажами сюжета являются женщины. Богатая домохозяйка с корзинкой, из которой торчит баранья нога, с улыбкой выбирает фрукты. При этом напряжённый взгляд торговки обращён вовсе не на неё. Он пересекается со злорадным взглядом пристроившегося позади покупательницы отвратительного оборванца в широкополой шляпе, который занят вытягиванием чужого кошелка. Видимо, торговка и вор находятся в сговоре.

Любой предмет натюрмортов с фигурами Луизы Муаллон, будучи частью большой композиции, в то же время проработан так, что может существовать и отдельно от остального. Картины художницы пользовались заслуженным успехом. Английский король Карл I владел пятью её работами.

Миниатюристка, мастер портрета и натюрморта Джованна Гардзони (1600 – 1670) родилась в Асколи Пичено в семье Джакомо Гардзони и Изабеллы Гайя. Отец её был венецианцем, как и родственники матери, среди которых находились успешные ювелиры и живописцы. Вероятно, первые уроки рисунка и живописи Джованна получила от бабушки или дяди. Ранние её религиозные картины показывают сильное влияние искусства Пальмы Младшего, из чего ряд исследователей делает предположение о том, что художница обучалась у него, а её юность прошла в Венеции. В этом городе в 1625 г. Гардзони создала портрет знатного человека, написанный на пергаменте. Она посещала школу каллиграфии Джакомо Роньи и выполнила серию изображений заглавных букв, украшенных птицами, цветами, фруктами и насекомыми.

В 1630 г. художница с братом Маттио отправились в Неаполь, чтобы устроиться на службу к герцогу Алькала. По дороге они остановились в Риме, где познакомились с знатными и влиятельными людьми – Анной Колонна, женой Таддео Барберини, племянника папы Урбана VIII, и Кассиано дал Поццо – младшим. К последнему Джованна обратилась за помощью, когда они с братом остались без работы после отзыва герцога Алькала в Испанию. Возвратившись в Рим, художница в 1632 г. получила приглашение от герцогини Савойской Кристины Французской прибыть в столицу этого государства – Турин, чтобы работать по заказу двора. Там были созданы многочисленные миниатюры на темы из мифологии, религии, а также портреты членов правящей династии. Джованна оставалась в Турине до смерти герцога Витторио Амедео Савойского в 1637 г. О нескольких последующих годах жизни Гардзони сведения отсутствуют. Исследователи предполагают, что она могла провести их во Франции или Англии, прежде чем нашла новых покровителей – герцо-

гов Медичи из Флоренции. По заказу герцога Фердинандо II Медичи Джованна написала множество изображений ваз с цветами и натюрмортов [12, Р. 110 – 111]. Её работы отличаются виртуозностью в передаче мельчайших деталей и тончайших цветовых градаций. Любимым материалом художницы были акварель и пергамент. Она часто повторяла пользующиеся спросом сюжеты, но всякий раз вносила новые элементы. На границе жанров находится работа Гардзони "Крестьянин из Артемино", написанная для украшения для одной из медичейских вилл, Артемино, построенной Бернардо Буонталенти. Старый крестьянин, словно великан, вырастает из-за горной гряды, смиренно прижимая к груди двух кур и словно приглашая зрителя вдумчиво рассмотреть плоды его трудов: мясо, овощи, фрукты, яйца и битую птицу, расположенные на первом плане под охраной большого добродушного пса.

В 1651 г. Джованна Гардзони окончательно поселилась в Риме, где сблизилась с членами Академии святого Луки. Её натюрморты с цветами, фруктами, насекомыми и животными пользовались таким спросом, что она могла просить за них любую цену. В 1666 г. художница составила завещание, согласно которому обещала передать Академии всё своё имущество при условии, что будет похоронена в академической церкви св. Луки и Мартина. Окружённая уважением и почитанием, Гардзони умерла четыре года спустя [4, Р.54 – 55].

Последовательница Франса Халса, создательница жанровых картин, натюрмортов и портретов, голландка Юдит Лейстер родилась в Харлеме 28 июля 1609 г. в семье Яна Виллемса, владельца пивоваренного завода. Уже 19 лет она была отмечена как известная художница в описании родного города, составленном Сэмюэлем Амписингом. Вскоре после этого Юдит с семьёй переехала в Врееланд возле Утрехта, а затем в Заандам (1629 г.) возле Амстердама. Однако в ноябре 1631 г. девушка снова была в Харлеме и присутствовала на крещении одного из детей известного художника Франса Халса. Никаких данных об учёбе Лейстер у этого прославленного мастера не сохранилось, однако стиль выдаёт в ней наиболее близкую и успешную его последовательницу. Это позволило позже недобросовестным торговцам выдавать за работы Халса её картины. В 1633 г. Юдит стала первой женщиной, которую приняли в местную гильдию Св. Луки. Известно, что в 1633 г. у неё было три ученика [9, Р. 16].

Наиболее характерными для художницы являлись композиции с двумя или тремя фигурами, часто помещёнными на нейтральном фоне. Особенно ей удавалась передача приподнятого настроения или безудержного веселья персонажей. Таковы "Пирующая парочка" (1630 г., Париж, Лувр), "Игра в трик-трак" (1630 г., Музей искусств Ворчестера, Массачусетс). Юдит никогда не писала отвлечённые фигуры. Герои её работ – конкретные лица. К примеру, картина "Концерт" (1633 г., Национальный

музей женского искусства, Вашингтон), по мнению ряда исследователей, включает портреты художницы, её мужа с виолой и неизвестного друга семьи с мандолиной. Некоторые картины не лишены поучительности. Считается, что сюжет "Мальчика и девочки с котёнком и угрём", изображающий мальчика, поймавшего котёнка, подманив его рыбой, и девочку, которая разделяет радость своего товарища, продолжая дразнить животное, дёргая его за хвост, иллюстрирует поговорку: "Тот, кто дразнит кота, будет поцарапан" (то есть: "Тот, кто ищет неприятностей, найдёт их") [10]. Возможно, парными являются картины "Весёлая троица" (Частная коллекция) и "Последняя капля" (Музей искусств Филадельфии). В то время как первая картина изображает компанию трёх подвыпивших юнцов в карнавальных костюмах, над которыми потешаются заглядывающие через дверь зрители сцены, вторая демонстрирует печальные последствия неумеренных возлияний в ночь перед началом Великого поста, когда вместо завершения праздничного веселья некоторые спешат, напротив, не упустить последние разрешённые часы для удовольствий. На второй картине изображены двое молодых людей в растрёпанных карнавальных одеяниях. Один из них размахивает трубкой и оловянной кружкой, приглашая зрителя присоединиться к веселью, в то время как его товарищ присосался к кувшину с вином и не замечает скелета, потряхивающего у него над ухом песочными часами. Тема противостояния соблазну поднимается в картине "Мужчина, предлагающий девушке деньги". Богатый человек в дорогой бобровой шапке предлагает бедной швее поступиться честью за деньги. Однако девушка в белой рубашке и тёмной юбке преисполнена решимости не отвечать ему, и не отрывает глаз от работы. Ноги швеи стоят на грелке, наполненной пыляющими угольями. Действие происходит в бедном помещении с разводами от сырости на стене.

Манера письма Юдит Лейстер изменялась в течение её жизни. В начале творческого пути она находилась под влиянием Франса Халса, затем отдала дань увлечению достижениям в области светотени utrechtских караваджистов ("Серенада". 1629 г. Рейксмузей, Амстердам). В конце карьеры она выработала свой собственный стиль с широким мазком и богатым колоритом ("Юный флейтист" 1635 г., Национальный музей, Стокгольм, "Девочка в соломенной шляпке" 1630 – 1640 гг., Вальграф –Рихардс Музей, Кёльн).

Ранней славе Юдит и расцвету её таланта был определён недолгий срок. 1 июня 1636 г. она вышла замуж за художника Яна Минзе Моленара. Молодая пара сразу оказалась в тяжёлом финансовом положении: как старший сын и наследник, Ян после смерти отца принял на себя обязательство расплатиться с долгами своей матери и родственников, проживающих с ней. Уже 1 ноября суд конфисковал его собственность в пользу двух кредиторов [9, Р. 15]. В 1637 г. супруги переехали в Амстердам, где поселились в доме неподалёку от собора. Несколько лет спустя, благодаря успешной торговле карти-

нами и небольшому наследству Юдит, они переехали в большой дом на Калверсраат с часами на фронтоне, ежегодная аренда которого составляла 450 гульденов [9, Р. 18].

В замужестве художница постепенно оставила собственное творчество. Она посвятила себя детям, из которых младенческий возраст пережили только дочь Елена и сын Константайн, а также ведению дел мужа, чьим полномочным представителем она была [9, Р. 16]. Последние два десятилетия жизни Юдит Лейстер и её муж Яна Минзе Моленара были отмечены ростом долгов, поисками работы и болезнями. В 1648 г. они переехали из Амстердама в деревню Хемстед на юге Харлема, где когда-то прошла их свадьба. Новый расцвет творчества Моленара не изменил их финансового положения. В 1659 г. бедствия супружеской пары достигли высшей точки. Пребывая на одре тяжёлой болезни, супруги составили завещание. Три месяца спустя Юдит умерла [9, Р. 18]. Её творчество быстро забылось и обрело вторую жизнь лишь в 1990–е годы XX века.

Возможность работать в высоких жанрах исторических и религиозных композиций могла дать женщинам-художницам только Италия. И здесь следует, прежде всего, отметить творчество Артемизии Джентилески (1593 – 1656?). Её родителями были художник Орацио Джентилески и Пруденция Монtone. Художественными способностями девочка превзошла своих трёх братьев. Первые уроки рисования Артемизии дал отец. Наиболее ранней датированной картиной художницы является полотно "Сусанна и старцы" (Шлёсс Вайсенштайн, Поммерсфельден), отличающееся блестящим рисунком и мастерским объединением трёх персонажей общностью переживаемых эмоций. В то время как Сусанна, находясь во власти эмоций, совершенно не владеет разумом, один из старцев прикладывает палец ко рту, уговаривая её замолчать. Его сообщник, мгновенно сориентировавшись в ситуации, столь затруднительной для их жертвы, нашёптывает свой гнусный план сообщнику. Тяжесть положения героини состоит в том, что её мучители – люди с виду достойные и благородного происхождения.

Желая помочь дочери усовершенствовать технику, отец попросил дать ей уроки перспективы своего товарища Агостино Тасси. Учёба закончилась скандалом. В 1612 г. учитель был обвинён в изнасиловании ученицы и после долгого разбирательства, во время которого Артемизия давала показания под пыткой, был приговорён к году тюрьмы.

В это период художница создала работу на сюжет, к которому в дальнейшем обратится несколько раз в течение жизни. "Юдифь, отсекающая голову Олоферну" (Национальный музей Каподимонте, Неаполь) поражает неприкрытой жестокостью происходящих событий. Юдифь изображена как героиня, которая вынуждена обстоятельствами стать убийцей вражеского военачальника, чтобы спасти родной город. Она неумело действует ко-

ротким мечом, причиняя своей жертве сильные муки. На лице девушки написано величайшее усилие воли, которое передаётся движению сильных, недрогнувших рук. Сообщницей героини является служанка, в которую инстинктивно вцепилась жертва. Её лицо также решительно и выражает осознание своей правоты. Картина написана под влиянием творчества Караваджо. Её сюжет был одним из популярнейших в эпоху итальянского барокко.

Благодаря связям семьи, Артемизию удалось выдать замуж за флорентийского художника Пьетро Антонио ди Винченцо Стиаттези, после чего она уехала на родину мужа. Во Флоренции жил и её дядя – художник Аурелио Ломи. Вскоре на новом месте покровителями художницы стали Микеланджело Буонарроти Младший (по его заказу она создала картину "Аллегория склонности") и великий герцог Козимо II. В 1616 г. Артемизия стала первой женщиной, которую приняли в флорентийскую Академию рисунка. В этот период она создала несколько работ с изображением крупных фигур в караваджистской манере, для которых характерно резкое противопоставление героинь в ярких одеждах глубокому чёрному фону за их спинами. В картине "Святая Екатерина" (1620 г., галерея Уффици, Флоренция) художницу занимает передача глубоко переживаемых религиозных чувств, которым предаётся святая, опираясь на колесо – символ своего мученичества. "Юдифь и её служанка с головой Олоферна" (1614 – 1620 гг., галерея Палатина, Флоренция), написанная, вероятно, по заказу герцога Козимо II, показывает двух женщин на обратном пути после совершения подвига. Окликнутые невидимым для нас свидетелем их возвращения, женщины обернулись назад. Они всё ещё находятся под впечатлением произошедших событий, но, видимо, неизвестный свидетель не представляет для них опасности: служанка стягивает тряпку с корзины, чтобы показать ему отрубленную голову врага. Артемизия также снова повторяет сюжет отсекования Юдифью головы Олоферна, но придаёт сцене большую цветовую насыщенность, фигурам героини и её служанки – большую уверенность и силу, дополняет сюжет струями крови, плещущими из рассеченной шеи врага.

В 1621 г. художница с мужем и дочерью вернулась в Рим. Согласно переписи населения 1623 г., она была уже единственной главой своего домохозяйства. К этому периоду относится ещё одна картина с Юдифью и служанкой, которые замерли над головой поверженного Олоферна и прислушиваются, не привлёк ли кого шум совершённого ими деяния. Интересным и сложным является решение показать сцену, освещённую светом мерцающей свечи (Институт искусств Детройта, Мичиган, США). Известно, что Артемизия писала портреты. До наших дней сохранился лишь один "Портрет кондотьера" (1622 г., Палаццо Аккуризи, Болонья).

Исследователи предполагают, что художница могла совершить поездку в Геную, чтобы помогать в живописных работах своему отцу. В 1627 г. она побывала в Венеции. Под влиянием венецианской живописи была создана картина "Венера и Купидон" (Виргинский музей изящных искусств, США). В ней Джентилески отходит от тра-

диций караваджизма. Великолепная обнажённая фигура богини изображена лежащей на пышной постели в погруженной в мягкий полумрак спальне, отделанной по моде XVII в. Маленький Купидон обмахивает её веером из павлиньих перьев. На губах Венеры играет лёгкая улыбка. Её волосы тщательно уложены. В уши вдеты маленькие каплеобразные жемчужные серьги. Отодвинутый полог кровати делает зрителя случайным свидетелем сцены, полной явного эротизма.

Позже Артемизия переезжает в Неаполь, где её покровителями становятся испанский вице – король герцог Алькала, римский коллекционер Кассиано дал Поццо и позже дон Антонио Руффо родом из Сицилии. Художница совершает поездки в Англию, чтобы помочь своему отцу в росписях домика королевы в Гринвиче (1638 – 1641 гг.). После его смерти в 1639 г. она одна продолжает работу, но покидает Англию из-за ухудшения политической обстановки. В Неаполе в живописи художницы начинает ощущаться всё более растущее влияние классического болонского стиля. В 1630-х гг. в сотрудничестве с Массимо Станционе и Паоло Финьоло Артемизия работает над циклом, посвящённом Иоанну Евангелисту и картинами для хоров собора Поццоли. Конец её жизни неясен. Вероятно, она умерла от чумы во время эпидемии 1656 года. [6, P. 163 – 165].

Элизабетта Сирани (1638 – 1665) родилась в городе, обстановка которого была наиболее благоприятна для женского творчества. В Болонье было много профессиональных женщин-художниц. Отец её, знаменитый болонский художник Джованни Андреа Сирани, имел трёх дочерей, унаследовавших художественные способности, и одного сына, который посвятил себя медицине. Элизабетта была старшей из детей и наиболее талантливой. Уже в 17 лет она написала отмеченные профессионализмом портреты матери и подруги – художницы Джованны Кантофоли, а в 18 лет создала для маркизы Мантуи картину, изображающую распятие 10000 мучеников, которая украсила собор города. Всего за свою недолгую жизнь Элизабетта создала около 200 картин на религиозные, исторические, мифологические сюжеты, портреты, гравюры. Её любимым художником и образцом для подражания был Гвидо Рени. Современников поражала лёгкость, с которой Элизабетта набрасывала композиции, утончённая и одухотворённая манера исполнения, уверенность при создании больших картин и скорость, с которой она заканчивала заказы. Неоднократно именитые гости посещали мастерскую Сирани, чтобы лично убедиться в её мастерстве и посмотреть на признанную при жизни чудом природы девушку. Среди них были герцог Козимо Медичи, Альфонсо Гонзага, герцог Брейзахский, сын вице-короля Богемии, герцог де Лорэн и принцесса Брунsvикская [14, P.5–9].

Элизабетта Сирани успешно выполняла многофигурные композиции ("Святое семейство со святой Елизаветой и Иоанном Крестителем", Национальный музей женщин в искусстве, Вашингтон, "Набросок с крещением Христа", Графический кабинет Альбертина, Вена), отли-

чающиеся гармоничным и согласованным объединением персонажей вокруг общего действия. Она затрагивала и модную тему Юдифи с головой Олоферна. В версии Сираны (Лэйквью Музей искусств и науки, Пеория) Юдифь предстаёт на высоком помосте перед народом, которому должна предъявить голову вражеского военачальника. Вытаскивая из мешка свою страшную ношу, героиня повернулась спиной к горожанам и лицом к зрителям, готовясь резко развернуться и поднять голову Олоферна, чтобы её увидели все. На её лице нет торжества, только спокойная уверенность и усталость. В то время как во взглядах двух мальчиков, которые держат факелы, написано жадное любопытство, служанка, стаскивающая мешок с головы, скорее, сосредоточенно печальна. Действие разворачивается на фоне сказочно-прекрасной южной ночи со звёздами и тонким месяцем. Часто в творчестве художницы встречаются однофигурные композиции аллегорических, священных или исторических персонажей. Великолепна её композиция "Порция, ранящая себя в ногу" (1664, Стефен Воррен Майлз и Мэрилин Росс Майлз Фоундайшен, Хьюстон), которая изображает дочь Катона Утического, жену Брута. Когда её муж вступил в заговор против Юлия Цезаря, то решил скрыть это от жены. Тогда Порция решила доказать, что сможет хранить тайну и нанесла себе глубокую рану. Брут возблагодарил богов, что имеет такую решительную жену и, рассказав ей всё, получил полную поддержку супруги. В версии Сираны действие переносится из Древнего Рима в современность. Порция – прекрасная дама в алом платье с золотой перевязью и замысловатой причёской, которая не отвлекает от яркого выразительного лица. Вынув кинжал из раны, она задумчиво смотрит на струящуюся кровь, прислушиваясь к своим внутренним ощущение-

ниям. В раскрытой двери комнаты виднеется группа женщин, занятых разговором и не подозревающих, что происходит в полумраке соседнего с ними помещения.

В основе творчества художницы лежит принцип прекрасного. Черты лиц и фигуры её персонажей идеальны с точки зрения своего времени, однако они индивидуальны. Наряду с принципами болонского академизма художница опиралась на жизненные наблюдения, которые позволили ей придать естественность движениям и убедительность душевным переживаниям её героев.

Элизабетта Сираны умерла в результате болезни желудка, окончившейся острым приступом со смертельным исходом. При вскрытии была обнаружена прободная язва и поражение внутренностей, которое врачи объявили результатом отравления. Проводившееся по делу расследование не привело ни к каким результатам. Современные исследователи высказывают предположение, что здоровье художницы было подорвано непрерывным трудом, вызванным необходимостью содержать больных родителей и младших сестёр и брата. В знак признания своих заслуг она была похоронена в церкви Сан Доменико в одной могиле с Гвидо Рени. Художница оставила после себя учениц. Это, прежде всего, её сестры Барбара и Анна, а также Джиневра Кантофоли, Вероника Франки и Винченция Фаббри [13, Р. 74 – 76].

Реалии XVII века, в течение которого всё более укреплялись ростки капитализма в Европе, привели к расширению возможностей самовыражения и заработка для женщин, выхода за привычные рамки прежних ролей монахини, жены и матери.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисовская Н. Мария–Сибилла Мериан. // 1992. Сто памятных дат. М.: Советский художник, 1991.
2. Спиноза Б. Богословско–политический трактат. // Избранные произведения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1957.
3. Ларошфуко Ф. де, Паскаль Б., Лабрюйер Ж. де. Суждения и афоризмы. М.: Издательство политической литературы, 1990.
4. Carducci Giambattista. Su le memorie ei monumenti di Ascoli. Fermo: Saverio Del–Monte editore, 1855.
5. Ellet Elisabeth Fries. Women artists all ages and countries. London: Richard Bentley, New Burlington Street, 1859.
6. Encyclopedia of women in the Renaissance: Italy, France and England. / Diana Mayry Robin, Ann Larsen, Carole Levin. – ABC – Clio, 2007.
7. Extrait des differens ouvrages publies sur la vie des peintres, par M.P.D.L.F. Tome second. – Paris, Chez Ruault, Libraire, rue de la Harp.M. DCCLXXVI.
8. Fortune Jane. Invisible women. TheFlorentinePress, 2010.
9. Jan Miense Molenaer: painter of the Dutch golden age. / Dennis P. Weller, Cynthia von Jogendorf Rupprath, Mariet Vestermann. North Carolina Museum of Art, Indianapolis Museum of Art – Columbus Gallery. Hudson Hills, 2002.
10. Judith Leyster. A Boy and a Girl with a Cat and an Eel. <http://www.nationalgallery.org.uk/paintings/judith-leyster-a-boy-and-a-girl-with-a-cat-and-an-eel>
11. La vie des peintres flamands, allemands et hollandais avec des portraits par J.B. Descamps. Tome troisieme. Paris, MDCLX.
12. Levati Ambrogio. Disionario biografico cronologico deviso per classi degli uomini illustri. Classe V. Donne illustri. Volume II. Milano: Nicolo Bettoni, MDCCCXXII.
13. Malvasia Carlo Cesare, Luigi Crespi. Felsina pittrice. Vite de' pittori bolognesi. Tomo terzo. Roma: nella stamperia di Marco Pagliarini, MDCCCLXIX.
14. Toselli Ottavio Mazzoni. Di Elisabetta Sirani pittrice Bolognese e del supposto veneficio onde credesi morta nell' anno XXVII di sua eta. – Bologna: tipografia del Genio, 1833.
15. Segal, Sam. Louise Moillon. // http://www.museothyssen.org/thyssen/ficha_artista/409

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ РАЗВИТИЮ ПЕДАГОГОВ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В УСЛОВИЯХ

CONCEPT APPROACHES TO PROFESSIONAL DEVELOPMENT OF HIGH SCHOOL TEACHERS IN CONDITIONS OF RISK

L. Gorelova

Annotation

The article reveals the analyses of some modern concept approaches to professional development of high school teachers in conditions of risk.

Keywords: Professional development, risks, innovations.

Горелова Лариса Анатольевна

к.п.н., старший преподаватель,

Саратовский государственный

университет им. Н.Г.Чернышевского

Аннотация

Данная статья представляет собой анализ некоторых современных концептуальных подходов к профессиональному развитию педагогов в условиях рисков.

Ключевые слова:

Профессиональное развитие, риски, инновации.

С конца XX века в сферу гуманитарных исследований все более распространяется понятие риска. В контексте педагогической науки рискология относительно новое направление, изучающее поведенческие аспекты профессионального труда педагога, сущность педагогического риска как социально-экономического и психологического явления, а также общие закономерности и специфику педагогической деятельности в ситуации неизбежного выбора. И.Г. Абрамова отмечает, что риск в педагогической деятельности есть ответ на актуальную потребность в разрешении противоречий при неясном (альтернативном) развитии противоположных тенденций в конкретных педагогических условиях. [1]

По многим объективным и субъективным причинам современный педагог просто немислим без инновационной, исследовательской деятельности, работы по саморазвитию и самосовершенствованию. За последние 20 лет отечественная образовательная среда испытала на себе множество подходов к профессиональному развитию и повышению квалификации педагогов высшей школы. К сожалению лишь некоторые из них были по-настоящему результативны. Многие зарубежные и отечественные исследователи инновационных педагогических процессов пришли к выводу о том, что основной проблемой, с которой сталкиваются учебные заведения, является не сопротивление инновациям, а фрагментация, переагрузка и несогласованность в действиях педагогических коллективов, что является следствием слепого принятия различных нововведений. Большой проблемой остается и тот факт, простое копирование даже самого передового опыта практически невозможно без адаптации его к конкретным условиям образовательной среды. Сложившаяся ситуация в системе высшего профессионального образования может быть расценена как ситуа-

ция риска. В связи с этим подготовка кадров к осуществлению инновационной педагогической деятельности в условиях риска является актуальной проблемой современной образовательной системы, поскольку еще ни один вуз России не начал целенаправленную подготовку педагогических кадров к применению инноваций в профессиональной деятельности. По нашему мнению, правильно организованный процесс повышения квалификации педагогов высшей школы поможет в решении данной проблемы.

Данная статья представляет собой анализ некоторых современных концептуальных подходов к профессиональному развитию педагогов в условиях рисков.

По мнению ряда зарубежных ученых для эффективности процесса профессионального развития педагогов необходимо учитывать следующие принципы:

◆ **Добровольности**

Процесс повышения преподавательской компетенции будет эффективным в том случае, когда инициатива будет исходить от самих сотрудников педагогического коллектива, а не от вышестоящих лиц. Если же указания исходят свыше, то теряется ответственность за процесс, его положительную динамику.

◆ **Взаимного уважения**

Очень важно, чтобы в ходе процесса профессионального развития педагог чувствовал атмосферу взаимного уважения. Эффективность процесса достигается в тех случаях, когда можно производить обмен информацией, не боясь критики со стороны коллег и руководящих органов.

◆ **Рефлексии (обратная связь)**

Перспективы профессионального развития должны

быть неотделимы от практики. Это необходимо для того, чтобы была возможность подумать о целесообразности применения тех или иных инноваций, их достаточной адаптации под реальные условия образовательной среды и возможности изменения алгоритмов их применения при необходимости.

◆ **Мотивации**

Единообразный подход к программе профессионального развития может привести к потере преподавательской индивидуальности и, следовательно, к отрицательным результатам их профессионального роста. Если же педагогам будет предоставлена возможность активного участия в разработке и воплощении педагогических идей в жизнь, результаты будут иными.[2]

Зачастую эти принципы не принимаются во внимания при организации курсов повышения квалификации педагогов в нашей стране. Как правило, большинство из них проводятся в форме лекций, в ходе которых преподаватели не имеют возможности активного участия в обсуждении спорных и неоднозначных вопросов. Принцип добровольности так же игнорируется, поскольку в редком случае посещение различных семинаров и открытых уроков является личной инициативой педагогов, чаще всего это указание "сверху".

Как показывает практика, преподавателей, активно участвующих в программах профессионального развития, можно условно разделить на три типа.

Первый тип – целеустремлённые личности, использующие образование для достижения определенных целей, продолжающие образования в той области, которая отвечает новым потребностям их профессиональной деятельности. Второй тип – деятельные активисты, склонные экспериментировать, выполнять коммуникативные задания, получая удовольствие от деятельности. Наконец, третий тип – прагматики, отдающие предпочтение практическим заданиям. Представители третьего типа – специалисты, работающие в образовании достаточно долгий период времени и не намеренные ее оставлять.

Существует несколько этапов профессионального развития педагога. Зарубежные исследователи указывают на тот факт, что учет этих этапов помогает эффективнее организовать программы или курсы повышения квалификации. Остановимся на них подробнее.

Всего выделяют пять этапов, на протяжении которых происходит профессиональное развитие педагога.[3]

◆ **Поиск и стабилизация**

Это начало профессиональной деятельности преподавателя, на котором он сталкивается с проблемами поиска новых путей развития и стабилизации. Теоретические знания, полученные в ходе педагогического образования, так же как и знания, полученные в ходе исследований, вступают в противоречие с действительной учебной средой. Педагоги должны искать баланс и добиваться стабильности, стремиться выработать вспомогательные средства для того, чтобы противостоять многочисленным проблемам которые возникают в процессе взаимодействия с учащимися и руководством. В основном на данном этапе педагоги концентрируют свое внимание на по-

лучении квалификации, а обучении студентов уходит второй план. Однако, как только преподаватели находят средства, которые помогут им справиться с проблемами, возникающими в учебной среде, они переходят на второй этап.

◆ **Обязательство**

Как только педагоги поймут, что можно ожидать от учебной среды, они начнут направлять свою деятельность на улучшение уровня обучения студентов. Главная задача, которую предстоит решить на данном этапе, заключается в обеспечении должного уровня преподавания, которое приведёт к качественному обучению.

◆ **Расширение сферы деятельности и переломный период**

На третьем этапе перед педагогами встаёт вопрос об их роли. Именно в этот период большинство преподавателей задумывается о своём карьерном росте или о прекращении преподавательской деятельности. Такой переломный период в профессиональном развитии носит название кризиса идентичности. Преподаватели должны задать себе вопрос о том, хотят ли они продолжить свою деятельность или нет. Следовательно, на данном этапе особенно важно оказывать поддержку тем, кто испытывает эти противоречивые чувства.

◆ **Дистанцирование**

Четвёртый этап профессионального развития может выражаться одной из двух форм. Если педагоги довольны сделанным выбором профессиональной деятельности, они могут на нём остановиться, и с новыми силами приступить к совершенствованию процесса обучения. Однако если по каким-либо причинам преподавателям не удалось воплотить в жизнь свои идеи, может наступить период дистанцирования от процесса образования. В этом случае педагоги могут лишь соблюдать определённые правила преподавания, но никоим образом не способствовать улучшению обучения студентов. Преподаватели, дистанцированные от процесса обучения нуждаются в определённом стимулировании, которое поможет им переосмыслить их деятельность.

◆ **Консерватизм или приверженность к любимой профессии**

Наконец, на заключительном этапе профессиональной деятельности педагогов, перед выходом на пенсию, также может настать один из двух переломных периодов. Некоторые педагоги со временем становятся чрезвычайно консервативными, тем самым, закрепляя определённые модели преподавательской деятельности. Это может быть приемлемо для них, но не эффективно для процесса обучения. Другие педагоги с сожалением относятся к тому факту, что им придётся уйти на пенсию. И такие преподаватели по-прежнему испытывают радость от своей деятельности, что может стать мощным стимулом в рамках процесса образования.

В своих работах такие ученые как Фурлонг и Мейнард выдвинули идею о том, что к профессиональному развитию педагогов, проходящему различные этапы, можно применять разнообразные подходы [4]. Например, учё-

ные предлагают применять подход, предполагающий обучение начинающих педагогов у других высококвалифицированных специалистов, на первых этапах профессиональной деятельности, или до тех пор, пока не будет выработан индивидуальный стиль преподавания. Данный подход позволяет разрабатывать концепции и механизмы преподавания и обучения, а так же позволяет педагогам понять методику действий. Однако одним из возможных минусов данного подхода является то, что модели преподавания могут быть дублированы, что делает невозможным создание собственного стиля.

Для преодоления педагогами стадии отсутствия видимого прогресса Фурлонг и Мейнард рекомендуют применять подход, основанный на способности личности к опеределённой деятельности в процессе профессионального развития. Данный подход помогает преподавателям установить краткосрочные и долгосрочные перспективы роста в отношении технической стороны профессиональной деятельности. Например, включать новые технические навыки к уже имеющимся способностям. Данный подход позволяет педагогам понять порядок действий. Однако скрытой опасностью является то, что учителей, которые не в силах работать на необходимом уровне, может постигнуть разочарование, в частности, если они не применяют обязательные модели поведения в образовательном процессе.

Фурлонг и Мейнард предложили также третий подход к профессиональному развитию, основанному на процессе мыслительной деятельности. Шонн подразумевает под этим навыки рефлексии "о" действии и рефлексии "для" действия, т.е. способности думать на ходу, реагируя на неординарные ситуации, и обретая новые навыки. В этом подходе акцент делается на то, что навыки рефлексии не должны относиться к поздним периодам профессионального развития, они должны быть компонентами всех этапов.[5]

Таким образом, если мы определяем, что рефлексия является важной составляющей обучения, которая приводит в действие этот механизм, то, разумеется, он должен присутствовать в каждом этапе развития профессиональной деятельности.

Одной из моделей профессионального развития педагогов является тематическое исследование.

По словам Козна и Маниона, исследовательская деятельность это небольшое по масштабам вмешательство в функционирование мира и пристальное изучение последствий такого вмешательства. После проведения исследовательской деятельности педагоги формально ставят перед собой опросы о тех проблемах, с которыми они сталкивались, уточняют вопросы с учётом ограничений специфики преподавательской деятельности. [6]

Нельзя недооценивать важность постановки правильного вопроса Нолан и Ховер пришли к выводу, что существует пять ключевых вопросов

- ◆ Что я делаю?
- ◆ Почему я делаю это таким бразом?
- ◆ Какое это оказывает влияние на учащихся?
- ◆ Могу ли я сделать что-то иначе?
- ◆ Если я сделал что-то иначе, какое влияние это окажет на учащихся? [7]

Таким образом, тематическое исследование подходит для педагогов, которые находятся в поиске своей роли в профессиональной деятельности. Также результаты исследовательской деятельности могут помочь преподавателям понять, какое влияние их действия оказывают на учащихся и переосмыслить их профессиональные интересы.

Существует множество моделей профессионального развития преподавательского состава высшей школы. Среди них можно отметить совместные исследовательские группы, коллегиальный коучинг, индивидуальный план профессионального роста и множество других. Можно обращаться к зарубежному опыту или создавать что-то свое в вопросе повышения профессионализма педагогических кадров, но, прежде всего, мы должны занять активные позиции в процессе нашего профессионального развития и ориентироваться на повышение эффективности обучения в современных условиях образовательных рисков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова И.Г. Риск в профессии учителя. СПб.: Образование, 1994. 56 с.
2. Coleman, J.S., E.Campbell, C.Hobson, J. Mc.Partland, A.Mood, F.Weinfeld, and R.York. 1966. Equality of educational opportunity. Washington, D.C.: U.S.Government Printing Office.
3. Walberg, H. and S.Paik. 2000. Effective educational practices. Geneva,IBF/UNESCO.
4. Furlong, J. And T.Maynard. 1995. Mentoring student teachers: the growth of professional knowledge. London: Routledge.
5. Schon, D. 1983. The reflective practitioner: How professionals think in action. New York: Basic Books.
6. Cohen, L. and K. Manion. 2000 Action research. London: Routledge-Falmer.
7. Nolan, J. and L. Hoover. In press. Teacher supervision and evaluation: Theory into practice. New York: John Wiley and Sons

РЕАЛИЗАЦИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-МАТЕМАТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ

IMPLEMENTATION OF THE FORMATION
OF INFORMATION AND MATHEMATICAL
COMPETENCE PROFESSIONAL
FUTURE ECONOMIC PROFILE

A. Kuzmina

Annotation

Prospects for sustainable economic development of Russia will depend on many factors, including those from personnel, able to solve fundamentally new problems, defined by the new technological order, the information society, innovative forms of economic activity. To do this, students of economic universities should receive an education that takes into account the prospects of development of society, which will allow them to be competitive and ready to adapt and self-development.

Keywords: implementation, mathematical competence, economics, expert, profile, student.

Кузьмина Альбина Васильевна

Аспирант кафедры социальной и педагогической информатики Российского государственного социального университета

Аннотация

Перспективы устойчивого экономического развития РФ зависят от многих факторов, в том числе и от кадров, способных решать принципиально новые задачи, определяемые новыми технологическими укладами, информационным обществом, инновационными формами экономической деятельности. Для этого студенты экономических вузов должны получить образование, учитывающее перспективы развития общества, которое позволит им быть конкурентоспособными, готовыми к адаптации и саморазвитию.

Ключевые слова:

реализация, математическая компетенция, экономика, специалист, профиль, студент.

Как показал анализ научных источников (А.С. Белкин, Э.Ф. Зеер, А.В. Хуторской и другие), основу профессионализма личности составляет компетенция. По мнению Э.Ф. Зеера, компетенция – способность и готовность применить (мобилизовать) знания, умения, опыт при решении профессиональных задач в различных областях [4, с. 15].

Подготовка в области математики, информационной технологии, математического и компьютерного моделирования экономических систем является одним из важных элементов в системе высшего профессионального образования студентов специальностей экономического профиля. В ФГОС ВПО нового поколения по направлению подготовки 080100 "Экономика" основные требования, предъявляемые к результатам освоения образовательной программы в вузе, содержатся в виде компетенций по видам деятельности, среди которых одну из ведущих позиций занимает профессионально-прикладная информационно-математическая компетенция экономиста в области компьютерного моделирования экономических систем и процессов принятия рациональных решений в экономике.

Реализация формирования информационно-математической компетенции будущих специалистов экономического профиля будет обеспечена, если:

- ◆ определены педагогические и дидактические условия формирования информационно-математической компетенции будущих специалистов экономического профиля;

- ◆ обеспечено поэтапное формирование информационно-математической компетенции;

- ◆ выявлены критерии и показатели эффективности формирования информационно-математической компетенции.

Попытаемся определить информационно-математическую компетенцию в процессе обучения дисциплины "Компьютерные модели в экономике", т.к. роль математических методов в современном мире трудно переоценить. Следует отметить, что учебные курсы, в рамках которых в той или иной мере изучается компьютерное моделирование, имеют в своей основе именно ту методологическую составляющую, которая в сочетании с элементами математики позволит дать будущим специалистам фундаментальные основы знаний, необходимые для профессиональной готовности. В свою очередь, изучение дисциплины "Компьютерные модели в экономике" позволяет организовать учебный процесс так, что совокупность полученных знаний, умений и навыков способствует формированию профессионально востребованных теоретических, практических и личностных качеств будущего специалиста, обеспечивающих способность выполнять профессиональные функции в экономической сфере и готовность реализовать их в практической деятельности.

Таким образом, формируемая в обучении информатике, ИКТ информационная компетенция должна быть дополнена такими качествами личности студента, которые обеспечивали бы его готовность применять компьютерные технологии при построении моделей производственно-экономических процессов и систем.

Развитие информационно-математической компетенции экономиста осуществляется в основном через

содержание предмета и профессиональные умения, формируемые в процессе овладения предметом. Итак, к педагогическим условиям формирования информационно-математической компетенции студентов экономического профиля относятся:

- ◆ внесение изменений в учебный лекционный курс по дисциплине "Компьютерные модели в экономике";
- ◆ разработка экономически-ориентированных задач (рассматривать примеры, тесно связанные с соответствующими программами курса и составлять упражнения, наполненные экономическим содержанием, чтобы показать возможность и целесообразность использования математического аппарата в актуальных экономических исследованиях);
- ◆ организация внеаудиторной и исследовательской работы студентов (работа в студенческом научном кружке, участие в научно-практических конференциях и т. д.);
- ◆ внесение дополнений в производственную практику, где студенты могут использовать математические методы моделирования.

Нами была определена целостная система дидактических условий эффективного формирования информационно-математической компетенции, которые формулируются в виде следующих основных положений: структурирование учебного материала; обеспечение межпредметных связей; внедрение современных технологий обучения.

Проблема структурирования учебного материала и представления его в доступном виде является очень актуальной и занимает одно из центральных мест в современной дидактике. Суть процесса структурирования состоит в том, чтобы выявить систему смысловых связей между учебными вопросами и их элементами, после чего следует расположить учебный материал в последовательности, которая вытекает из этой системы связей. Результаты работы можно отразить в наглядной форме – в виде связей таблиц учебной информации.

Межпредметные связи играют важную роль в повышении практической и научно-теоретической подготовке студентов. С помощью разносторонних межпредметных связей на качественно новом уровне решаются задачи обучения и развития, а также закладывается фундамент для комплексного решения сложных проблем в практической деятельности. Средства реализации межпредметных связей в процессе обучения разнообразны. К ним относятся: вопросы, задания, тесты, познавательные задачи, учебные проблемы межпредметного содержания.

Требования современного информационного общества к своим членам заключается, прежде всего, в знании ИКТ и умении их применять. ИКТ в обучении являются рациональным средством развития способностей студентов, а их использование в учебном процессе дает такие преимущества, как повышение уровня и качества подготовки студентов.

Таким образом, применение комплекса определенных дидактических условий в профессиональной подготовке студентов экономического профиля вузов способствует формированию и развитию информационно-математической компетенции.

Более высокий уровень информатизации производственной сферы требует от специалиста экономического профиля исследования математических моделей, проведения математических расчетов на базе отраслевых пакетов прикладных программ, выбор которых определяется социально-экономической политикой этих предприятий. Поэтому необходимо, чтобы выпускник вуза – специалист экономического профиля был способен и имел опыт использования прикладных программ для эффективного применения математических знаний в решении профессиональных задач. Интеграция математических методов и информационных технологий развивает навыки математического моделирования, необходимые в профессиональной деятельности и при изучении других дисциплин.

В ходе педагогического эксперимента при проведении учебной практики по дисциплине "Компьютерные модели в экономике" с целью проверки фактора соответствия сформированных у студентов знаний, а также умений и навыков проводилась промежуточная аттестация студентов контрольной и экспериментальной групп с помощью контрольных работ. Были получены следующие результаты сформированности профессионально-прикладной информационно-математической компетенции студентов, по итогам которой были рассчитаны средние баллы их успеваемости (таблица 1).

Этапы контроля	Средние баллы промежуточной аттестации (КГ)	Средние баллы промежуточной аттестации (ЭГ)
1	3,48	4,09
2	3,57	4,25
3	3,59	4,31
4	3,63	4,4
5	3,68	4,49

Задания в тестах и контрольных работах были разноуровневые, и оценивались от 1 до 5 баллов. Большинство из студентов контрольной группы умеет решать профессиональные задачи по изученному ранее образцу и с применением именно тех программных продуктов, которые были изучены в вузе. Студенты экспериментальной группы стараются находить оптимальное решение, выбирают для этого подходящее программное обеспечение или осваивают новое программное обеспечение.

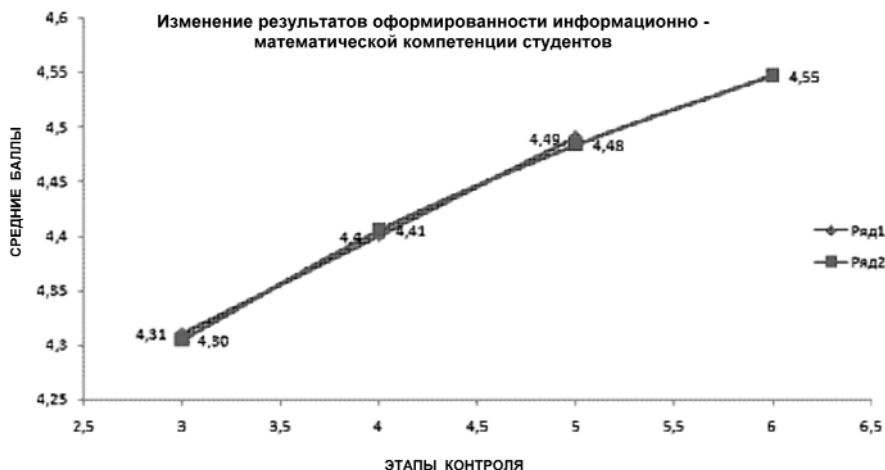
Для оценки параметров эксперимента в педагогике применяется нулевая гипотеза. В качестве нулевой гипотезы Н₀ было выдвинуто предложение, что уровень сформированности данной компетенции не повысился после применения разработанной автором модели и методики процесса формирования в вузе профессионально-прикладной информационно-математической компетенции в процессе изучения дисциплины "Компьютерные модели в экономике". Противоположная гипотеза Н₁ была сформулирована в виде: комплексное применение разработанной автором технологии в процессе изучения дисциплины "Компьютерные модели в экономике" способствуют повышению уровня сформированности про-

фессионально-прикладной информационно-математической компетенции студентов специальностей экономического профиля. В ходе проверки подтвердилась справедливость гипотезы H1. Увеличение величин сформированности профессионально-прикладной информационно-математической компетенции достигнуто именно за счёт целенаправленного формирования компетенций с помощью модели и методики автора, что подтверждается проверкой этой статистической гипотезы с помощью критерия Стьюдента.

Полученные статистические данные рассматривают-

ся как временные ряды, для обработки которых было использовано математическое моделирование на основе компьютерных технологий. На основании данных эксперимента построена математическая модель зависимости средних баллов промежуточной аттестации знаний студентов от применения разработанной автором модели и методики организации процесса изучения дисциплины "Компьютерные модели в экономике" графики сформированности профессионально-прикладной информационно-математической компетенции и прогноз на очередной период (рис. 1).

Рис.1 Изменение результатов сформированности информационно-математической компетенции студентов. (Ряд1 – исходные данные промежуточной аттестации; Ряд2 – построенная математическая модель).

Качество математической модели подтверждается:
 – коэффициентом линейной корреляции $r_{xy}=0,997$, означающим наличие очень тесной зависимости средних баллов промежуточной аттестации от применения разработанных автором модели и методики процесса изучения дисциплины "Компьютерные модели в экономике";
 – коэффициентом детерминации R^2 означающим, что вариация результата на 99,4% объясняется вариацией использования данных модели и методики (процент необъяснимой части дисперсии составляет 0,6%).

Из таблицы 1 видно, что показатели в экспериментальной группе на 16,67% выше, чем в обычной группе.

Эти данные позволяют говорить о том, что была достигнута основная цель эксперимента формирования информационно-математической компетенции студентов экономического профиля вузов – подтверждена эффективность разработанной нами технологии формирования информационно-математической компетенции студентов экономического профиля вузов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байденко В.И. Компетентностный подход к проектированию государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования: Метод. пособие. – М., 2005.
2. Валиханова О.А. Формирование информационно-математической компетентности студентов инженерных вузов в обучении математике с использованием комплекса прикладных задач: Дис. ... канд. пед. наук. Красноярск, 2008.
3. Евладова, Н.В. Интеграция программно-технических средств в систему профессиональной подготовки студентов как условие формирования информационной компетентности / Н.В. Евладова // Модернизация системы профессионального образования на основе регулируемого эволюционирования: Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции: В 7 ч – Челябинск: Изд-во "Образование", 2005. – Ч 3 – С. 205–209.
4. Зеер Э.Ф. Психология личностно-ориентированного профессионального образования. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. проф.-пед. ун-та, 2000. 258 с.
5. Палеева М.Л. Опыт развития математической компетентности студентов технических специальностей // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2009. – N 10 (88). С. 40–42.
6. Равен Дж. Компетентность в современном обществе: выявление, развитие и реализация / Пер. с англ. – М., "Когито-Центр", 2002. – 396 с.
7. Соколова И.В., Иванченко Д. А. Подготовка и профессиональная деятельность учителей и преподавателей информатики: компетентностный подход: монография // – М.: Изд-во РГСУ, 2010. – 212 с.

РОЛЬ МОТИВАЦИОННО-ПОТРЕБНОСТНОЙ СФЕРЫ В РАЗВИТИИ СПОРТИВНОЙ КАРЬЕРЫ

THE ROLE OF NEED-MOTIVATIONAL SPHERE IN THE DEVELOPMENT OF SPORTS CAREER

E. Maksachuk

Annotation

The personality of the young athletes passes through a stage of self-determination, and a training process should help to create all necessary conditions. Need-motivational sphere, especially at the initial stage of training, a reserve, by that an athlete can achieve a higher level of skill. Conducted in December 2011, Sociological research helped to identify some components of the athletic career that will steadfastly sustain a difficult way of formation a sport.

Keywords: sports career, the young athletes, need-motivational sphere, the value of sports culture, the conditions need-motivational sphere.

Максачук Екатерина Павловна

*к.п.н., Московская государственная академия
физической культуры и спорта,
Московская область, Раменский район*

Аннотация

Личность юного спортсмена проходит стадию самоопределения, и учебно-тренировочный процесс должен помогать этому, создавая все необходимые условия. Мотивационно-потребностная сфера, особенно на начальном этапе подготовки, является резервом, за счет которого спортсмен может выйти на более высокий уровень мастерства. Проведенное в декабре 2011 года социологическое исследование помогло выявить некоторые составляющие спортивной карьеры, которые помогут стойко выдержать непростой путь становления в спорте.

Ключевые слова:

спортивная карьера, юные спортсмены, мотивационно-потребностная сфера, ценности спортивной культуры, условия потребностно-мотивационной сферы.

Спортивная карьера представляет собой многолетнюю деятельность, нацеленную на высокие спортивные достижения и связанную с постоянным самосовершенствованием человека в одном или нескольких видах спорта. Формирование личности претерпевает целый ряд ступеней биологического и социального развития. Изучение потребностей и мотивов, лежащих в основе спортивной деятельности, позволяет понять, почему формируется тот или иной тип личности, который определяет ее деятельность и поведение.

Многие исследователи отмечают, что мотивационно-потребностная сфера составляет ядро личности, т. к. именно мотивы и потребности детерминируют поведение и деятельность индивида.

Осью самосознания личности выступают ценности физической культуры, определяя ее мировоззрение, социальную устойчивость, мотивацию [2].

Под мотивационной сферой личности понимается вся совокупность ее мотивов, которые формируются и развиваются в течение жизни. Потребностно-мотивационная сфера характеризует направленность личности лишь частично, являясь ее основой, базисом. На этом фундаменте формируются жизненные цели личности. В целом эта сфера подвижна и развивается в зависимости от обстоятельств. Но некоторые мотивы относительно устойчивы и, доминируя, образуют как бы стержень всей сферы (в них проявляется направленность личности).

Проведенное в декабре 2011 г социологическое исследование показало, что большинству учащихся детско-юношеских школ учебно-тренировочные занятия в целом нравятся (74,6%), однако с возрастом наблюдается тенденция к снижению данного показателя. Требуется особое внимание тот факт, что пропускают тренировки тогда, когда нет настроения, около 51,5% юных спортсменов, причем в основном это 16-тилетние юноши и девушки. Для 54,5% юных атлетов спорт – это средство для отдыха и развлечения, почти 32% отмечают только физическое развитие, и всего лишь 13,6% признают всестороннее развитие личности в спорте.

Прослеживается определенная закономерность – с возрастом снижается интерес к спортивной деятельности, и большинство юных атлетов не рассматривают спорт как средство для гармонического развития личности.

Следовательно, необходимо создать потребностно-мотивационную сферу в учебно-тренировочном процессе юных спортсменов, основными компонентами которой являются: общение (коммуникативная функция), психическое удовлетворение от спортивной деятельности, самовыражение, участие в соревновательной деятельности, будущая профессиональная деятельность, высокий спортивный результат, целенаправленное развитие физических качеств, приобретение умений и навыков, расширение кругозора.

Коммуникативная потребность, на первый взгляд, ясна: спортсмены общаются друг с другом, с тренером, зна-

комятся с новыми людьми на соревнованиях и сборах. Но в дополнение к вышесказанному можно предложить организацию встреч с именитыми спортсменами, что значительно повысит интерес к занятиям.

Самовыражение для юного спортсмена является неотъемлемой частью процесса его социализации. Учащимся необходимо убедиться в том, что они могут достичь определенного результата, особенно в деятельности, которая является для них важной. В связи с тем, что учебно-тренировочный процесс предусматривает всестороннее развитие личности, наряду с приобретением умений и навыков необходимо использовать когнитивный компонент.

По данным социологического исследования, 49,7% учащихся ДЮСШ оценивают свои знания в области спорта как "недостаточные". А ведь многим юным спортсменам было бы интересно узнать, как охарактеризовать физические качества, их законы развития, основные исторические факты физической культуры и спорта.

Таким образом, выявляется потребность в формировании ценностей спортивной культуры. М.А. Арвисто все ценности, связанные со спортом, подразделяет на 2 группы [1]. В первую группу он включает ценности, связанные с функциональным содержанием спорта (в этом случае в качестве ценности выступает сама деятельность с ее эмоциональными моментами). Ко второй группе он относит все те ценности, средством достижения которых служит спорт. К ним он относит следующие ценности: общение (иметь друзей, быть среди других); красота (наслаждаться красотой зрелищ, спортивной борьбы); физическое "я" (биологические ценности спорта: здоровье, телосложение, физические качества); материальные ценности (разные льготы со стороны общества); знания; социальное признание; авторитет; самоактуализация

(испытание своих сил, стремление к использованию своих способностей); сила воли и смелость; чувство долга (перед коллективом, Родиной и т.п.); полезность другим (чувство своей необходимости для других).

На создание потребностно-мотивационной сферы оказывает влияние совокупность внешних и внутренних условий [2]. В качестве внешних (по отношению к спортсмену) могут быть выделены следующие условия: деятельность тренера, содержание занятий, методы обучения и развития двигательных качеств, уровень педагогического мастерства тренера, материально-техническое оснащение спортивной базы учебного заведения, психологический климат в группе, единство требований педагогического коллектива, а также семьи. К внешним условиям относятся и те взаимодействия с окружающими людьми, в которые вступают юные спортсмены в процессе занятий спортом.

Внутренними условиями становления мотивации могут быть выделены те качественные изменения в психическом развитии, которые возникают у молодежи при включении их в организуемые педагогом занятия физическими упражнениями. Сюда можно отнести: формы взаимодействия и общения с другим человеком; направленность личности спортсмена (на потребление или создание, на индивидуальные или общественные цели) в процессе занятий спортом.

Заключение

При наличии выше рассматриваемых компонентов, которые в совокупности представляют собой потребностно-мотивационную сферу, можно предполагать повышение посещаемости занятий в ДЮСШ, улучшение спортивных результатов, а также обеспечение психологического комфорта в группе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арвисто, М.А. Мотивация физкультурно-спортивной деятельности / М.А. Арвисто. – М.: Физкультура и спорт, 1982.
2. Кузменко Г.А. Психолого-педагогические основы спортивной подготовки детей 9–12 лет / Г.А. Кузменко. – М.: Советский спорт, 2008. – 268 с.

© Е.П. Максачук, [Kate-Maksachuk@yandex.ru], Журнал «Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики»

Санкт-Петербургский международный книжный салон

Время читать!
Time to read!

26-29 апреля 2012
April 26-29, 2012

"Ни о чем не думает лишь тот, кто ничего не читает."
Д.Дидро

КОНТЕКСТЫ И АКТОРЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ МИГРАЦИИ

CONTEXTS AND ACTORS OF INTERNATIONAL MIGRATION

O. Zylowa

Annotation

This article is devoted to the analysis of contexts and actors of international migration. It says about the difficulty of migratory flows management because of conflicts of interests of principal actors. It states the necessity of step by step policy at the international, national and local levels.

Keywords: actor, context, migratory flows, migration policy, destination country, origin country.

Зылёва Ольга Викторовна
Аспирант, Гуманитарный
Университет, Екатеринбург

Аннотация

Статья посвящена анализу контекстов и акторов международной миграции. Говорится о сложности управления миграционными потоками из-за конфликта интересов принципиальных акторов. Подчеркивается необходимость проведения пошаговой политики на международном, национальном и местном уровнях.

Ключевые слова:

актор, контекст, миграционные потоки, миграционная политика, страна назначения, страна происхождения.

Благодаря процессу глобализации, международная миграция охватила все континенты, страны и регионы мира, воздействуя на многие сферы жизнедеятельности людей. Миграционные потоки из менее развитых стран в более развитые невозможно будет остановить в ближайшей перспективе, поскольку социальные и экономические условия жизни в странах назначения привлекательны для мигрантов, сравнивая с менее удовлетворительными местными условиями. Даже если условия жизни в странах происхождения достигнут современного уровня принимающих мигрантов стран, то последние также будут продолжать развиваться в экономическом и социальном плане, оставаясь привлекательными для иммигрантов. Кроме того, международные миграционные потоки становятся структурным и динамичным фактором для населения планеты. Естественно, встает задача эффективного управления этими потоками с целью гармоничного развития всех регионов мира.

Каждая страна назначения проводит свою политику в отношении мигрантов. С целью повышения её эффективности предлагаем рассмотреть три основных контекста (демографический, экономический, социальный) и девять акторов международных миграционных потоков (их также называют 9 протагонистов так называемой "миграционной игры"). [1, Р. 89–96]

Сегодня и, вероятно, в будущем демографический, экономический и социальный контекст окажут значительное влияние на все увеличивающееся миграционное давление. В рамках демографического контекста следует обратить внимание на количественный дисбаланс между "северным" и "южным" регионами мира, который

может служить фактором будущего миграционного давления. Миграционные потоки являются результатом сокращения работоспособного населения "северной" части мира и невероятного увеличения работоспособного населения "южной" части мира. Кроме того, снижение уровня рождаемости и увеличение продолжительности жизни (другими словами старение населения) в северных регионах приведет к сокращению работоспособного населения. В южных же регионах складывается диаметрально противоположная ситуация, и, как результат, местный рынок труда не в состоянии трудоустроить всех желающих, поэтому население в возрасте от 20 до 39 лет становится потенциальными мигрантами.

На наш взгляд, экономический и социальный контекст тесно связаны между собой. Поскольку важным условием для международной миграции является доступ к культурным, финансовым и профессиональным ресурсам, а слишком низкий уровень дохода на душу населения преграждает путь к эмиграции, у бедных слоев населения отсутствуют возможности развития материальных и интеллектуальных инструментов, необходимых для международной миграции. Также, слишком низкий уровень дохода на душу населения, как правило, свидетельствует о высоком уровне безграмотности.

Большая часть трудовых ресурсов в менее развитых странах сосредоточена в сельскохозяйственном секторе экономики. Для национального развития необходим экономический рост и модернизация сельского хозяйства. Пока это не произойдет, повышенное миграционное давление в более развитые страны будет неизбежно. Нельзя забывать, что проведение модернизации сельского хо-

заяства в странах происхождения мигрантов приводит к переизбытку рабочей силы в первичном секторе экономики. Сложность возникает и при переходе к вторичному и третичному сектору экономики, поскольку не создается достаточное количество рабочих мест для местного населения, и, как результат, снова появляется избыток рабочей силы. А повышение уровня образования населения, что является фундаментальным условием развития любой страны, может привести к качественному дисбалансу на рынке труда при отсутствии спроса. Также образование способствует феминизации трудовых ресурсов, которая представлена в качественно другом предложении.

Такой количественный и качественный дисбаланс в странах происхождения и назначения будет только увеличиваться, несмотря на все возможные направления развития, упомянутые выше.

От глобальной перспективы, демографических, экономических, социальных и образовательных факторов перейдем к менеджменту миграционных потоков, который все сложнее осуществлять из-за социального и политического давления, ими зачастую провоцируемого.

Для этого обратимся к принципиальным акторам международной миграции, обладающим разными ролями, силами, возможностями. Первый актер – отдельный индивид, требующий предоставления права покинуть свою страну. Второй – страна назначения, стремящаяся к продолжению гармоничного социо-экономического развития, выдвигающая квоты для мигрантов, как правило, носителей определенных характеристик. Страны назначения обычно преследуют следующие цели: рост темпов экономического развития, в первую очередь, на своем внутреннем рынке и, если это возможно, в странах происхождения и транзитных государствах; решение проблемы качественного и/или количественного дисбаланса на рынке труда, исходя из существующего спроса и предложения трудовых ресурсов; содействие проведению модернизации, развитию или экономическому восстановлению конкретного сектора производства; и, конечно же, улучшение демографической ситуации. Конфликт первых двух протагонистов еще более усложняется из-за все большего вовлечения транзитных государств, являющих собой следующий актер. Они в свою очередь не хотят, чтобы нерегулярные мигранты эксплуатировали их как некий перевалочный пункт. Следующий актер – торговцы людьми, которые зарабатывают на нуждах и отчаянье мигрантов.

В добавлении к выше перечисленным протагонистам, добавляют страны происхождения мигрантов, где благодаря оттоку населения уменьшается давление на местном рынке труда и создаются благоприятные экономические условия для большого количества семей мигрантов благодаря денежным переводам. Страны происхождения стремятся к экономическому развитию, сокращая коли-

чественное предложение на местном рынке труда; к получению денежных переводов, что способствует росту благополучия семей, вовлеченных в международную миграцию; к модернизации и развитию общества и экономики; укреплению экономических и социо-культурных связей со странами назначения.

Семьи мигрантов, в свою очередь, являются выталкивающим фактором с психологической, эмоциональной и, конечно же, финансовой точки зрения. А миграционные сети [2, Р. 448–454] являются важным притягивающим фактором. Работодатели стран назначения стимулируют приток нерегулярных мигрантов с целью обеспечить рынок труда дешевой рабочей силой и, конечно, извлечь из этого прибыль. И, наконец, последний актер – другие страны назначения, чья миграционная политика влияет на потоки людей в конкретную страну. Примером может служить Европейский союз, где гарантируется свободное передвижение людей на основании Шенгенского соглашения.

В контексте международной миграции следует обратить внимание на значительное развитие средств транспорта, оказывающих влияние на развитие отдельной страны, можно считать инструментом, активно взаимодействующим со всеми девятью протагонистами "миграционной игры" и стимулирующим увеличение миграционных потоков.

Размышляя о современных демографических и экономических трендах и сопутствующих международных миграционных потоках, можно провести параллель с наиболее известным парадоксом Зенона об Ахиллесе и черепахе [3, С. 149]. А именно, даже если некоторые менее развитые страны сегодня значительно улучшают свои экономические, социальные и образовательные условия, а уровень экономического роста в них выше, чем в развитых странах, то разница, например, в уровне дохода на душу населения в странах происхождения и назначения не только не уменьшится, но и увеличится. Опираясь на парадокс Зенона, уместно задать вопрос – есть ли реальный шанс у стран происхождения мигрантов достичь примерно одинакового качества жизни, что и в странах назначения, чтобы со временем сократить, а затем и остановить эмиграцию?

Вероятно, так называемый "миграционный парадокс" сможет предложить некоторые ответы и стратегии для политических решений, в надежде продемонстрировать, что даже при сохранении определенной дистанции, все регионы и страны мира в будущем смогут достичь достойного уровня жизни. Но насколько необходимо сократить социо-экономическую дистанцию между странами, чтобы снизить давление миграционных факторов выталкивания и притяжения? [4, Р. 89]

Рассмотрев возможные акторы, их взаимодействие и конфликт интересов, напрашивается вывод – отдельной

стране назначения практически невозможно эффективно управлять международной миграцией. Даже будучи самым сильным игроком, у неё есть ряд ограничений в действиях, тогда как более слабые игроки могут быть достаточно более гибкими в своих стратегиях и действиях. Необходимо проведение пошаговой политики на международном, национальном и местном уровнях. Миграционная политика должна основываться на пяти принципах: понимание миграционного процесса, определение реалистичных целей, сочетание долгосрочной и временной миграции, двусторонние, многосторонние, международные соглашения, надлежащие статистические информационные системы. [4, Р. 99]

Несмотря на успехи в достижении поставленных целей и решении конкретных задач, миграционная политика развитых стран зачастую страдает непоследователь-

ностью и просчётами принимаемых решений. Страны назначения по сей день находятся в поиске более эффективных подходов к управлению миграционными потоками. Быстрое реагирование на изменение ситуации помогает им минимизировать негативные последствия миграционных процессов. Опыт развитых стран в управлении миграцией весьма ценен для Российской Федерации, но ей необходимо выработать свои механизмы для эффективного регулирования миграций.

Нельзя забывать, что Россия уступает многим развитым странам с точки зрения иммиграционной привлекательности. Такие страны, как Великобритания, США, Германия и другие, могут позволить себе проводить селективную политику в отношении иммигрантов (например, отдавать предпочтение мигрантам с определённым уровнем профессиональной квалификации).

ЛИТЕРАТУРА

1. A. Golini. Facts and Problems of Migratory Policies. Migration and Development. Continuing the dialogue: Legal and Policy Perspectives. Edited by J. Chamie, L. Dall'Oglio. 2008. The Center for Migration Studies of New York, Inc. and The International Organization for Migration (IOM). P. 89–102.
2. D.S.Massey, J.Arango, G.Hugo, A. Kouaouci, A.Pellegrino, J.E.Taylor. Theories of International Migration: A Review and Appraisal. Population and Development Review, Vol. 19, No. 3 (Sep., 1993), P. 431–466.
3. Блинные Л.В. Великие философы: Учебный словарь-справочник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательская корпорация "Логос", 1997. 432 с.
4. A. Golini. Facts and Problems of Migratory Policies. Migration and Development. Continuing the dialogue: Legal and Policy Perspectives. Edited by J. Chamie, L. Dall'Oglio. 2008. The Center for Migration Studies of New York, Inc. and The International Organization for Migration (IOM). P. 89.

© О.В. Зылёва, (cool24@yandex.ru), Журнал «Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики»

РИСКИ ЛЖИ И ФАЛЬСИФИКАЦИИ В СМИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

RISKS OF LIE AND FALSIFICATION IN MEDIA IN A MODERN SOCIETY

I. Pashinyan

Annotation

Importance of this problem of lie and falsification is in mass-media directly follows from this the fact that the modern person lives not in a reality, but in a combination of a reality and a virtual reality. Mass-media today is a powerful factor of the influence on a mental condition of the person. That reality which is offered by today's mass-media, certainly is simplified and doesn't offer reflection and analysis. In certain cases this information can be dangerous, as the person accepts its ready, without reflecting.

Keywords: mass media, information risks, lie, falsification, an information society.

Пашина Изабелла Ашотовна

Кандидат социологических наук,

Зам. исполнительного директора Международной академии телевидения и радио

Аннотация

Важность проблемы лжи и фальсификации в СМИ прямо вытекает из того факта, что современный человек живет не в реальности, а в комбинации реальности и виртуальной реальности. СМИ сегодня – это мощный фактор влияния на психическое состояние человека. Та реальность, которую предлагают сегодняшние СМИ, безусловно, опосредствована чьим-то мнением, она упрощена и не предлагает размышления, анализа. В некоторых случаях эта информация может быть опасна, так как человек принимает её готовой, не задумываясь, и ему можно внушить очень многое.

Ключевые слова:

средства массовой информации, медиа, информационные риски, ложь, фальсификация, информационное общество.

Средства массовой информации являются одним из важнейших институтов современного общества. Они выполняют разнообразные функции: информируют, просвещают, рекламируют, развлекают. Очевидно, они играют важную роль в формировании, функционировании и эволюции общественного сознания в целом. Более того, восприятие и интерпретация важнейших явлений и событий, происходящих в стране и в мире в целом, осуществляются через и с помощью СМИ.

Эти обстоятельства приобретают особую актуальность на фоне все более растущего проникновения СМИ в политическую сферу, их превращения в один из важнейших инструментов реализации политического процесса. Знаменательно, что в современной политологии СМИ характеризуют такими титулами, как "великий арбитр", "четвертая ветвь власти" наряду с законодательной, исполнительной и судебной и т. д.

В современных развитых экономиках более двух третей ВВП приходится на продукты в форме услуг, в которых СМИ составляют значительную часть бизнеса. СМИ в условиях роста доли сферы услуг – это бизнес, поэтому экономические проблемы СМИ делают их объектом для банкиров и политиков. С помощью экономических рычагов на СМИ можно оказывать давление, а через них – и на другие процессы, например, на ход предвыборных кампаний. Технологии проведения этих кампаний становятся все изощреннее, и СМИ играет здесь, пожалуй, ведущую роль.

Конкуренция интересов, прежде всего экономических интересов СМИ, ведет к возникновению условий для использования всех средств, включая ложь и фальсификацию, если это экономически обосновано. Заметим, что сами понятия лжи и фальсификации первоначально появились не в СМИ. Кроме того, роль лжи и фальсификации в СМИ объективно растет, так как является естественным следствием роста информационных потоков.

Все более частый отказ потребителя информации от собственного анализа и обращение к готовым моделям СМИ не является следствием лени или необразованности читателя и слушателя. Это прямое следствие роста потоков информации. Положение усугубляется и тем, что если традиционные СМИ, такие, как, например, газета, позволяют рассматривать информационный массив в целом, то электронные СМИ такую возможность сужают.

Рост информационных рисков лжи и фальсификации объясняется еще и обострением информационных войн не только в политических, но и в экономических целях. Имеется множество примеров того, как появление лживых либо фальсифицированных сообщений являлось причиной обрушения рынка акций, либо, наоборот, вело к экономически неоправданному его росту. Это связано с тем, что, благодаря появлению вторичных и даже третичных финансовых инструментов, смысл которых мало кем понимается, на рынке ценных бумаг усиливается психологический фактор. Рынок становится все более зависимым от настроений участников. Этот фактор усиливается

ростом доли миноритарных акционеров и ростом числа участников рынка, а это означает, что роль информационного воздействия растёт.

Ложь – это самое простое средство достижения ре-

зультата в информационной компании, хотя и не самое эффективное. Обычно под словом "ложь" понимается утверждение, не соответствующее истине. Виды лжи достаточно разнообразны, что позволяет приспособлять ложь под конкретные условия.

Таблица 1

Типология имплицитных (в общественном сознании) видов лжи.

Неприкрытая ложь, наглая ложь	Это утверждение, ложность которого очевидна не только тому, кто его высказывает, но и всем заинтересованным лицам.
Недоговорка	Ситуация, в которой говорящий сообщает ряд фактов, но скрывает самый главный из них, позволяя другой стороне прийти к ошибочному выводу. Также недоговоркой считается избегание в разговоре исправления ошибочного мнения, сложившегося заранее.
Белая ложь	Ложь, которая, по мнению говорящего, предоставит слушающему значительное облегчение, а, в случае раскрытия её лживости, принесёт всего лишь небольшое неудобство. Белая ложь обычно произносится, чтобы не обидеть кого-либо.
Ложь во благо (благородная ложь)	Ложь, которая, в случае её раскрытия, принесёт слушателю значительный вред, однако в то же время представляет собой значительную выгоду самому слушателю либо обществу в целом.
Высказывание, вводящее в заблуждение	Оно не содержит явной лжи, но, тем не менее, его целью является попытка заставить слушающего поверить в истинность того, что истиной не является. Оно строится таким образом, что все факты в нём истинны, однако подобраны таким образом и в такой последовательности, что подталкивают слушающего к неверному выводу. Недоговорка является примером введения в заблуждение.
Преувеличение	Возникает в случае, если качественно высказывание является истинным, но приведённые количественные характеристики приукрашены и действительности не соответствуют.
Манипулятивная семантика	Изменение смысла слов и понятий. Разновидностью лжи в прессе является "конструирование" сообщения из обрывков высказывания или видеоряда, посредством которого меняется контекст, т.е. сказанные слова приобретают совершенно иной смысл. Отобранные "крупницы" сообщения вроде бы не являются ложью, но "целое" может не иметь ничего общего с действительностью.
Частичная ложь	Микширование лжи и правды. К примеру, два события описаны правильно, а третье - сфальсифицировано. Читатель, который слышал о каком-то из первых двух правдивых событий, видит, что они описаны верно, и заключает, что и третье, ложное событие, верно.

Отметим, что "ложный" в русском языке означает не только не истинный, а еще и неправдивый, несправедливый поступок.

Важное свойство лжи, отличающееся от заблуждения, состоит в том, что она высказывается сознательно.

Ложь – умышленное (успешное или нет) утаивание и умышленная фабрикация путем передачи фактической и эмоциональной информации (вербально или невербально) с целью создания (или удержания) в другом человеке убеждения, которое сам передающий считает противным истине.

Для СМИ важно, что право различает понятие лжи в общепринятом и юридических смыслах. В праве используется два базовых понятия: клевета и диффамация. Клевета – это порочащая кого-нибудь ложь.

Клевета – дискредитация чего-либо в печати, картинах или любых других визуальных символах. Клеветать – это значит говорить клевету. Появление СМИ и затем электронных коммуникаций несколько усложнило классификацию понятия.

Некоторые страны рассматривают клевету на радио как дискредитацию, другие – как злословие.

Диффамация известна уголовному законодательству, как нападение на чью-либо репутацию ложной публикацией (коммуникация третьему лицу) имеющей тенденцию навлекать на человека дурную славу. Понятие это неуловимо и ограничено в его вариантах только человеческой изобретательностью. Подобные доктрины существовали несколько тысяч лет назад. В Римском праве оскорбительные скандирования были серьезно наказуемы. В

ранних английских и немецких законах за оскорбления подразумевалось такое наказание, как отрезание языка.

Отметим два существенных отличия диффамации от клеветы:

1. Диффамация есть оглашение каких-либо позорящих фактов в печати, тогда как клевета может быть совершена как в печати, так и на словах (публично) или в письме.

2. В диффамации преступный момент заключается в самом оглашении в печати позорящих сведений, независимо от их правильности, клевета же всегда рассматривается как сообщение заведомо ложных сведений.

Ложь и фальсификация издавна использовались СМИ при воздействии на аудиторию, и это использование всегда вело к возникновению определенных информационных рисков. Задача СМИ в процессе убеждения – создать прочное, устойчивое отношение к реальности и явлениям. При этом активно используются психологические особенности человека. Благодаря своей биологической природе, человек подвержен внушению, подражательности и заразительности, и это, а не столько апелляция к смыслам, активно используется СМИ.

Сказанное о лжи тем более справедливо для проблемы фальсификации. Если понимать фальсификацию информации, прежде всего, как умалчивание значимой информации и не сопоставление данной информации с другой, значимой, то общий рост информационного потока для проблемы фальсификации еще более важен, чем для проблемы лжи.

Фальсификации СМИ ограничены тем, что они неизбежно ведут к возникновению рисков, в частности, рисков юридических. Однако возникающие в связи с использованием СМИ лжи и фальсификации информационные риски имеют более глубокую, принципиально неустраняемую природу, они более разнообразны и опасны, чем принято считать.

Ложь и фальсификация в СМИ приводят к тому, что в обществе формируются различные группы, которые под их влиянием принципиально иначе воспринимают один и тот же окружающий мир, что и лежит в основе возникновения информационных рисков.

Как отмечалось выше, человек живет в смеси реальности и виртуальной реальности, что само по себе сопряжено с рисками неадекватного поведения. Сто лет назад внутренний мир человека формировался на основе личного опыта, опыта общения, профессиональной деятельности и путешествий. Внутренний мир того человека был не так широк, как современного, но более адекватен.

Однако человек одновременно живёт и в объективном мире, и в мире созданной человеком культуры. Культур-

ная составляющая – имеет сильное влияние на поведение человека. Конечно, значительное влияние оказывала религия и искусство, различие позиций, которые часто и приводили к конфликтам, в частности, межконфессиональным.

Кроме того, человек обладает сложной психикой, важной частью которой является воображение. Человек, особенно современный, живёт одновременно в двух измерениях, в двух реальностях: действительной и воображаемой. Воображаемый мир в значительной степени определяет поведение человека в реальном мире. На этот мир можно воздействовать извне, причем так, что человек не заметит этого воздействия. Например, внутренний мир человека в значительной степени формируется еще и средствами массовой информации. Но, включая утром новости, человек это не всегда замечает. С помощью СМИ рекламируются социальные идеи, создаются удобные политические образы, навязывается массовая политическая культура, образ жизни, услуги и товары.

Телевидение, радио, печать, Интернет, реклама стали основными источниками информации, формирующими внутренний мир человека. По утверждению специалистов по массовым коммуникациям, это "инженеринг содержания" личности за счёт свободной воли. В этом процессе СМИ активно используют методы лжи и фальсификации, так как они простые и эффективные, хотя и порождающие риски.

Разные СМИ (в зависимости от своих целей и интересов) по-разному формируют информационную среду, в которой существует современный человек. Психологи давно установили, что разные люди живут в разной среде. Люди, живущие в разных местностях живут в разной "видеоэкологии".

Визуальный мир (не только цвета, но и формы, символы, стиль одежды и т.д.), в котором существует современный человек, влияет на него сильнее, чем принято думать. Уже давно стало ясно, что, например, униформа, воплощает идею контроля – не только над социальным, но и над внутренним "я" человека и его формированием. Униформа как бы убивает индивидуальность в человеке, заставляет подчиняться группе, то есть формирует групповое восприятие окружающего мира.

Однако различия в восприятии современным человеком окружающей среды гораздо шире. Получая школьное образование и затем взаимодействуя с масс-медиа, современный человек формирует свою собственную систему ценностей. Исследователи отмечают поразительные различия во взглядах, например, на мировую историю граждан разных стран.

Основой формирования информационных рисков являются различия внутренних миров людей, сформированных, в частности, на основе влияния СМИ. Различия в

системах ценностей людей, в оценках ими одних и тех же фактов ведет к тому, что между ними возникает конфликт.

Сегодня СМИ не часто используют прямую ложь, так как это и дорого, и опасно. Несмотря на то, что в политике, как и в журналистике, слово "правда" означает любое утверждение, лживость которого не может быть доказана, прямая ложь в СМИ употребляется редко. Менеджеры СМИ в разных вариантах повторяют афоризм "Какой смысл лгать, если того же результата можно добиться, тщательно дозируя правду?". Если иметь в виду классическую форму лжи, а точнее, юридически определенную форму лжи, то это так.

Но не следует думать, что СМИ вообще отказываются от лжи. В ряде случаев ее использование достаточно быстро ведет к достижению цели. Это связано с тем, что понятие лжи и, особенно многообразие ее форм, позволяют СМИ "работать на грани фола". Большинство СМИ даже имеют в штате специального юриста именно для контроля степени допустимости этой грани в юридическом смысле.

А. Моль считает, что искажение реальности достигается чаще через процесс кумуляции мелких отклонений, происходящих всегда в одном и том же направлении, чем решительных, бросающихся в глаза действий. "Honesty is the best policy" – всегда гораздо выгоднее быть честным, если речь идет о фактах, чем их сознательно замалчивать. Он также подчеркивает, что малые сдвиги, приводящие к "поляризации" потока сообщений, должны быть ниже порога семантической восприимчивости среднего получателя (т.е. в среднем должны не замечаться).

Ложь тесно связана с методами манипулирования сознанием. Иногда ее очень трудно отличить от методов манипулирования сознанием. Например, помимо замалчивания "ненужной" информации и создания таким образом "виртуальной" реальности вместо отражения действительности, СМИ широко используют принцип демократии шума – потопление сообщения, которого невозможно избежать, в потоке бессмысленной, пустопорожней информации. Г. Шиллер пишет: "Подобно тому, как реклама мешает сосредоточиться и лишает весомости прерываемую информацию, новая техника обработки информации позволяет заполнить эфир потоками никчемной информации, еще более осложняющей для индивида и без того безнадежные поиски смысла".

Однако методы манипулирования сознанием следует отнести скорее к арсеналу методов фальсификации, а не лжи.

Современная пропаганда чаще использует не прямую ложь, которую легче опровергнуть, а фальсификацию, опровергнуть которую не так просто. Часто, сам процесс опровержения работает на противника – читатель пола-

гает, что "нет дыма без огня". Прямая ложь применяется только как тест для определения порога чувствительности людей с целью дальнейшей корректировки допустимого уровня манипуляции ими.

Фальсификация, в отличие от лжи, не содержит фактов, противоречащих истине, а сообщает верные факты, но вне контекста, так, что они приобретают иной смысл.

Таким образом, не прямая ложь заменяется манипулированием, которое обычно эффективнее прямой лжи. Эффективность информационного манипулирования определяется процентом субъектов, поддавшихся внушению. Интерактивные телефонные опросы российских зрителей и слушателей, звонящих на станции, показывают, что нужные представления удается внушить довольно высокому проценту участников. Называются цифры от 50 до 75%.

Более корректные социологические опросы, в которых пропорционально представлены все слои населения, выявляют меньший процент лиц, поддающихся внушению: до 30–40% всего взрослого населения. Примерно такой же процент фиксируется среди лиц, поддающихся внушению в медицинских экспериментах с лечением лекарствами "пустышками".

Эти же цифры выявлены относительно лиц, поддающихся программированию, в западных странах, что позволяет предположить наличие некоторого фундаментального свойства у человека. Например, опросы в апреле 1999 года показали, что в разгар интенсивной информационно-рекламной кампании НАТО бомбардировки Югославии поддерживали до 65% населения Англии (максимальный процент в Европе).

Поскольку технологии манипулирования целенаправленно и успешно воздействуют на значительную часть потребителей информации, монопольное владение генераторами информации в демократических обществах вполне заменяет прежние недемократические методы управления. В связи с этим возникает проблема собственников и управляющих СМИ как менеджеров общественного мнения.

Если цели этих менеджеров и общества не совпадают, то, с одной стороны, среди потребителей информации неизбежны информационный стресс по причине обманутых ожиданий и кризис доверия к информации, а с другой стороны, искаженные представления начинают тормозить нормальную эволюционную адаптацию общества к глобальным изменениям.

Решение проблемы организации и редактирования информационных потоков в обществе массового информационного потребления, возможно, является одним из ключевых моментов для глобального развития. Вопреки знаменитой парадигме Ф. Фукуямы, что "история закон-

чена", социальные конфликты и катаклизмы переносятся в информационную сферу как верхушку айсберга современных систем государственного управления.

Есть много определений фальсификации. Одно из определений характеризует фальсификацию как утверждение, высказываемое человеком, не уверенным в его истинности. Хотя такое утверждение и может выглядеть правдоподобным (а иногда даже и оказываться истинным), оно не основано на фактах. Оно либо выдуманно, либо не соответствует действительности.

Бывает, что приводится часть фактов, а другая часть утаивается. Западные читатели обычно бывают удивлены тем, что царская Россия в социальном отношении вовсе не была отсталой страной. Например, освобождение крепостных в 1861 году касалось только 18 % населения страны. Остальные крестьяне уже получили личную свободу в годы правления Николая I и ранее. А вот 60 % населения юга США до 1865 года составляли рабы, которых продавали с семьями и без.

Частый прием фальсификации – сообщать подлинные факты вне контекста и сопоставлений. Когда СМИ умалчивают известную им достоверную информацию, они позволяют укорениться ложному мнению, и это имеет эффект больший, чем прямая ложь.

Еще один активно используемый СМИ метод фальсификации – ложные аналогии. Он основан на склонности человека мыслить аналогиями, строить в своем мышлении так называемые псевдологические последовательности. Привычным для большинства людей стилем мышления является тот, который использует логические связки "причина – следствие". Эти связки кажутся полно-

стью доступными контролю сознания и соответствуют сфере "здорового смысла". Связку "конкретная причина – конкретное следствие", которая имела место когда-либо, люди склонны экстраполировать и на другие объекты, не имеющие никакого отношения к первоначальным.

Эта психологическая особенность активно используется пропагандистами. Например, такое утверждение, как "Британская империя распалась – значит, и СССР должен был распаться!". И никаких обоснований. Почему сравнивают с Британской империей, а не с Китаем и не с США? Или и они должны распаться и именно сегодня? На использовании ложных аналогий строится пропагандистская техника создания ассоциативных связей.

Можно сделать следующие выводы:

- ◆ ложь и фальсификация в СМИ чаще всего возникают не в силу злонамеренных и даже преднамеренных действий, а являются естественным следствием внутреннего механизма функционирования современных СМИ;
- ◆ роль лжи и фальсификации в СМИ в современном обществе растет, а продуцируемые ими информационные риски становятся серьезной угрозой для современного информационного общества;
- ◆ традиционные методы контроля лжи и фальсификации в СМИ в современном информационном обществе малоэффективны, новые условия постиндустриального общества требуют разработки и новых концепций контроля лжи и фальсификации в СМИ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Encyclop?dia Britannica – <http://www.britannica.com/EBchecked/topic/155602/defamation>
2. Агапов А. Информационное законодательство России. М., 1993.
3. Бритков В., Дубовский С. Информационные технологии в национальном мировом развитии. – Общественные науки и современность. №1, 2000.
4. Википедия – <http://ru.wikipedia.org/wiki/Ложь>
5. Горянин А. Б. Дух нации и мифы о России. М., 2001. С. 134.
6. Джордж Энтин "Теория заговоров и конспиративистский менталитет" // Новая и новейшая история. 2000. № 1
7. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М., 2001.
8. Мединский. О Русском пьянстве, лени и жестокости. М., 2009 г.
9. Толковый словарь Ожегова – <http://www.ozhegov.ru/slovo/21517.html>

ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СТРЕССОУСТОЙЧИВОЙ ЛИЧНОСТИ

INDIVIDUAL-PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF INDIVIDUAL RESISTANCE TO STRESS

E. Raspopin

Annotation

Individual-psychological personality traits play an important role in the resistance to stress. Some of these features can provide a high resistance to stress, while others impede effective adaptation to stress. This study examines the relationship stress with features of personality as introversion and extroversion, stenchnost and anxiety, and sensory spontaneity, rigidity, and emotional lability.

Keywords: stress, stress, personality, individual-typological features of the correlation.

Распопин Евгений Владимирович
Аспирант,
Гуманитарный университет,
г. Екатеринбург

Аннотация

Индивидуально-психологические особенности личности играют важную роль в сопротивлении стрессу. Одни из этих особенностей способны обеспечить высокую сопротивляемость стрессу, другие, напротив, затрудняют эффективную адаптацию в стрессе. В данном исследовании рассматривается связь стрессоустойчивости с такими характеристиками личности, как интроверсия и экстраверсия, стеничность и тревожность, спонтанность и сензитивность, ригидность и эмоциональная лабильность.

Ключевые слова:

стресс, стрессоустойчивость, личность, индивидуально-типологические особенности, корреляция.

На сегодняшний день проблема психологической устойчивости к стрессу является одной из наиболее активно изучаемых, что вызвано все более усложняющимися условиями существования человека в современном мире. Нарастание социальной напряженности и конфликты, информационные перегрузки, экономические потрясения – лишь немногие тому примеры.

Важную роль в сопротивлении стрессу играют индивидуально-психологические особенности личности.

Так, Б.А. Вяткин отмечает, что труднее переносят стресс лица со слабой и неуравновешенной нервной системой, тревожные, эмоционально возбудимые, импульсивные, малоактивные. Лица с противоположными характеристиками, напротив, способны эффективно функционировать при среднем и даже высоком уровне стресса [3].

В.А. Бодров в качестве личностных особенностей, обуславливающих высокую сопротивляемость стрессу, выделяет интернальный локус контроля, психологическую выносливость и высокую самооценку [1].

О. В. Рыбина отмечает, что устойчивость к стрессу связана с низкими показателями враждебности, с высоким уровнем альтруизма, самопринятия, с интеллектуальной активностью в стрессовых ситуациях и интернальной направленностью локуса контроля [6].

В своем исследовании мы сосредоточились на изучении связей стрессоустойчивости с ведущими индивидуально-типологическими характеристиками личности. При изучении данных характеристик мы опирались на ти-

пологию, лежащую в основе теории ведущих тенденций Л.Н. Собчик [7].

В рамках данной теории рассматриваются восемь индивидуально-типологических особенностей личности:

1. Экстраверсия: это свойство, связанное с высокой внешней реактивностью и низкой интрапсихической активностью, с обращенностью человека к реальной атрибутике внешнего мира.
2. Интроверсия: противоположное экстраверсии свойство, проявляющееся внешней пассивностью при высокой интрапсихической активности.
3. Спонтанность: свойство, проявляющееся высокой поисковой активностью и напористостью "Я".
4. Сензитивность: противоположное спонтанности свойство, проявляющееся повышенной чувствительностью к средовым воздействиям.
5. Стеничность (агрессивность): свойство, проявляющееся характеристиками сильного "Я", противопоставляющего влиянию среды собственные установки и наступательность.
6. Тревожность: противоположное стеничности свойство, проявляющееся в норме не только собственно тревожностью, но и осторожностью и ответственностью.
7. Ригидность: свойство, базирующееся на тугоподвижности нервных процессов и проявляющееся упорством, настойчивостью, субъективизмом, агрессивностью защитного характера.
8. Лабильность: свойство, противоположное ригидности, в основе которого лежит лабильность нервных процессов, проявляющаяся неустойчивостью эмоционального настроения и активности.

Для исследования данных свойств мы использовали Метод цветowych выборов (МЦВ) – модифицированный с позиций индивидуально–типологического подхода цветовой тест М. Люшера [7]. Стимульный материал теста состоит из 4 основных и 4 дополнительных цветов, которые испытуемый должен рассортировать по степени предпочтения.

Основным цветам соответствуют следующие индивидуально–типологические характеристики и тенденции:

1. темно–синий цвет: сензитивность, тревожность, интроверсия;
2. зеленый: ригидность, агрессивность, интроверсия;
3. красный: спонтанность, агрессивность, экстраверсия;
4. желтый: лабильность, тревожность, экстраверсия.

Если эти тенденции оказываются подавленными, то соответствующие им цвета смещаются в конец цветового ряда, а на смену им выступают дополнительные цвета, которые отражают вынужденную охранительную реакцию. К этим цветам относятся:

5. фиолетовый, отражающий затрудненную адаптацию;
6. коричневый, выявляющий повышенную тревогу;
7. черный, выявляющий негативизм и агрессию;
8. серый, выявляющий усталость, пассивность и замкнутость.

Основные цвета, выбираемые на 1–ю и 2–ю позиции, выявляют ведущие индивидуально–типологические тенденции личности.

Для оценки устойчивости к стрессу мы использовали опросник психологической устойчивости к стрессу (ОПУС) [5].

Исследование проводилось на выборке из 60 испытуемых. Оценка связей устойчивости к стрессу по методике ОПУС с выбранными на первые позиции цветовыми эталонами МЦВ осуществлялась при помощи бисериального коэффициента корреляции [4].

В итоге были получены следующие результаты.

Достаточно тесные положительные связи с устойчивостью к стрессу обнаружили характеристики интровертированности в сочетании, с одной стороны, с ригидностью ($r = 0.60$ при $p ? 0.001$) и, с другой стороны, с сензитивностью ($r = 0.70$ при $p ? 0.001$). В первом случае устойчивость к стрессу подкрепляется упорством, настойчивостью, амбициозностью, вдумчивым и системным подходом к решению проблем, свойственным лицам с ригидно–интровертными тенденциями. Во втором случае, несмотря на тревожность и тормозимые черты, сензитивно–тревожные интроверты обладают осторожностью и чувствительностью к средовым изменениям. Их тревожность играет охранительную роль, предупреждая об опасности [2], что позволяет этим лицам предупреждать или избегать стрессовых ситуаций.

Отрицательную связь с устойчивостью к стрессу обнаружили такие индивидуально–типологические характеристики личности, как экстравертированность в сочетании, с одной стороны, с лабильностью ($r = -0.32$ при $p ? 0.05$) и, с другой стороны, со спонтанностью ($r = -0.31$ при $p ? 0.05$). На фоне эмоционально напряженных ситуаций в первом случае рисунок поведения и переживания характеризуется эмоциональной неустойчивостью, во втором – склонностью к повышенной импульсивности и снижению самоконтроля. Кроме этого, при избыточной выраженности экстравертированность проявляется расторможенностью и неразборчивой, нецеленаправленной активностью, что препятствует выстраиванию адаптивного поведения в стрессовых ситуациях.

Наконец, отрицательную связь с устойчивостью к стрессу обнаруживает повышенная тревога ($r = -0.37$ при $p ? 0.01$).

В целом эти данные позволяют судить о том, что в ситуации стресса лабильные экстраверты будут реагировать преимущественно реакцией эмоциональной неустойчивости, спонтанные экстраверты – высокой, но избыточной и недостаточно целенаправленной активностью, сензитивно–тревожные интроверты – уходом от психотравмирующей ситуации и, наконец, ригидные интроверты – упорством и систематичностью действий в решении стрессовой ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодров В. А. Информационный стресс. – М.: ПЕР СЭ, 2000. – 541 с.
2. Березин Ф. Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека. – Л.: Наука, 1988. – 264 с.
3. Вяткин Б. А. Роль темперамента в спортивной деятельности. – М.: ФиС, 1978. – 135 с.
4. Луландин В. И. Математические методы в психологии. – Екатеринбург: УрГУ, 2002. – 208 с.
5. Распопин Е.В. Опросник психологической устойчивости к стрессу (ОПУС) // Психологическая диагностика. – 2009. – №3. – С. 104 – 122.
6. Рыбина О. В. Психологические характеристики врачей в состоянии профессионального стресса: Автореферат дис. канд. психол. наук. – СПб.: СПбМАПО, 2005. – 20 с.
7. Собчик Л.Н. Психодиагностика в медицине. – М.: Компания БОРГЕС, 2007. – 416 с.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ОСОБЕННОСТЕЙ И ВОЗМОЖНОСТЕЙ РАЗВИТИЯ ВОЛЕВОЙ СФЕРЫ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

EXPERIMENTAL APPROACH TO STUDYING OF
FEATURES AND POSSIBILITIES OF DEVELOP-
MENT OF STRONG-WILLED SPHERE OF
CHILDREN OF YOUNGER PRESCHOOL AGE

*T. Serebryakova
N. Hvorostinina*

Annotation

In given article experimental studying of development of strong-willed sphere of children of younger preschool age. The given problem is one of actual problems of age and pedagogical psychology, and also psychology of the person. Strong-willed processes are considered by the basic regulator of behavioural displays of the person, its socialization. Organized on the basis of definition of indicators of a level of development of strong-willed processes of younger preschool children the experimental research, objectively proves possibility of effective development of the given personal formation already at basic levels онтогенеза.

Keywords: Socially-personal development; will as a structural component of the person; strong-willed regulation; features of development of strong-willed processes at level of younger preschool age.

Серебрякова Татьяна Александровна
Кандидат психологических наук, доцент,
Нижегородский государственный
педагогический университет им.К.Минина
Хворостинина Наталья Владимировна
Педагог-психолог, МБДОУ детский сад
общеразвивающего вида с приоритетным
осуществлением деятельности по направлению
социально-личностного развития детей № 29,
г. Нижний Новгород

Аннотация

В данной статье находит отражение экспериментальное изучение развития волевой сферы детей младшего дошкольного возраста. Данная проблема является одной из актуальных проблем возрастной и педагогической психологии, а также психологии личности. Именно волевые процессы рассматриваются основным регулятором поведенческих проявлений личности, ее социализации. Организованное на основе определения показателей уровня развития волевых процессов младших дошкольников экспериментальное исследование, объективно доказывает возможность эффективного развития данного личностного образования уже на базовых уровнях онтогенеза.

Ключевые слова:

Социально-личностное развитие; воля как структурный компонент личности; волевая регуляция; особенности развития волевых процессов на уровне младшего дошкольного возраста.

Проблема развития волевой регуляции поведения вот уже на протяжении не одного десятилетия была и остается одной из актуальных проблем практически всего спектра наук о человеке.

Именно высокий уровень развития волевых процессов рассматривается многими учеными как одно из важнейших условий, обеспечивающих оптимальную жизнедеятельность человека в таком сложном, постоянно меняющемся социуме.

Исходя из того, что процесс волевого развития весьма длителен и сложен, начинать эту деятельность необходимо уже с первых лет жизни человека.

Работая в инновационном режиме по проблеме социально-личностного развития детей дошкольного возраста, одним из важнейших структурных компонентов этого развития определили волевою сферу и целью нашей инновационной деятельности мы определяем разработку системы мероприятий, направленных на оптимизацию процесса развития волевой сферы детей дошкольного возраста.

На первом этапе нашей деятельности мы осуществили анализ психолого-педагогических исследований по обозначенной проблематике.

Итогом этого анализа стал вывод о том, что данная проблема является предметом изучения представителей разных областей научного знания о человеке. К исследованию воли обращались и философы (Д.Гартли, Э.Гартман, Г.Гегель, Т.Гоббс, Р.Декарт, И.Кант, А.Шопенгауэр и пр.), и физиологи (П.К.Анохин, Н.А.Берштейн, В.М.Бехтерев, К.Н.Корнилов и пр.). Максимальный же интерес к данной проблематике проявляли и проявляют психологи.

Изучение произвольного поведения, произвольной регуляции различных процессов (как физиологических, так и психических), а также поведения в целом начинается отечественными учеными еще с момента становления отечественной психологии. Так, уже в 20-е годы XX столетия исследования произвольной регуляции различных психических процессов в связи с идеей культурно-исторического развития психики человека и опосредствованного характера высших психических функций активно осуществляется Л.С.Выготским и его учениками.

В настоящее время исследователи ориентированы на изучение следующих аспектов в области волевой сферы личности:

- ◆ способы регуляции состояний человека и отдельных физиологических и психических процессов (в частности исследование саморегуляции эмоциональных состояний и реакции произвольной регуляции чувствительности анализаторов и состояний возбудимости нервно-мышечных структур) изучаются О.А.Конопкиным;
- ◆ воля как сторона субъективного фактора социального развития анализируется в трудах Ю.Ю.Вейнгольда, Г.Е.Глезермана, А.Ф.Плахотного, В.В.Шаронова;
- ◆ активно-деятельностная природа воли раскрывается в исследованиях В.А.Ойгензихта, А.Ф.Плахотного, В.И.Селиванова, А.Г.Спиркина, В.И.Шинкарук и др.;
- ◆ определению места и роли воли в духовном мире личности уделяют внимание А.И.Дорогова и Б.В.Сафранов;
- ◆ ценностный аспект воли исследуется в трудах Ф.Е.Василюка, В.А.Иванникова, С.Л.Рубинштейна.

Обобщенный подход к анализу исследований в области изучения волевой сферы личности позволяет говорить о том, что воля определяется исследователями как сознательное регулирование человеком своего поведения и деятельности, выраженное в умении преодолевать трудности при достижении поставленных целей [1].

Особый интерес для представителей психологического научного знания (особенно для возрастной психологии) представляет изучение особенностей, возможностей и закономерностей развития воли на базовых уровнях онтогенеза (работы А.М.Богущ, Е.А.Бугрименко, Л.С.Выготского, И.Домашенко, А.В.Запорожца, А.А.Люблинской, Е.О.Смирновой, Г.А.Урунтаевой и др.). Как показывают результаты данных исследований, уже на первом году

жизни ребенка начинают формироваться произвольные движения. Со второго года жизни формируется способность к представлениям отсутствующих предметов (благодаря чему поведение ребенка становится более осмысленным). Возрастает время удержания ребенком заданной цели действия, а затем появляется и способность самостоятельно эту цель формулировать. В период от 2 до 3-х лет закладываются основы регулирующей функции речи, что имеет непосредственное отношение к формированию у ребенка внутреннего интеллектуального плана действий. В этот же период времени ребенок делает первые попытки действовать на основе соподчинения мотивов, когда неприятное действие совершается ради привлекательного мотива. А в 3-4 года у ребенка впервые появляются мотивы долга, начинает развиваться способность контролировать как свои действия, так и действия окружающих.

Вместе с тем, особенности волевого поведения, предполагающего способность к побуждению себя на конкретное дело, подчинять свое поведение одному, строго определенному мотиву, принимать решение и исполнять задуманное и пр., позволяет говорить и о том, что незрелость детской психики не дает ребенку возможности сразу проявлять волевые усилия. Не случайно представители возрастной психологии акцентом своих исследований делают изучение механизмов развития волевых процессов у детей дошкольного возраста.

Так, Г.А.Урунтаева [2] отмечает, что существенными компонентами волевого действия выступают возникновение побуждения, осознание и борьба мотивов, принятие решения и исполнение. Волевое действие обобщенно характеризуется целеустремленностью, как сознательной направленностью человека на определенный результат деятельности. Первый этап волевого действия связан с инициативностью, выражающейся в постановке собственных целей, и самостоятельностью, проявляющейся в умении противостоять воздействию других людей. Решительность характеризует этап борьбы мотивов и принятие решения. Преодоление препятствий в дости-

жении целей на этапе исполнения отражается в сознательном волевом усилии, предполагающем мобилизацию физических, интеллектуальных и моральных сил, что для ребенка дошкольного возраста является сложным. Именно поэтому наибольший эффект в плане развития волевых процессов детей дошкольного возраста можно достичь, вовлекая их в различные виды деятельности. Действуя и преодолевая при этом внешние и внутренние препятствия, ребенок постепенно вырабатывает в себе такие волевые качества, как целеустремленность, решительность, самостоятельность, инициативность, настойчивость, выдержку, дисциплинированность, мужество. А исследованием Г.Трошина [1] объективно установлено, что характерной особенностью развития воли в дошкольном возрасте является возникновение у ребенка первых представлений о собственном "Я", которое внешне выражается в словах: "Я хочу", "Я сам". Таким образом, основой же для развития воли в дошкольном возрасте являются его активность и самостоятельность.

Вместе с тем, ученые пришли к выводу о том, что воля, являясь важнейшим новообразованием дошкольного возраста, формируется только под воздействием целенаправленно организованной работы с ним.

На основе осуществленного нами анализа психологических исследований, направленных на изучение возможностей и особенностей развития волевой сферы детей дошкольного возраста, нами выделены основные направления работы в данной области, которые явились ориентирами для проектирования нами системы работы с детьми:

- ◆ формирование целеполагания, борьбы и соподчинения мотивов, планирования, самоконтроля в деятельности и поведении;
- ◆ развитие способности к волевому усилию;
- ◆ формирование произвольности в сфере движений, действий, познавательных процессов и общения со взрослыми.

Исходя из того, что эффективность развития волевых процессов (как, впрочем, и всех других психических процессов и состояний ребенка-дошкольника) определяется тем, насколько адресованное ребенку педагогическое воздействие опирается на учет его возрастных особенностей и возможностей, нами спроектирована программа 2 этапа инновационной деятельности, ориентированного на изучение уровня развития волевых процессов наших воспитанников.

В данной статье мы подробно остановимся на характеристике организации работы с детьми младшего дошкольного возраста.

Ориентируясь на осуществленный нами анализ пси-

хологических исследований, основными критериями развития волевой сферы детей 3–4-х лет мы выделили:

- ◆ сформированность элементарных правил поведения (волевых привычек), что проявляется в овладении ребенком простейшими культурно-гигиеническими навыками, соблюдении им правил элементарной вежливости, способности придерживаться игровых правил в дидактических и подвижных играх;
- ◆ сформированность волевых качеств; предполагающая проявление детьми самостоятельности при самообслуживании (при одевании, раздевании), соблюдая при этом определенную последовательность операций; настойчивости, что проявляется в способности ребенка доводить дело до конца (например, в игровой деятельности); организованности, предполагающей способность выполнять требования взрослого вместе со всеми и так же как все; самообладание, проявляющееся в способности отказаться от чего-нибудь приятного, а так же решимости сделать что-нибудь неприятное.

Для изучения уровня развития данных характеристик волевой сферы младших дошкольников мы использовали метод наблюдения, который позволил нам обеспечить реализацию принципа естественности поведения ребенка, поскольку наблюдение что предусматривает минимальное вмешательство экспериментатора в привычные повседневные формы поведения детей.

Следует отметить, что в целях "сбора" максимально емкой информации мы использовали наблюдение и в режиссерские моменты, и в свободной деятельности детей, и в рамках специально организованной непосредственной образовательной деятельности. При этом свое внимание мы акцентировали на следующих проявлениях детей:

1. Стремиться доводить начатое дело до конца.
2. Проявляет упорство при столкновении с трудностями.
3. Способен продолжать деятельность при нежелании, нехотении.
4. В диалоге со взрослым умеет услышать и понять заданный вопрос не перебивая говорящего взрослого.
5. Выполняет решения без напоминания.
6. Умеет сам найти себе занятие и организовать свою деятельность.
7. Стремиться самостоятельно, выполнить элементарные поручения.
8. При самообслуживании выполняет действия самостоятельно, при небольшой помощи взрослого или сверстника.

9. Соблюдает правил организованного поведения в детском саду, на улице.

10. Умеет действовать совместно в подвижных играх и физических упражнениях, согласовывать движения.

11. Владеет простейшими культурно-гигиеническими навыками (мыть руки перед едой, спокойно вести себя за столом, вытирать рот салфеткой и т.д.).

12. Соблюдает правила элементарной вежливости (здороваться, прощаться, благодарить: говорить "спасибо", "пожалуйста", называть взрослых на Вы, по имени-отчеству, попросить прощения – если обидел кого-то и др.).

13. Способен придерживаться игровых правил в дидактических и подвижных играх (действовать по сигналу, обращаться с просьбой, убирать игрушки на свое место, не кричать громко, не хныкать и пр.).

Степень выраженности проявления воли у детей младшего дошкольного возраста были оценены следующим образом:

- ◆ высокий уровень – 2 балла,
- ◆ средний уровень – 1 балл,
- ◆ низкий уровень – 0 баллов.

Результаты проведенного диагностического исследования детей 3–4 лет (в экспериментальном исследовании приняло участие 20 детей) показали, что менее всего у детей развито такое волевое качество как самообладание; у большей части детей (70 %) недостаточно развито и такое волевое качество как организованность; только 20% детей имеют высокий уровень развития на стойчивости.

Третьим этапом нашей инновационной деятельности явилось проектирование системы развивающих психолого-педагогических мероприятий с детьми.

Исходя из специфики дошкольного возраста, а именно того факта, что ведущим видом деятельности на данном возрастном уровне выступает игра, именно данный вид деятельности составил основу разработанной и реализованной в практике работы с детьми системы коррекционных мероприятий. При этом акцент мы делали на то, что в младшем дошкольном возрасте происходит постепенный переход от сюжетно-отобразительной игры к игре сюжетно-ролевой. Поэтому, создавая условия для сюжетно-ролевых игр детей, мы учили их придерживаться плана игровых действий (отображать несложный сюжет, включающий в себя ряд последовательных действий, принимать игровую роль и действовать в соответствии с ней и пр.).

С целью выработки правил взаимодействия (здоро-

ваться, прощаться, благодарить, обращаться с просьбой) обсуждали и проигрывали с детьми ситуации, связанные с организацией общения как со взрослыми, так и со сверстниками. Проявлению самостоятельности в воспроизведении игровых действий (самостоятельное планирование игровых действий, использование деталей костюмов для выполнения роли, использовать предметов-заместителей) способствовали игровые импровизации.

Для развития у младших дошкольников базовых волевых умений и навыков произвольного поведения мы использовали подвижные игры, которые способствовали обучению детей действовать согласованно, приучали их подчинять свои желания общим правилам. В силу того, что младшие дошкольники еще не могут запомнить большое количество правил и особенно последовательность их выполнения, педагог организовывал игры на основе 1–2 правил с элементами усложнения заданий, требующих или одновременных или поочередных действий, совершаемых по его сигналу.

Наряду с игровой деятельностью, нами активно использовались различные образовательные ситуации, которые приучали детей проявлять настойчивость, усидчивость и прочие волевые качества. Так, наблюдения в природе способствовали становлению у детей процесса организованного восприятия; чтение художественных и слушание музыкальных произведений – развитию волевой регуляции поведения (слушать до конца, не перебивать и т.д.); создание узоров и ритмических рисунков в изобразительной деятельности развивали умение удерживать цель заданий предлагаемых взрослым и т.д..

Таким образом, спроектированная нами система мероприятий, ориентированных на развитие волевых процессов у детей младшего дошкольного возраста включала в себя все возможные виды деятельности, где ребенок должен сдерживать свои побуждения и достигать поставленной цели.

Вместе с тем, эффект, на наш взгляд, может быть достигнут только лишь в условиях специально организованной предметно-развивающей среды. Именно поэтому нами были продуманы направления обогащения предметно-развивающей среды в группе по каждой образовательной области.

Образовательная область "Физическая культура". Предполагает наличие кубиков с картинками, изображающими разные физические упражнения, масок для организации подвижных игр, карт-схем с изображением последовательности расположения атрибутов для самостоятельного выполнения детьми физических упражнений (обруч, гимнастические палки для перешагивания, дуга для подлезания со стрелками).

В образовательной области "Здоровье. Безопасность" предметно-пространственная среда, на наш взгляд,

должна предусматривать широкий спектр алгоритмов организации процессов умывания, одевания, дидактические куклы "Мойдодыр", "Чистюля", коллекция предметов здоровья, рисунки и поделки по мотивам потешек, набор предметных картинок по гигиене, набор сюжетных картинок типа "Правильно – неправильно", "Опасные ситуации" и пр.

В образовательной области "Социализация" в целях создания условий для коррекции волевых процессов у детей мы ввели атрибуты для организации сюжетно-ролевых игр, несложные схемы (провести игровой персонаж по стрелкам), игрушки-персонажи для обыгрывания ситуаций, дидактические игры, направленные на ознакомление детей с правилами поведения, картинки, отображающие правила поведения детей и т.д.

В образовательную область "Труд" мы включили сюжетные картинки с изображением трудовых процессов, предметные картинки с простейшими орудиями труда, иллюстрации с ситуациями поведения в быту и труде, атрибуты для выполнения трудовых поручений.

Содержание образовательная области "Коммуникация" дополнили речевыми играми, игровыми персонажами, сюжетными картинками.

В область "Познание" ввели дидактические игры на составление геометрических фигур из 2–4 частей, на группировку, сравнение, схемы "Построй дом", " Найди домик", " Собери матрешку" со стрелками, мозаики, сенсорные модели, модели конструирования (3–4 варианта) дома, горки, грузового машины и т.п.

В образовательной области "Чтение художественной литературы" создали книжный уголок с набором книг, альбомов и иллюстраций, картин к художественным произведениям, ориентированных на ознакомление детей с правилами поведения, что также, на наш взгляд, может рассматриваться как создание условий для развития волевой сферы детей.

В образовательную область "Художественное творчество" включили образцы работ с последовательностью выполнения действий.

Образовательная область "Музыка" была пополнена альбомами с зарисовками последовательности выполнения движений в танцах и хороводах.

Проведенный нами промежуточный мониторинг, направленный на изучение динамики развития волевых процессов у детей младшего дошкольного возраста по итогам реализации (пусть частичной) разработанной нами программы, свидетельствует о позитивных изменениях:

- ◆ увеличилось до 52% количество детей с высоким уровнем владения культурно-гигиеническими навыками;
- ◆ количество детей, способных придерживаться игровых правил в дидактических и подвижных играх увеличилось с 15% до 20%;
- ◆ увеличилось до 72% количество детей с высоким и средним уровнями развития самообладания;
- ◆ высокий уровень развития способности выполнять требования взрослого вместе со всеми так же как все диагностирован у 39% детей (по сравнению с 7% на начало года);
- ◆ количество детей, имеющих высокий уровень развития самостоятельности увеличилось с 9% (в начале учебного года) до 52%.

Таким образом, системный подход к организации коррекционных мероприятий позволил нам оптимизировать процесс развития волевой сферы детей младшего дошкольного возраста, что мы рассматриваем как условие дальнейшего их полноценного развития.

Полученные нами результаты работы с детьми младшего дошкольного возраста позволяют также сделать вывод о том, что разработка и реализация подобной системы мероприятий, направленных на оптимизацию развития волевой сферы детей других возрастных уровней, а также проектирование и реализация работы с педагогами и родителями, то есть, – реализация всего комплекса коррекционно-развивающих мероприятий, обеспечит позитивные результаты не только в плане развития волевой сферы дошкольников, но и в плане их оптимального социально-личностного развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Психология личности и деятельности дошкольника. / Под ред. А.В. Запорожца, Д.Б. Эльконина. – М.: Издательство "Просвещение", 1965 – 294 с.
2. Урунтаева Г.А. Дошкольная психология: Учеб. пособие для студентов сред. пед. учеб. заведений. – 5-е изд., стереотип. – М.: Издательский центр "Академия", 2001. – 336 с.
3. Мониторинг в детском саду. Научно-методическое пособие. – СПб.: "ИЗДАТЕЛЬСТВО "ДЕТСТВО-ПРЕСС", 2010. – 592 с.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ В СИСТЕМЕ ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: КРИТЕРИИ И МЕХАНИЗМЫ ИЗМЕНЕНИЯ

PROFESSIONAL COMPETENCE IN THE ENGINEERING AND TECHNICAL ACTIVITIES: CRITERIA AND MECHANISMS FOR CHANGING

V. Aleshin

Annotation

The author's cognitive model based on a comparison of classical and modern ideas about technology and engineering. It allows you to organize information about the structure and dynamics of professional engineering activities that are essential for the process of mastering the professional culture in modern conditions. It is proved that the conceptual model of mastering professional culture, especially engineering, includes the entire set of both direct and indirect interactions of social and cultural institutions.

Keywords: professional competence of engineers, engineering and technical activities, the criteria and mechanisms of change in modern conditions.

Алешин Василий Иванович

Кандидат философских наук, профессор,
ГОУ ВПО Московский технологический
университет "Станкин"

Аннотация

Разработана авторская познавательная модель, построенная на сопоставлении классических и современных представлений о технике и инженерной деятельности. Она позволяет систематизировать сведения о структуре и динамике профессиональной инженерной деятельности, существенные для процессов овладения профессиональной культурой в современных условиях. Доказано, что концептуальная модель овладения профессиональной культурой, прежде всего инженерной, включает в себя всю совокупность как прямых, так и опосредованных взаимодействий социокультурных институтов.

Ключевые слова:

профессиональная компетентность инженера, инженерно-техническая деятельность, критерии и механизмы ее изменения в современных условиях.

На одном из международных конгрессов по инженерному образованию были определены базовые требования к выпускнику инженерного вуза. Уже 20 лет назад акцент был сделан на профессиональной компетентности, которая трактуется как владение совокупностью знаний общепрофессионального и специального характера, отвечающих современному уровню, а также соответствующая практическая подготовка.

Основными требованиями являются:

- ◆ профессиональная квалифицированность (сочетание теоретических знаний и практической подготовленности выпускника, его способность осуществлять все виды профессиональной деятельности, определяемые образовательным стандартом по направлению или специальности);
- ◆ коммуникационная готовность (владение литературной и деловой письменной и устной речью на родном языке; владение, как минимум, одним из наиболее распространенных в мире иностранных языков; умение разрабатывать техническую документацию и пользоваться ею, умение пользоваться компьютерной техникой и другими средствами связи и информации, включая телекоммуникационные сети; знание психологии и этики общения, владение навыками управления профессиональной группой или коллективом);
- ◆ развитая способность к поиску новых подходов в решении профессиональных задач, умение ориентиро-

ваться в нестандартных условиях и ситуациях, анализировать проблемы, ситуации, задачи, а также разрабатывать план действий; готовность к реализации плана и к ответственности за его выполнение;

- ◆ устойчивое, осознанное, позитивное отношение к своей профессии, стремление к постоянному личностному и профессиональному совершенствованию;
- ◆ владение методами технико-экономического анализа производства с целью его рационализации, оптимизации и реновации, а также методами экологического обеспечения производства и инженерной защиты окружающей среды;
- ◆ понимание тенденций и основных направлений развития науки и техники [см. 1, 14–15].

Профессиональная компетентность является необходимым, хотя и недостаточным условием профессиональной культуры. Понятие профессиональной культуры включает не только технико-техническую рациональность инженерно-технической деятельности, но и несенную с ней социокультурную компетентность, то есть осознание возрастающей взаимосвязанности и взаимозависимости системы "человек-техника-природа-социокультурная среда", понимание пределов и возможностей коэволюции. Не случайно понятие "коэволюции", появившееся в 1970-х годах в связи с теоретическими разработками проблемы взаимообусловленной эволюции организмов, находящихся в тесных экологических отношениях (например, эволюции хищника и его жертвы,

паразита и хозяина, растения и питающегося им животного) вышло далеко за первоначальные пределы. Оно оказалось созвучным концепциям самоорганизации и стало пониматься широко как взаимообусловленная, основанная на различных типах обратной связи, эволюция любых систем, и живых, и неживых, при этом важнейшее значение придается коэволюции между частями системы и всей системой в целом [2, 152].

Теоретической моделью коэволюционного, устойчивого развития может рассматриваться и концепция ноосферы В.И. Вернадского. Природное состояние биосферы – устойчивое неравновесие. Техногенная деятельность человека вносит в нее такие возмущения, которые нарушают эту устойчивость. Происходит рассогласование социума с миром окружающей природы. Если, однако, рассматривать биосферу как часть социоэкологической системы, то возможен сценарий, позволяющий сохранять ее устойчивость за счет введения отрицательных обратных связей.

Было бы исторически несправедливо утверждать, что понимание подобной взаимосвязанности пришло только теперь. Так, крупный русский инженер Петр Пальчинский, репрессированный в 1930 году как руководитель Промышленной партии, выработал определенный подход к рассмотрению технических вопросов, которому оставался верен в течение всей своей профессиональной деятельности. Он считал, что инженерные планы должны соотноситься с конкретными политическими, экономическими и социальными условиями. Препятствия к успешному промышленному развитию России, считал он, лежат не в области техники, но в политической, социальной, правовой и образовательной сферах. Протестуя против системы Тейлора, которую Ленин рекомендовал внедрять во всей России, он выдвинул в качестве альтернативы идею "гуманистической инженерии" [3, 18–19, 46], сущность которой заключалась в подъеме знаний рабочего до такого уровня, когда примитивные методы тэйлоризма, разработанные для неквалифицированных работников, окажутся ненужными.

Крупные инженерные провалы в России XX века продемонстрировали отсутствие способности технических специалистов мыслить на адекватном современному этапу цивилизационного развития уровне. Днепрострой, Магнитострой, Беломорканал, БАМ, стратегия в области атомной энергетики, которая состояла в том, чтобы строить очень крупные реакторы с использованием графитовых замедлителей, сосредоточивая их в одном месте (такого типа реакторы были отвергнуты почти во всех других странах в силу неустраиваемой нестабильности) – все эти проекты, которые и сегодня порой оцениваются как величайшие достижения советской эпохи – свидетельства ограниченных подходов к инженерно-технической деятельности, приведших к деградации природной среды и деструктивным социальным последствиям. Следует, однако, заметить, что такого рода проекты продолжают

иметь место и в сегодняшней реальности. Достаточно привести пример негативного опыта конверсии, предназначенной для вывода экономики из кризиса. Так, на военных заводах, вместо того чтобы сосредоточить усилия специалистов на производстве конкурентоспособной гражданской и бытовой недорогой техники, руководство продолжает настаивать на военных государственных заказах и не начинает модернизации производства. Совершенно очевидно, что из-за технологической отсталости и высоких издержек производства большинство оборонных заводов не смогут в ближайшее время выйти на мировые рынки. Имеет значение и традиционно низкая культура дизайна и эргономических требований к изделиям для населения. Более низкие цены на гражданскую продукцию, нехватка мощностей для массового производства и отсутствие службы маркетинга – именно из-за этого военные предприятия несут убытки и требуют новых дотаций. А тем временем тысячи высококвалифицированных инженеров, научных работников, рабочих вынуждены менять сферу деятельности. В 1994 году текучесть кадров в оборонной промышленности достигла 35%, причем вымывается именно тот слой, который определяет научно-технический потенциал предприятия [4].

Особого внимания требует космическая деятельность. Осознанное влияние космических флуктуаций на земные процессы активизирует протесты общественности против неограниченного освоения космоса. Действительно, продолжение использования космоса в прагматических целях чревато деструктивными последствиями. И хотя ученые и практики, работающие в этой сфере, все чаще фиксируют необходимость согласования гуманитарных и технических аспектов, все же, когда речь идет о конкретных научно-технических космических проектах, эти проблемы не только не получают теоретического и практического звучания, но даже и не ставятся в перечень задач. Так, программа проведения комплексных исследований по созданию перспективных международных космических систем и глобальных проектов, реализация которых предполагается в период после 2010 года, включает научно-технические, проектные, технико-экономические и организационно-правовые проблемы. Она содержит такие задачи, как анализ прогнозируемых масштабов и видов экологических угроз в начале XXI века, исследование путей создания отечественных космических средств для решения задач предупреждения, контроля и ликвидации последствий стихийных бедствий и экологических катастроф, создание космических средств удаления с Земли радиоактивных отходов, исследование долгосрочных национальных и глобальных потребностей в энергоснабжении и т. д. [4, 59–60]. Все это чрезвычайно актуально и перспективно. Однако не сделано даже попытки прогноза влияния такого рода глобальной программы на социокультурные изменения, связанные, например, с подготовкой и переподготовкой соответствующих кадров, региональным развитием и т. п.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что, не-

смотря на понимание необходимости инженерно-технического проектирования в рамках новой парадигмы социокультурной жизни отдельными профессионалами, существующая практика ограничивается устаревшими образцами и нормами профессионального поведения.

Современное техническое образование, составляющее основы профессиональной подготовки инженера, сфокусировано на передаче естественно-научных и математических знаний. Это позволяет специалистам контролировать их природное и предметное искусственное окружение. Что же касается закономерностей самой целенаправленной деятельности, то они изучаются фрагментарно, а знакомство с технологическими процессами носит локально-профессиональный характер. Между тем профессиональная подготовка, не обеспечивающая возможности выстроить многофункциональный алгоритм достижения цели, приводит к неоптимальным решениям и ограниченности видения их последствий. Если в рамках профессиональной инженерной культуры ценностный акцент будет смещен с абстрактного знания и поиска решений методом проб и ошибок на организацию системы теоретического, методологического и технологического аспектов профессиональной деятельности, это может привести к серьезным и полезным изменениям в инженерной деятельности. Тогда в дополнение к знанию о закономерных связях между объектами окружения профессионал сумеет оценить последствия предпринимаемых практических шагов. Этот недостаток может быть ликвидирован на уровне специального образования, обеспечивая повышение эффективности действий отдельной личности, что поможет минимизировать негативные последствия широкого использования технических систем [5].

Тезис о том, что универсальная алгоритмизация профессиональной деятельности исключает проявление творческих способностей личности, выдвигается наиболее часто. Заметим в этой связи, что научно разработанные и этически корректные стандарты, прежде всего, подчинены задаче сведения к минимуму деструктивных последствий деятельности субъекта в природном и искусственном окружении. Процесс разработки и реализации инженерных решений регламентируется системой поощрений и наказаний, обусловленной их социальной приемлемостью, тем самым исполнитель оказывается ограниченным жесткими рамками. Но это не исключает возможности варьирования и совершенствования качества решений, способов их разработки и реализации.

Разумеется, нормативная регуляция с ее системой позитивных и негативных санкций не исчерпывает и, более того, до конца не решает проблем дисциплины труда, которая может быть обеспечена лишь через усвоение оптимальных алгоритмов деятельности, подкрепленных этическими ценностями, связанными с организацией производства. Таким образом, этическая интерпретация оказывается важной в отношении к стандартизованному

алгоритму производственной деятельности. Высокоразвитые технологии должны использоваться с предварительной оценкой позитивных и деструктивных последствий такого использования. Иными словами, речь идет о совпадении социальной приемлемости и экономической целесообразности внедрения определенных технологий. То есть, профессиональная культура формируется в ходе соотношения целей, средств, результатов и последствий деятельности, осуществляемой в рамках отдельных технологических циклов.

Компьютерное моделирование различных алгоритмов и результатов инженерной деятельности позволяет своевременно определять и оценивать вероятные последствия технико-технологических проектов и решений и выбирать оптимальный вариант. Однако стремление решать новые задачи, исходя из усложняющихся моделей, приводит к необходимости в получении и обработке все более сложной и менее точной информации. Неточность, противоречивость, неполнота информации объясняется и несовершенством измерительных устройств, и тем, что во многих случаях эксперт является единственным источником сведений. Чем сложнее моделируемая система, тем быстрее уменьшается способность формулировать точные, рациональные суждения о ее поведении, вплоть до некоторого порога, за которым точность и смысл становятся взаимоисключающими.

Компетентный специалист должен свободно владеть алгоритмами профессиональной деятельности любого уровня сложности, разработанными на основе синтеза научных данных. Это и составляет базисный, фундаментальный критерий оценки профессиональной компетентности. В то же время следование производственным стандартам должно контролироваться самим работником в соответствии с нормативами профессиональной культуры.

Каждая профессиональная сфера обладает собственной системой регулятивных принципов, хотя у них есть и общие элементы, определяющие характерные особенности того или иного типа культуры. В качестве регулятивных установок в профессиональной деятельности некоторые авторы указывают воздействие исторически определенных эталонов инженерной деятельности, идеалов научно-технического знания на выбор исследовательских средств и методов, на способы построения теории и аксиологические ориентиры специалистов [см., например, 6; 7].

Однако в не меньшей мере на профессиональный эталон влияют специфические для того или иного сообщества социокультурные факторы, например, социально-политический общественный строй. Мы остановимся на двух других факторах, определяющих специфику профессиональной культуры.

Во-первых, создатель инженерно-технической про-

дукции является носителем одного из типологически своеобразных, специализированных типов профессиональной деятельности. Он разделяет присущий членам данной социокультурной группы социальный статус, характерные для них культурные нормы и ценности, профессиональные представления – то, что можно назвать "профессиональной идеологией", "этосом" данного сообщества. Здесь важное значение приобретает не только тот факт, что человек развивается не спонтанно и изолированно и осваивает выработанные в культуре способы манипулирования, оперирования вещами, но и то, что он усваивает способы исследования объекта, построения суждений о нем, его воспроизведения в символической форме.

Во-вторых, его становление в качестве профессионала находится под влиянием тех культурных кругов, слоев, групп, к которым он принадлежит и на которые ориентируется, складывающихся в них ориентаций, "шкал престижа", влияющих на индивидуальные предпочтения специалиста в отношении профессионального труда. Категория профессионального призвания – одна из самых важных для личности, так как труд является базовой, фундаментальной формой человеческой деятельности. Г. Зиммель подчеркивал: чтобы вообще можно было вести речь о профессиональном призвании человека, "необходима гармония – как бы она ни возникала – между строением и жизненным процессом общества, с одной стороны, и индивидуальными качествами и импульсами – с другой" [8, 25]. С давних пор существовало представление о том, что личности дифференцированы и общество расчленено на основе разделения труда. Из этого следует, что социально эффективная деятельность есть производная индивидуальных особенностей, позволяющих индивиду занять определенную социальную позицию (как писал Аристотель, одни предназначены "быть рабом", другие – "быть господином").

Учет индивидуальной и социокультурной специфики и конкретных форм их реализации позволяет уяснить некоторые особенности процессов освоения профессиональной культуры. Понятие "освоение" содержит в себе два аспекта: адаптацию к уже сложившимся нормам и ценностям профессионального сообщества и включение предмета профессиональной деятельности в систему понятий и представлений субъекта, выражение данного предмета не только в профессиональных, но и в обыденных формах его деятельности.

Инженерно-техническая деятельность может быть рассмотрена как совокупность рациональных, оценочных, практических процессов, происходящих в сложных, иерархически организованных структурах. Существует немало специальных работ, в которых рассматривается логика и последовательность инженерно-технической деятельности с позиций внутритехнической целесообразности. Приведем пример такого рода, раскрывающий последовательность этапов решения инженерно-техни-

ческой задачи:

- 1) проведение фундаментальных и примыкающих к ним поисковых исследований;
- 2) выявление конкретных закономерностей, исходных для планирования и создания техники (исследования в системе специальных технических дисциплин – "мононаук" типа электротехники, материаловедения, аэродинамики);
- 3) планирование развития техники (исследования в системе комплексных междисциплинарных технических наук);
- 4) создание экспериментальных и опытных образцов техники, а также обеспечение их серийного строительства (проектно-конструкторская и производственная деятельность – инженерная и научная);
- 5) решение вопросов эксплуатации и ликвидации образцов техники, когда это становится необходимым [9, 79].

Приведенный алгоритм можно рассматривать как идеальную модель классического типа инженерно-технической деятельности. Однако ограничение этой деятельности подобным подходом вряд ли можно считать нормой профессиональной компетентности уже сегодня, и тем более в постиндустриальном обществе. Инженер будущего уже сейчас должен обладать не только техническими знаниями, которые к тому же очень быстро устаревают. Позитивное развитие общества зависит от того, насколько инженерная деятельность определяется способностью оперировать сложными системами, в которых собственно "техническое" является фрагментом целого и отвечает критериям социальной, экологической приемлемости, структурной и этической совместимости технологии с общественными запросами и возможностями.

Актуальность данного требования обусловлена тем, что технологический потенциал, имеющийся в распоряжении человека, вырос до глобальных масштабов и, как мы уже отмечали, его проявления стали слабо контролируемы, что увеличивает степень риска использования техники для человека. А, следовательно, и число людей, которые могут подвергнуться риску, перманентно растет. Несомненно, с появлением ядерной энергии и других современных глобальных технологий возникла новая ситуация, в которой ключевой категорией профессиональной инженерной деятельности стала ответственность.

Ответственность за последствия инженерно-технической деятельности становится нормативным требованием к современной инженерной культуре.

В рамках профессиональной инженерной культуры теория должна коррелировать с практической деятельностью, а эффективность практической деятельности оцениваться в первую очередь по ее социокультурным последствиям. В этом случае "силы ответственного свершения не будут уходить в "автономную область культуры", и профессиональные действия в дополнение к

"элементарной биологической и экономической мотивировке" приобретут более широкие культурные, в частности, этические смыслы и значения. И тогда об инженерной культуре перестанут говорить, что здесь "все богатство культуры отдается на услужение биологического акта" [10, 123].

Нормативно-ценностные аспекты, проблемы гуманитарной оценки технических разработок, этическая ответственность и учитывающие общественную ситуацию основания оценок все более обозначаются в качестве неотложных открытых проблем. Техника в ее разработке и использовании не может далее ограничиваться ориентированностью на ценности полезности. Становится все более очевидным, что решение не только технических, но и этических проблем определяет уже сегодня наше будущее. Прежде этика была антропоцентрически направлена только на отношения между людьми и последствия индивидуального поведения. Теперь, когда с помощью техники появилась гениальная инженерия и другие технологии биотехнического вмешательства в законы наследственности или возможность тотального технократического контроля над обществом с помощью электронной вычислительной техники, проблема ответственности инженера приобретает иное звучание [11, 382–383].

Между тем освоение подобного рода нормативных и ценностных ориентаций в рамках профессии наталкивается на те культурные коды и традиции технического прогресса, которые наделяют его значением абсолютного блага и сохраняют свою силу и сегодня.

Техногенная цивилизация сформировала систему ценностей, утверждающих господство человека над природой. В рамках техносферы создаются и воспроизводятся образцы и поведенческие нормы, основанные на стремлении людей к целенаправленному преобразованию элементов окружения в соответствии со своими интересами и запросами. Эти ценности и нормы закреплялись и христианством со свойственным ему антропоцентризмом, и наукой, где природа рассматривается как материал для исследования и преобразования. И хотя во все времена существовала критика ограниченности подобного рода исследовательских программ, а экологические проблемы давно признаны в качестве глобальных, профессиональная инженерная культура все еще далека от их нормативного социально приемлемого решения.

Такие акценты в рамках классической парадигмы профессиональной инженерной культуры были обусловлены тесной корреляцией между технологическими новшествами и экономической эффективностью производства, а также тем, что негативные последствия антропогенных изменений природной среды не всегда заметны невооруженным глазом и потому не вызывают тревоги. С этими причинами бороться достаточно трудно: ни жесткое законодательство, ни убедительная информация не помогут, если нормативы социокультурной оценки не бу-

дут заложены в саму структуру инженерной деятельности.

Эта задача находится пока в стадии становления и от своего решения еще далека. Сложность заключается в том, что любой профессионал, имеющий дело с техникой и технологией, находится в достаточно острой противоречивой ситуации. Необходимость учета и предотвращения возможного риска бесконтрольного развития техники наталкивается на желание свободы профессионального поиска: наука и техника не могут развиваться в условиях какого бы то ни было принуждения и ограничения. И эту проблему в рамках только профессиональной компетентности инженера не решить. Поэтому основания для принятия профессиональным инженерным сообществом и отдельным инженером на себя ответственности за эти последствия следует формировать и наделять ценностным статусом в рамках профессиональной инженерной культуры.

Существуют и другие обстоятельства, характеризующие уже современный тип инженерного профессионализма, но также осложняющие проблему профессиональной ответственности. Так, профессиональные знания вырабатываются одними специалистами, а используются другими, а значит, знания деперсонализируются. Встает вопрос о том, как следует делить ответственность между разработчиком и пользователем технических средств. Меняются и требования к инженерному профессионализму: если прежде необходимо было уметь разработать, спроектировать и осуществить надзор за реализацией проекта самому, то теперь так же важно уметь найти информацию, необходимую для решения инженерной задачи. По мере наращивания компьютерных баз данных все больший объем времени профессионал тратит на пользование компьютером. Возникает компьютерная зависимость, и как следствие – ослабление научной поисковой деятельности по сравнению с комбинаторной деятельностью. Действительно, с развитием технологии происходит кардинальное изменение механизмов и условий прогресса техники и технических знаний. Главным становится не установление связи между природными процессами и техническими элементами, и не разработка и расчет основных процессов и конструкций создаваемого инженерами изделия, а разнообразные комбинации уже сложившихся видов исследовательской, инженерной и проектной деятельности, технологических и изобретательских процессов, операций и принципов.

Таким образом, в настоящее время сущность изменения в профессиональной инженерной культуре заключена в достижении соответствия профессиональной деятельности, ее потенциала, результатов и последствий критериям социальной эффективности и приемлемости. Лишь на этом пути могут быть выработаны корректные ценностные ориентиры и задан новый тип инженерной индивидуальной и групповой профессиональной деятельности, соответствующие задаче конструктивного решения социально значимых проблем.

Выводы

Разработанная нами познавательная модель построена на сопоставлении классических и современных представлений о технике и инженерной деятельности. Она позволяет систематизировать сведения о структуре и динамике профессиональной инженерной деятельности, существенные для процессов овладения профессиональной культурой в современных условиях.

1. Структурирующим началом, позволяющим в разнообразной инженерной деятельности выделить универсальные критерии инженерной профессиональной культуры, является техника, которая приобретает все более многомерный характер. Из набора разрозненных инструментов воздействия человека на отдельные элементы природного окружения она трансформировалась в техносферу, повлиявшую на шкалу культурных универсалий, создавшую новую среду обитания, изменившую ритмы и паттерны социокультурной жизни, образные представления, язык и т. п., и, следовательно, ставшую активной частью социокультурного пространства.

2. Специфика современного этапа техногенной цивилизации, его социодинамика, характеризующаяся процессами усложнения структуры техносферы, углублением расхождений между векторами движения техносферы и других фрагментов социокультурного пространства, возрастанием неконтролируемых деструктивных последствий технической деятельности, меняет требования и к инженерной компетентности, которая является необходимым, но недостаточным условием инженерной профессиональной культуры.

3. Современная инженерная профессиональная культура характеризуется следующими чертами:

- ◆ профессиональная компетентность, проявляю-

щаяся в сочетании теоретических знаний и практических навыков, что регламентируется установленными нормами и стандартами;

- ◆ профессиональная мобильность, способность быстро переучиваться и приобретать новые знания;
- ◆ развитая способность к поиску новых подходов к решению профессиональных задач, умение ориентироваться в нестандартных ситуациях;
- ◆ социокультурная компетентность, понимание закономерностей коэволюционного развития;
- ◆ ответственность за последствия инженерно-технической деятельности на всех ее этапах – от проектирования до эксплуатации;
- ◆ следование этическому кодексу, сформированному в профессиональном сообществе.

4. Концептуальная модель овладения профессиональной культурой включает в себя всю совокупность как прямых, так и опосредованных взаимодействий социокультурных институтов. Это означает, что в понятие инженерной культуры входит не только профессионализм в области техники и технологии, который базируется на частных, специальных научно-технических дисциплинах, но и способность инкорпорировать в профессиональную деятельность знания из экономической науки, истории техники, социально-научной и гуманитарной областей, а также из недавно сформировавшихся междисциплинарных сфер, таких, как системотехника и техническая прогностика. **Поэтому специалист-профессионал должен рассматривать свою деятельность не только в контексте непосредственно решаемых им задач, но и опосредованно – через связанные с ней области профессиональной культуры.**

ЛИТЕРАТУРА

1. Митин Б.С., Мануйлов В.Ф. Инженерное образование на пороге XXI века. М., 1995.
2. Концепция самоорганизации: становление нового образа научного мышления. М., 1994.
3. Грэхем Лорен Р. Призрак казенного инженера. Техника и падение Советского Союза. Harvard University Press. Cambridge, 1993. Рукопись.
4. Сенкевич В.П., Приклонский В.И., Семенов Э.Г. Долгосрочные прогнозы мировой космической деятельности и прогрессивные научно-технические решения в космической технике // Космос и человек. М., 1996. С. 53–60.
5. Багдасарьян Н.Г., Тихая-Тищенко И.Г. Этический императив профессиональной культуры инженера // Тезисы XI международной конференции "Логика, методология, философия науки". IX. М. –Обнинск, 1995. С. 30–35.
6. Баженов Л.Б. Строение и функции естественнонаучной теории. М., 1978.
7. Ляхович Е.С. О категории "идеал" в историческом познании // Уч. записки Томского ун-та. 1969. № 79. С. 17–25.
8. Зиммель Г. Эссе по проблеме: как возможно общество? // Вопросы социологии. 1993. № 3. С. 16–27.
9. Матвеев В.А., Степанов Б.А. Исследовательское планирование развития техники // Вопросы философии. 1986. № 8. С. 77–83.
10. Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники: Ежегодник. 1984–1985. М., 1996. С.80–160.
11. Ленк Х. Ответственность в технике, за технику, с помощью техники // Философия техники в ФРГ. М., 1989. С. 372–393.

ЯЗЫКОВЫЕ ИНТЕРАКЦИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

LANGUAGES' INTERACTION ON THE POSTSOVJET TERRITORIES IN THE CONTEXT OF THE MODERN SOCIAL TRANSFORMATIONS

N. Shelyakhina

Annotation

The article deals with the issues of interaction between minority languages and the interaction of minority languages and the national language. Currently the problems of self-identification, growth of national identity of ethnic minorities on the territory of Russian Federation are escalated. The language policy on the territory of autonomous republics and states of the CIS is examined in this context. Dependence of interethnic conflicts' growth on the linguistic policy in the region is emphasized.

Keywords: cultural interpenetration, language interaction, ethnic identity, language policy, national language.

Шеляхина Наталия Владимировна
к.соц.н., доцент, Саратовский
государственный технический
Университет

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы взаимодействия языков малых народов друг с другом и с государственным языком. В настоящее время обостряются вопросы самоидентификации, роста национального самосознания малых народов на территории РФ. В этой связи изучается языковая политика на территории автономных республик и в странах СНГ с этих позиций. Подчеркивается зависимость роста межнациональной напряженности региона от проводимой в нем языковой политики.

Ключевые слова:

взаимопроникновение культур; интеракция языков; этническая самоидентификация; языковая политика; национальный язык.

В современном мире в условиях формирования глобальной культуры взаимодействие языков представляется актуальной проблемой, внимание которой не уделяется в должной степени.

В данном исследовании предметом является конструирование нового глобального языка в процессе интеракции языков. В этой связи необходимым представляется изучение взаимодействия различных культурных паттернов, а также неизбежное взаимопроникновение, взаимообогащение языков в современных условиях.

Поскольку в настоящее время интенсифицируются процессы сближения, взаимодействия культур, возникает вопрос языковой коммуникации и, как следствие, вопрос проведения оптимальной языковой политики для регулирования данных процессов. В настоящее время наблюдается всплеск интереса к вопросам самоидентификации, самоопределения представителей различных этносов. В этой связи также возникает дилемма по поводу сохранения собственной культуры, а значит, и языка как основного ее компонента.

Этнолингвистическое развитие на территории сегодняшнего СНГ прошло сложный путь. В первой половине прошлого века вследствие языковой политики происходил вынужденный отказ от национальной письменности и переход на кириллицу многих этнических языков. Русский язык являлся языком национального общения. После распада СССР произошел всплеск интереса к своим кор-

ням, этнокультуре, наблюдается рост этнической самоидентификации; и в то же время изменяется роль русского языка на территории бывших союзных республик: в некоторых регионах проводится политика его вытеснения, сокращения сфер использования, то есть наблюдается языковая дискриминация.

Всплеск интереса к своим этническим корням наблюдается, например, у финно-угорских народов с их движением "Финно-угорский мир". Он сопровождается раздроблением общей финно-угорской семьи на малочисленные этносы: раскол произошел в мордовском этнонациональном движении на эрзянское и мокшанское; появились марийское движение, движение коми-ижемец, коми-войтыр и коми-язьвинцы.

В Эстонии в конце прошлого века вспыхивает движение сету, этноса, в советское время практически ассимилировавшегося с титульным населением.

В Архангельске – это возрождение национальной самоидентичности у поморов, в устье Печоры – русского этноса усть-уилемами.

Данные процессы сопровождаются проведением различных конгрессов, форумов, культурных мероприятий, изданием печатной продукции на национальных языках. Многие этносы выступают с обращениями в правительство с просьбой включить их в список малочисленных народов [1; с.57–66].

В данной связи результаты многих проведенных исследований, опросов позволяют говорить об общности выводов в различных смешанных этнически регионах. Естественно, чем больше включенность малого этноса в социально-культурный контекст российской среды, тем меньше сохраняется наследственная этничность, чем дольше представители малого этноса проживают в российском обществе, тем хуже они знают свои национальные языки. В частности, об этом говорит Ю.В. Арутюнян, приводя в пример армянский этнос как один из наиболее рассосредоточенных по миру. У армян, проживающих на территории РФ длительный период времени, этническое самосознание менее интенсивно, относительно недавние выходцы из Армении часто воспринимают межнациональные отношения в России как напряженные [2; С.58–66].

Ю.В. Арутюнян вводит термин суперэтничности, формирующейся на данном этапе развития современного общества. Кроме армян, суперэтничность или собирательное надэтническое образование формирует, например, американское общество. В прошлом аналогом данного феномена была модель советского общества.

Ученые В.А. Авксентьев и Б.В. Аксюмов считают, что Россия становится лишенной выраженной национальной субъективности, а значит, представляет пространство для манипулирования различными национальными движениями. По данным исследования Института социологии РАН за 2007 г., современное общество выступает как рассыпающийся песок, не позволяющий создать установки социальных конструкций, при этом элементы общества теряют свою идентичность.

Также фактору разобщения способствует отсутствие общей идеологии, целей и интересов [3; С. 24]. Регион Северного Кавказа сравнивается при этом с "зоной турбулентности", которая испытывает сложности при интеграции в общероссийское общество.

По данным опроса, проведенного в Иваново в 2008 г., неприязнь к кавказцам испытывает 36,2% русского населения, причиной этому 42,7% опрошенных называют неуважение со стороны кавказцев к мировоззрению дру-

гих национальностей [4; С. 84–100]. По данным исследования 2010 г. под руководством Л.М. Дробижевой, якуты ощущают себя больше якутами, чем россиянами, а русские в Якутии – наоборот. По сравнению с титульными национальностями в республиках у русского населения наблюдаются невысокие солидаристические установки. Среди объединяющих факторов по этническому признаку в республиках у титульного населения на первом месте находятся национальный язык, родная земля, культура, у русских ведущее место занимает единое государство [5; С.54].

В последние годы наблюдается тенденция роста этнической идентичности русских, как и рост их социальной самооценки после депрессивного состояния и низкой самооценки русских после распада СССР. Ученый делает вывод, что этническая идентичность русских зависит от политического контекста.

После распада СССР изменилась языковая ситуация и языковая политика на территории бывших союзных республик. Особенно характерной была ситуация в Украине при ее бывшем правительстве, когда начала проводиться целенаправленная политика ущемления и вытеснения русского языка из всех контролируемых сфер жизни. И это дало результаты: возросло число русских, идентифицирующих себя как граждан Украины, в первую очередь идентифицирующие себя по общему гражданству [6; С.91].

Ученый считает, что в настоящее время для русских Украины характерны "размытая" идентичность, с "комплексом неполноценности", ощущение себя "лишними гражданами" или "негражданами".

Таким образом, можно сделать выводы о конструировании новой языковой реальности на территории современного постсоветского пространства.

В зависимости от региона реализуется политика вытеснения языка малых народов, либо политика внедрения исчезающего языка в различные сферы жизнедеятельности, что не исключает возникновения межэтнических конфликтов из-за использования нетитульного языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шабаяев Ю.П., Садохин А.П., Шилов Н.В. Этнациональные движения в новой социокультурной реальности 2009 г. // СОЦИС. – 2010 г. – С.57–66.
2. Арутюнян Ю.В. Армяне – россияне сквозь призму этносоциологии // СОЦИС. – 2010 г. – С. 58–66.
3. Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В. Портфель идентичностей молодежи Юга России в условиях цивилизационного выбора // СОЦИС – С.18–27.
4. Белова Т.П. Городское пространство как сфера этноконфессиональных отношений // СОЦИС. 2011 г. – С.94–106.
5. Дробижева Л.М. Идентичность и этнические установки русских в своей и этноэтнической среде // СОЦИС. – 2011 г. – С.49–58.
6. Гордяненко В.Г. Положение русских в Украине и проблемы их идентичности // СОЦИС. – 2009 г. – С. 89–95.

ФУНКЦИИ АФФИКСА-ся В ГЛАГОЛАХ ДРЕВНЕРУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XI-XIII ВЕКОВ В ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

FUNCTIONS OF THE AFFIX -s'a IN VERBS OF THE ANCIENT RUSSIAN OF THE XI - XIII c. IN DIACHRONIE

G. Gnezdilova

Annotation

In our article we described meanings of the affix -s'a in the Russian and we determined several of them such as reflexion, reciprocity and medium. They are more characteristic for examples of the XI – XIII s. The medium's origine is analysed more carefully in the Ancient Indo-European because it was base for other meanings.

Keywords: transitive/intransitive verbs, affix, agent, patient, diathesis, reflexion, reciprocity, passivity, medium.

Гнездилова Гаянэ Альбертовна

*Аспирант, Таганрогский государственный
педагогический институт
имени А.П. Чехова*

Аннотация

В статье описаны значения аффикса -ся в русском языке. Выделены возвратное, взаимное и медиальное значения, наиболее характерные для эмпирического материала XI – XIII веков. Подробно рассмотрено происхождение медиа в древнем индоевропейском языке, который послужил основой для остальных, более частных значений.

Ключевые слова:

переходность/непереходность, аффикс, агенс, пациенс, диатеза, возвратность, взаимность, страдательность, медий.

Вопросом формообразования и словообразования при помощи аффикса **-ся** занимался В.В. Виноградов. По его мнению, первоначально невозвратная и возвратная форма глагола были формами одного и того же слова. Возвратная форма (в которой элемент **-ся** был некогда подвижным) обозначала то же действие, но замкнутое в его субъекте, не направленное на посторонний объект (мыть/мыться, бросать/бросаться, веселить/веселиться, уважать/уважаться, целовать/целоваться, запастись/запастись). Однако это синтаксическое соотношение должно было повлечь за собой и лексические различия. Как подчеркивает В.В. Виноградов, значения возвратных форм стали разнообразны и диффузны, так как в глагольных формах на **-ся** отразились разные падежные функции бывшего возвратного местоимения. Многие возвратные формы, развив самостоятельные значения, обособились от соответствующих невозвратных форм и стали отдельными словами. Эти грамматические отношения возвратности и невозвратности уже осложнены и смешаны разнообразными лексическими, словообразовательными функциями аффикса **-ся**. Значения и оттенки аффикса **-ся** зависят от лексических значений тех глагольных основ, к которым этот аффикс присоединяется. "Общая функция **-ся** – устранение переходности или усиление его непереходности – осложняется разнообразными оттенками соответственно лексической природе тех или иных разрядов глаголов, соответственно их семантической дифференциации" [1: 512].

В современном русском языке категория залога прежде всего выражается в соотношении возвратных и

невозвратных форм одного и того же глагола. В основе этого явления лежит синтаксическое свойство глагола воспроизводить оттенки одного общего грамматического понятия (отношения действия к субъекту и объекту) соотносительными формами – основной и производной, осложненной агглютинативным аффиксом **-ся**.

Основываясь на разнообразных значениях **-ся**, В.В. Виноградов построил свою типологию глаголов на **-ся**. В ней ученый дает описание групп глаголов, объединенных особым значением аффикса **-ся**.

Новизна и цель нашей работы заключается в диахронном подходе к эволюции глагольных образований на **-ся** через призму теории диатез [9: 2–26]. Именно поэтому лингвистическому анализу были подвержены глагольные формы с аффиксом **-ся**, начиная с материала современного этапа развития языка и следуя к более ранним письменным памятникам на русском языке.

Материалом данного исследования явились примеры из письменных памятников русского языка XI–XIII века ("Слово о полку Игореве", "Повесть временных лет"). Наш выбор пал именно на эти произведения, т.к., на наш взгляд, они отражают состояние языка той эпохи и в них представлены глагольные формы с аффиксом **-ся** с разнообразными значениями, которые были подвержены нашему анализу. За основу мы берем классификацию, разработанную В.В. Виноградовым, но также будем вносить собственные значения аффикса **-ся** соответственно полученным нами данным.

Анализ глаголов на *-ся* XI–XIII веков показывает, что, во-первых, наиболее (самым) распространенным значением аффикса *-ся* все еще остается возвратность, при том, что другие значения (страдательность, взаимность) почти отсутствуют; во-вторых, этому временному этапу свойственно двойное написание глагольных форм с аффиксом *-ся* – слитно и раздельно. Этот факт свидетельствует о том, что аффикс *-ся* некогда был самостоятельным словом и, соответственно, самостоятельной частью речи со своим значением, ср. с современным болгарским языком, в котором *-ся* (си) до сих пор является самостоятельной частицей [Аз наказвам себе си], а не частью знаменательного слова [11: 90–91].

Проиллюстрируем эту особенность примерами.

1. *Они же пережьгоша истопку, влезоша Деревляне, начаша **ся мыти*** (Повесть временных лет. С. 27).

Форма *"ся мыти"* имеет возвратное значение *"себя мыть"*. Если современный эквивалент выглядит как *"мыться (мыть+себя)"*, то в древнерусских текстах этот глагол представлен двумя словами *"ся мыти"*, где аффикс (местоимение) *-ся* стоит препозитивно по отношению к глаголу. Подобные примеры дают повод задуматься о начальной функции аффикса *-ся* и его этимологии.

Рассмотрим семантические группы глагольных форм с аффиксом *-ся*.

"Возвратность" является наиболее продуктивным значением аффикса *-ся* (~ 40%).

Подвергнем анализу следующие примеры, используя теорию исчисления диатез

2. *Полянам же живуцимь особе, якоже рекохом, сущим от рода Словеньска, и нарекошася **Поляне**, а **Деревляне** от Словен же, и нарекошася **Древляне*** (Повесть временных лет. С. 23).

Поляне нарекошася Поляне
 $Ag = Pat$
 Нарекли + себя

Деревляне нарекошася Древляне
 $Ag = Pat$
 Нарекли + себя

В данном предложении мы имеем наглядный пример возвратного значения аффикса *-ся*, при котором действие пациенса (*Pat*) направлено на агенса (*Ag*) и замыкается в нём.

3. *И победиша Деревляны, **Деревляне** же побегоша и затворишася в градех своих* (Повесть временных лет. С. 27). (Ср.: Тёма, благоразумно решивший было не показываться, стремительно выскакивает из засады и стремительно бросается к матери $Ag = Pat$ (Гарин–Михайловский. Детство Тёмы. Гимназисты. С. 13).

Деревляне затворишася

затворили + себя
 $Ag = Pat$

Агенса выражен грамматическим субъектом.

Анализ предложенных синтаксических единиц показывает, что глагольные формы с возвратным значением аффикса *-ся* имеют одинаковую диатезную формулу как на современном этапе, так и в примерах XI–XIII веков. Действие, исходящее от агенса, возвращается к нему и замыкается в нём.

Категория взаимности представлена лишь несколькими примерами в нашей картотеке данного периода (~20%).

4. *Бишася день, Бишася другый*

Третьяго дни къ полудню падоша стязи Игоревы (Слово о полку Игореве. С. 35).

Бишася -> бились -> били + себя -> били друг друга
(Войска) бились > Войско I било войско II
 $Ag I -> Pat I$
Войско II било войско II
 $Ag II > Pat II$

Если разложить глагольную единицу *"бишась"*, то получается сумма взаимных действий войска I и войска II по отношению друг к другу. В данном случае аффикс *-ся* – это совокупность двух направленных друг на друга действий. Таким образом, данная синтаксическая единица представляет собой яркий пример взаимного значения аффикса *-ся*.

Необходимо отметить, что взаимное значение аффикса *-ся* выражено в примерах типа *"бороться"*, *"биться"*, которые подразумевают наличие, как минимум, двух агентов.

Приведем ещё пример.

5. *... и браци [не бываху в них], но игрища межю селы, схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бесовьская* (Повесть временных лет. С. 24).

Браци схожахуся
 $Ag N$ сходились друг с другом
 $(Ag I + Ag II + ... Ag N) <-> Pat$

Агенса, выраженный существительным во множественном числе (браци), является суммой неопределенного количества деятелей. Глагольная форма содержит аффикс *-ся* со взаимным значением, т.к. она передаёт смысл словосочетания *"друг с другом"*. Диатеза этого предложения свидетельствует о том, что действие исходит как от агенса, так и от пациенса, т.е. они воздействуют друг на друга в равной мере.

На данном временном отрезке примеры со взаимным

значением становятся единичными.

Обратимся к достаточно многочисленной категории, выражающей, на наш взгляд, средний залог.

Медиальное значение аффикса –ся. В картотеке XI–XIII веков часто встречаются глагольные формы с аффиксом –ся, обозначающие психологическое состояние человека: плакать (оплакивать), смеяться, бояться, изумляться. Наличие аффикса –ся в таких словах скорее всего неслучайно, но четкой и однозначной семантики он не имеет.

Приведем пример с глаголом плакать.

6. *По трех днех умре Ольга, и плакася по ней сын ея, и внуци еяи людье вси плачем великом* (Повесть временных лет. С. 29).

*плакася по ней сын
оплакивал её сын (Ag) плачем*

Действие агенса (сын) направлено опосредованно на дополнение с предлогом (по ней). Можно предположить, что это дополнение и будет пациенсом в данном предложении. Таким образом, диатеза будет выглядеть таким образом:

Плакася сын по ней Ag -> Pat

Какую же роль играет аффикс –ся в этом конкретном случае?

Попробуем перефразировать это словосочетание.

Сын находился в состоянии плача по ней

Ag = Pat (возвратное состояние)

Она была оплакана сыном

Pat <- Ag (страдательное значение)

Итак, аффикс –ся приобретает разные значения в зависимости от конструкции (возвратная, страдательная). Но если мы подберем современные идентичные глагольные формы (плакать, оплакивать), то мы убедимся в отсутствии аффикса –ся. Наиболее древняя форма (*плакати ся*), на наш взгляд, с развитием языка претерпела изменения и на определенном этапе утратила аффикс –ся, который дисемантизировался. Представляется, что значение аффикса –ся, характеризующее состояние, наиболее приближено к среднему залогу, т.е. медию [ср. 5: 308].

Подобная форма употреблена и в другом предложении.

7. *И плакашася людие вси плачем великим, и несоша и погребоша его на горе* (Повесть временных лет. С. 26).

Обратим внимание на конструкцию этой синтаксической единицы, где семантика глагола (плакася, плакашася) усилена однокоренным дополнением в творительном падеже (плачем).

Рассмотрим это предложение подробнее.

Люди пребывали в состоянии плача

Ag -> Pat ?

Агенса выполняет действие, направленное на невыраженного пациенса, но его наличие подсказывает контекст.

Еще один пример с глаголом "плакать".

8. **Жены руския въсплакашась, аркучи...** (Слово о полку Игореве. С. 36).

"Слово о полку Игореве", будучи общепризнанным памятником восточнославянской письменности, занимает промежуточное место между предшественником – старославянским языком и последователем – древнерусским языком. Таким образом, по нашему мнению, в нем сохранились остатки "прародителя" и зачатки "потомка". Поэтому мы считаем приемлемым анализировать глагольные формы с помощью данных о старославянском языке.

Для построения диатезы необходимо проанализировать саму глагольную форму (*въс-плакаша-сь*). Обратимся к приставке, которая имела два основных значения в старославянском:

а) осуществление действия в обратном направлении (*въз-вратити, въз-дати "отдать"*);

б) указание на направленность действия вверх (*въз-ити "взойти", въз-ати "взять"*) [8: 331].

Второе значение было абстрагировано, получило семантику внешнего проявления, обнаружения состояния, высокой степени переживания (*въз-д-радоватися "проявить радость", въз-алькати "обнаружить чувство голода"*). Через это значение приставка въз- постепенно становится средством образования совершенного вида глаголов с отвлеченным значением.

Исходя из этого, форма *въсплакашась* соответствует форме заплакать или разразиться плачем совершенного вида.

Итак, *жены ...въсплакашась*

жены ... разразились плачем

Ag = Pat

В этом предложении этимология приставки помогла установить функцию аффикса –ся, который имеет значение "возвратности", поэтому агенса и пациенса связаны знаком равенства.

Таким образом, в рассматриваемый период существуют глагольные формы с аффиксом –ся, выражающие состояние.

Мы обнаружили некоторые примеры с глагольными формами, выражающими состояние испуга и страха. Считаем важным рассмотреть их.

9. ... не яз бо [Володимир] почал братью бити, но он; аз же того убоаявся придох на нь (Повесть временных лет. С. 30).

Анализ глагольной формы и этимология приставки поможет выявить значение аффикса *-ся*. Приставка *оу-* когда-то была предлогом и имела типичную для старославянского языка семантику близости (*оу града* 'около града'). Словоформу *убоаявся* трансформируем в следующее словосочетание "около боязни находится". Испытав исторические изменения, предлог слился с глаголом и перерос в префикс со значением предлога. Теперь построим диатезу.

[он] убоаявся
[он] около боязни находится
Ag = Pat

Таким образом, мы вновь встречаемся со "скрытым" возвратным (?) значением аффикса *-ся*, который мы обнаруживаем при детальном подходе к морфемам слова, в частности к приставке. Но та ли это возвратность, которую мы встретили и описали на современном этапе (XIX–XXI века)? Мы считаем, что подобные глагольные формы выражают медиальное значение.

Нами обнаружены примеры, в которых глагольная форма с аффиксом *-ся* выражает изумление, удивление.

10. Изумешася князи Рускии, кому их которому поехати, бысть бо их бецисленое множество (Повесть временных лет. С. 30).

По аналогии с предыдущими примерами глагол (изумешася) может быть заменен словосочетанием.

[10]. Изумешася князи Рускии > придались изумлению (или испытали чувство изумления) князи Рускии ...

Довольно сложно определить агенс и пациенс в этом предложении. Если агенсом является грамматическое подлежащее (*князи Рускии*), то на что или на кого направлено его действие? Если словосочетание *князи Рускии* является пациенсом, то кто или что их повергло в изумление?

Очевидно, что при идентификации значения аффикса *-ся* можно установить роли агенса и пациенса. Попытки понять семантику аффикса *-ся* (*Князи Рускии изумляли себя?* или *Князи Рускии были чем-либо (кем-либо) изумлены?*) не позволяют в полной мере определить значение глагола. На наш взгляд, действие (*изумешася*) исходит изнутри, проявляется инстинктивно без конкретного направления, в то время как возвратность и страдательность задают действию определенный вектор.

К данной категории можно отнести и следующий пример:

11. Олег же посмеася и укори кудесника, река... (Повесть временных лет. С. 26).

Агенс (*Олег*) выполняет действие совершенного вида, характерное для него самого, т.е. определить пациенса действия невозможно. Мы посчитали здесь целесооб-

разным обратиться к сравнительной этимологии данного слова, чтобы проследить наличие или отсутствие аффикса *-ся* в родственных языках. Глагол *смеяться* в современном русском языке имеет в основе праславянскую форму *smijati se*, от которой, в том числе, произошли древнерусское *смияти ся*, словенское *sme jati se*, чешское *smati se*. Если мы обратимся к дальним "родственникам" этой глагольной формы, то также найдем родственные слова в латышском [*sme^ju*], в древнеиндийском [*smayti*] и в среднеанглийском [*smilen*] [7].

Глагол, выражающий состояние (в данном примере состояние радости), не имеет пациенса, т.е. мы констатируем, что агенс пребывает в состоянии радости, но в то же время действие не замыкается на агенсе (т.е. не является возвратным), а это состояние присуще в данный момент агенсу. В очередной раз мы имеем дело со средним залогом.

Таким образом, мы считаем, что подобные примеры отражают медию, который выражает психическое состояние и эмоции человека. Попытаемся найти подтверждение нашей гипотезе в праиндоевропейском языке.

Средний залог: истоки происхождения. Во всех древних индоевропейских языках, засвидетельствованных во II и I тысячелетиях до н.э. – в хеттском, индоиранском, греческом, латинском и др. – отмечены залоговые противопоставления, выраженные различными сериями личных окончаний. Эти различия отмечены также в кельтских, на древнейшей ступени германских языков [2]. Древнеиндийский и греческий языки различают три залога – актив, медию и пассив. Однако в большинстве ветвей морфологически дифференцированы только два залога – актив и медиопассив. По мнению И.М. Тронского, создание специальных форм для пассива в греческом и санскрите представляет собой явное новообразование. Особой серии личных окончаний пассив не имеет также и в этих языках. Пассивные значения медию развиваются только со временем [6: 88]. Так, в гомеровском языке пассив находится еще на раннем этапе своего становления. В архаической латыни пассивная конструкция с агентом действия получила развитие лишь в аналитических формах системы перфекта и очень редко встречается при старых медиальных формах инфекта.

Итак, к общеиндоевропейскому состоянию можно отнести только дифференциацию актива и медию [См. 4: 30–67]. И.М. Тронский дает следующее определение медию: "Медию обозначает особое отношение между глагольным действием и его субъектом, близкое ко многим значениям русского "средневозвратного" на *-ся*, который, по обычному мнению, заменил собой древний медию" [см. 6: 88]. Он имеет во всех древних языках два основных значения. Одно – непереходное (греч. 'несу' – медию 'несусь', т.е. 'спешу'), а другое – значение действия, которое не только производится субъектом, но и возвращается к нему, происходит в его пользу или во вред ему. В синхронном плане значения эти могут рассматривать-

ся как подвиды некоего более общего значения: субъект медиального глагола мыслится внутри глагольного процесса в отличие от положения дела при активном глаголе, где субъект отделен от глагольного процесса.

Глагольный процесс, обозначаемый медиумом, связан со специфическим субъектом. Исследователи гомеровского языка обращали внимание на то, что подлежащим медиального глагола обычно является лицо или неотчуждаемая принадлежность лица – части тела, голос и т.д. То же имеет место в древнеиндийском языке, где вообще преобладает значение медиума как действия в пользу субъекта. Поэтому некоторые языковеды, в частности А. Мейе [3: 257], считали это значение основным для индоевропейского медиума. Но факты хеттского и греческого языков заставляют шире оценивать семантику медиума.

Чтобы лучше понять, что собой представляет средний залог, обратимся к вопросу о его происхождении. Древнейшими грамматическими категориями индоевропейского глагола, по А.Н. Савченко, были категории действия и состояния. Это нужно понимать в том смысле, что один и тот же процесс мог осознаваться и как действие, и как состояние, и в зависимости от этого выражался разными глагольными формами. Медиум образовался на базе категории состояния [4: 60–78].

Понятие состояния было значением не самого медиума, а предшествующей категории, из которой он развился. Существование медиума как залога началось с того времени, когда стало перерождаться значение состояния и переходить в другие. Формирование медиума происходило в процессе расщепления категории состояния на две, из которых одна приобретала залоговое значение, а другая – видовое.

Медий "прошел сложный путь развития в праиндоевропейском языке", и следы этого пути "отразились в разных языках по-разному" [5: 295]. Именно медий и был маркированной категорией, отражавшей "средний" залог.

Постепенно индоевропейские языки утрачивали способность выражать процесс (или факт) в одном и том же глаголе и как действие, и как состояние. Глаголы разделялись по своим лексическим значениям на глаголы действия и глаголы состояния. В глаголах действия начинала различаться переходность и непереходность. В протомедиуме значение состояния сменялось значением непереходности, и он становился медиумом [см. 5: 67].

В гомеровских поэмах полностью преобладает непереходное значение медиума. Так, медий от глагола 'держатъ' означает не 'держатъ для себя', а 'держаться, удерживаться'; 'разделять, пасти' – в медиуме 'пастись, кормиться, пользоваться, обитать' (но не 'пасти для себя'); 'двигать, гнать' – мед. 'гнаться, устремляться' и т.д. Значение совершения действия субъектом в свою пользу

имеют в медиуме обычно те глаголы, у которых оно непосредственно вытекает из лексических значений ('мстить', 'выбирать, отбирать'). Некоторые глаголы могут совмещать в медиуме несколько значений ('лить, сыпать'; 'защищать').

В хеттском языке основным значением медиума также является непереходное. Так, непереходные глаголы *ar-* 'стоять', *iya-* 'идти' имеют только медиальные окончания. Глагол *pai-* 'направлять, обращаться' в медиуме имеет значение 'направляться, обращаться'; *lazziya-* 'приводить в порядок' – мед. 'приходить в порядок, выздоравливать'; *aus-* 'видеть' – мед. 'являться, показываться'. Некоторые непереходные глаголы (*weh-* 'поворачиваться, обращаться'; *haliya-* 'стоять на коленях') бывают и с активным, и с медиальным окончаниями в одном и том же значении. Глаголы, выражающие состояния (*ki-* 'лежать', *ishahruwa-* 'плакать', *andaimpai-* 'печалиться', *duska-* 'радоваться', *nahsariya-* 'бояться', *irmaliya-* 'болеть'), имеют медиальные окончания. Значение совершения действия субъектом в свою пользу можно предполагать только у медиальных глаголов *usnesk-* 'покупать, нанимать', *halzai-* 'звать' и у глагола *es-*, который, кроме непереходного значения 'сестъ', имеет также значение 'занять, захватить, заселить'.

Таким образом, А.Н. Савченко приходит к выводу, что факты хеттского и греческого языков указывают на непереходность как основное значение медиума. Однако в праиндоевропейском это значение могло быть свойственно медиуму в какой-то степени на последнем этапе. Признать его исконным значением этой категории препятствует то обстоятельство, что, как показывают факты, в праиндоевропейском переходность и непереходность слабо различались в глаголах [5: 308]. Для выяснения первоначального значения медиума следует обратить внимание на *media tantum*, т.е. глаголы, имеющие только медиальные окончания.

В гомеровских поэмах к таким глаголам относятся многие непереходные, например, 'уходить, удаляться', 'лететь, нестись', 'убегать' и т.д. Но наибольшую группу *media tantum* составляют глаголы, обозначающие различные состояния, особенно состояния чувства и ума: 'хотеть', 'радоваться', 'печалиться, горевать', 'плакать', 'гневаться', 'бояться', 'любить', 'удивляться' и др. В гомеровских поэмах лишь пять глаголов *media tantum* обозначают действия, совершаемые субъектом в свою пользу: 'получать, принимать', 'брать', 'приобретать', 'хватать, брать', 'приносить, наливать вино'.

В санскрите *media tantum* также выражают состояния: *vepate* 'дрожит', *ihate* 'желает', *krpate* 'страстно желает, тоскует, печалится', *modate* 'радуется', *bhamate* 'гневаться', *cakame* 'любить'. Некоторые *media tantum* обозначают переходные и непереходные действия.

В хеттском трудно выделить *media tantum*, потому что

в имеющихся текстах многие глаголы представлены не во всех своих формах, но из тех глаголов, которые встречаются в текстах только с медиальными окончаниями, два обозначают непереходные действия – *ar-* 'стоять' и *iya-* 'идти', остальные – состояния.

Таким образом, характерным для *media tantum* является значение состояния.

Итак, глагольные формы с неопределенным значением аффикса *-ся* в русском языке, приведенные нами в начале статьи, выражают медиальное значение. Необходимо напомнить, что примеры относятся к XI–XIII векам,

поэтому мы можем констатировать наличие медиальности (в современном русском языке медиальности как залог не существует). Наиболее наглядными являются словоформы, выражающие состояния (радость, страх, удивление, печаль и др.). Историческая реконструкция индоевропейского праязыка свидетельствует о том, что глагольная категория состояния послужила базой для медиальности, т.е. исконное значение медиальности есть состояние [ср. 5].

Отличительной чертой медиального глагола (в греческом, хеттском, санскрите) отмечают непереходность, которая сохранилась и в русских словоформах (*изумляться, плакаться, удивляться, убояться*).

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1986. – 784 с.
2. Гухман М.М. Развитие залоговых противопоставлений в германских языках. М., 1964. – 292 с.
3. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М., 1938. – 512 с.
4. Савченко А.Н. Происхождение среднего залога в индоевропейском языке. Ростов-на-Дону, 1960.
5. Савченко А.Н. Сравнительная грамматика индоевропейских языков. М., 2003. – 416 с.
6. Тронский И.М. Общеиндоевропейское языковое состояние. Вопросы реконструкции. М., 2004. – 104 с.
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1964–1973.
8. Хабургаев Г.А. Старославянский язык. М., 1974. – 431 с.
9. Холодович А.А. Залог (определение и исчисление). // Категория залога (материалы конференции). Л., 1970. С. 2–26
10. Gonda J. Reflections on the Indo-European Medium. *Lingua*, v.IX, 1960.
11. Пашов П. Практическа българска граматика. София, 1989. – 375 с.

© Г.А. Гнездилова, (khotmyaki@mail.ru), Журнал «Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики»

XVIII Международная выставка-конгресс

**ВЫСОКИЕ ТЕХНОЛОГИИ.
ИННОВАЦИИ. ИНВЕСТИЦИИ
(HI-TECH'2012)**

13–15 марта, Санкт-Петербург

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СЕМНОГО ОПИСАНИЯ СЕМАНТИКИ СЛОВА

(на материале наименований лиц в русском и английском языках)

THEORETICAL AND APPLIED PROBLEMS OF WORD SEMANTIC DESCRIPTION WITH SEMES (based on Russian and English persons' nominations)

E. Maklakova

Annotation

The aim of this study is to present the description of linguistic units serving to denote persons' nominations by means of the specially worked out unified metalanguage. The description of Russian sememes and their corresponding English translations for the purpose of their contrastive analysis and receiving data about national specific features of their semantics is suggested to carry out with the aid of the unified semantic description methodology. The results of such description of words and phrases may be used in lexicography.

Keywords: person's nomination, unified metalanguage of description, seme, sememe, contrastive analysis, semantic indicator, seme's definer.

Маклакова Елена Альбертовна
к. филол. н., доцент, Воронежская
государственная лесотехническая
Академия

Аннотация

Целью данного исследования является семное описание семантики языковых единиц, служащих для обозначения наименований лиц, посредством специально разработанного унифицированного метаязыка. Семное описание семем русского языка и их английских переводных соответствий с целью их последующего контрастивного анализа для выявления национальной специфики их семантики предлагается проводить посредством методики унифицированного описания семантики. Результаты такого семного описания слов и словосочетаний могут быть использованы в лексикографии.

Ключевые слова:

наименование лица, унифицированный метаязык описания, сема, семема, контрастивный анализ, семантический признак, семный конкритизатор.

Представление о системности языка и структурный подход к лексическому значению явились важными достижениями лингвистики прошлого века, которые предшествовали разработке коммуникативного подхода к значению слова и расширению имеющихся представлений об объеме его значения.

В лингвистической семантике продуктивной явилась мысль о том, что план содержания языкового знака членится на минимальные единицы, которые были названы разными исследователями по-разному: фигуры плана содержания (Л. Ельмслев), семы (А.Ж. Греймас, Д.Н. Шмелев), аллосемы (У. Гуденаф), семантические признаки (Ф. Лаунсбери), семантические компоненты (Дж. Лайонз), семантические маркеры (Дж. Кац, Дж. Фодор), элементарные смыслы (Ю.Д. Апресян), семантические множители (А.К. Жолковский, И.А. Мельчук, Ю.Н. Караулов), дифференциальные признаки (И.В. Арнольд), семантические примитивы (А. Вежбицка), компоненты значения (Н.Г. Долгих). Из всех наименований наиболее употребительным оказался термин сема, который встречается как в работах отечественных (В.Г. Гак, Д.Н. Шмелев, А.А. Уфимцева, З.Д. Попова, И.А. Стернин, О.Н. Селиверстова, Е.В. Падучева и др.), так и зарубежных лингвистов (А.Ж. Греймас, Ю. Найда, К. Болдингер, Б. Потье и др.), что, вероятно, объясняется его лаконичностью и этимологическими связями с другими более широкими понятиями: семантика, семасиология, семема.

Несмотря на частные различия, в целом ученые сходятся в том, что сема – это минимальная единица лексического значения (далее ЛЗ). Так, И.А.Стернин определяет её как "семантический микрокомпонент, отражающий конкретные признаки обозначаемого словом явления" [17, 44], Л.А.Новиков – как "минимальную предельную составную часть (компонент) элементарного значения" [10, 116], А.С.Кравец – как "семантические компоненты смысла слова, его обобщенные дискретные единицы" [6, 20].

Дифференциальный принцип выделения компонентов значения через системные парадигматические оппозиции, который приводит к созданию дифференциальной модели значения, предполагающей, что значение состоит из небольшого числа компонентов, на современном уровне развития лексической и фразеологической семной семасиологии уступает место отражательной концепции значения, которая предполагает, что в значении отражается широкий круг признаков, ядерных и периферийных, проявляющихся у предмета в разных ситуациях. Значение слова представляется как определенным образом организованная структура, состоящая из семантических компонентов, различающихся по типу, яркости и статусу и упорядоченных по принципу ядра и периферии [12, 17, 18].

Немаловажен вопрос и о том, какое значение подле-

жит описанию. В.В. Виноградов ЛЗ определяет так: "предметно–вещественное содержание, оформленное по законам грамматики данного языка и являющееся элементом общей семантической системы словаря этого языка". Л.С. Ковтун отмечает: "Значение слова – это реализация понятия средствами определенной языковой системы". Еще одно, считающееся классическим и традиционным, определение ЛЗ того же времени принадлежит А.И. Смирницкому: "Значение слова есть известное отображение предмета, явления или отношения в сознании, входящее в структуру слова в качестве так называемой внутренней его стороны, по отношению к которой звучание слова выступает как материальная оболочка, необходимая не только для выражения значения и для сообщения его другим людям, но и для самого его возникновения, формирования, существования и развития".

Обобщая данные определения, можно сделать вывод, что ЛЗ – это 1) понятие о предметах реального мира (соотнесенность с предметом и понятием о нем, или предметно–понятийная отнесенность слова), 2) оформленное фонетически и грамматически (т.е. заключенное в слове), 3) элемент лексико–семантической (и грамматической) системы языка.

Принято считать, что описанию в семасиологии подлежит системное или общезыковое значение, под которым "следует понимать совпадающую часть семантических компетенций всех носителей языка", не исключая научные и бытовые знания, в той степени, насколько они общеизвестны [17, 32]. Именно это значение обеспечивает взаимопонимание между носителями языка в процессе коммуникации.

Для описания значения необходимо и понятие актуального смысла слова – совокупности коммуникативно релевантных сем в конкретном акте речи. Причем актуализация понимается как соотнесение значения с реальным единичным предметом или представлением, что обусловлено включением слова в коммуникативный акт: "Образование актуального смысла слова представляет собой контекстуально обусловленное семное варьирование значения, которое заключается в актуализации коммуникативно релевантных компонентов системного значения слова" [17, 106].

Общеизвестно, что ЛЗ обусловлено рядом как лингвистических, так и экстралингвистических факторов, к которым относятся, в первую очередь, реальная действительность (отношение к предмету), мышление (отношение к понятию), языковая система (отношение к языку), а также эмоционально–оценочное отношение человека к обозначаемому или прагматика, лингвокультурный аспект значения – их совокупность и составляет основу структуры ЛЗ, или его компонентного состава.

Под компонентом понимается, таким образом, составляющая ЛЗ, обусловленная определенным факто-

ром, или аспектом его рассмотрения. В отличие от более мелких компонентов или сем, эти компоненты обычно считают мега– и макрокомпонентами.

Методику выявления элементов, составляющих значение единицы, вслед за ее основателями У. Гуденафом и Ф. Лаунсбери стали называть компонентным анализом [15, 16, 19, 7, 13, 12].

Известно, что одним из способов выявления сем является анализ словарных дефиниций. Взгляд на словарное толкование как на перечисление семантических компонентов лексического значения и, следовательно, как на скрытый в нем потенциал компонентного анализа, существует в семасиологии уже с 60–х годов, найдя теоретическое обоснование в работах И.В. Арнольд, Е.Ф. Арсентьевой, Ю.В. Караулова, А.М. Кузнецова, Э.В. Кузнецовой, В.В. Левицкого, С.Г. Шафикова и мн.др.

К сожалению, в последнее время в лингвистике исследования в области семной семасиологии и особенно типологии сем фактически прекратились, в то время как широкое использование когнитивных и экспериментальных методов показывает, что типы сем гораздо более многочисленны, чем выделенные на этапе становления компонентного анализа.

Семный принцип описания семантики слова, хотя и был продекларирован лингвистами прошлого века, так и не стал принципом практического описания семантики слова в словарях, как одноязычных, так и переводных. Дальнейшие исследования в области семной семасиологии, как принципа описания значения слова в теоретической лингвистике и практической лексикографии, представляют сейчас актуальную научную задачу.

Согласно нашим исследованиям, материалом для которых послужили свыше 7,5 тысяч наиболее частотных и в основном полисемантических лексических и фразеологических наименований лиц русского языка (около 20 тысяч значений), полученных в результате сплошной выборки из толковых словарей русского языка С.И. Ожегова, Д.Н. Ушакова, словарей под редакцией Н.Ю. Шведовой, С.А. Кузнецова, "Словаря синонимов русского языка" под редакцией А.П. Евгеньевой, "Частотного словаря современного русского языка" С.А. Шарова (электронная версия), "Лексико–фразеологического словаря русского языка" А.В. Жукова, "Фразеологического словаря русского языка" под редакцией И.В. Федосова, "Фразеологического словаря русского литературного языка" А.И. Фёдорова, "Словаря русской фразеологии" под редакцией В.М. Мокиенко, "Толкового словаря названий женщин" Н.П. Колесникова и около шести тысяч их переводных соответствий в английском языке по материалам наиболее авторитетных толковых и переводных лексикографических источников, а именно: Англо–русский фразеологический словарь А.В. Кунина, American Heritage Dictionary of the English Language, Collins Paperback Dictionary and

Thesaurus, Longman Dictionary of English Language and Culture, The Oxford Dictionary of Current English, Ridout R. & Witting C. English Proverbs Explained, The Wordsworth Dictionary of Phrase and Fable, был разработан унифицированный метаязык семного описания значения слова или фразеологического сочетания для одного из крупнейших лексико-фразеологических разрядов в двух языках [8], который имеет следующий вид:

◆ **денотативные семы:** архисема (лицо, совокупность лиц), сема пола (мужской пол, женский пол, мужской или женский пол), интегральная сема тематической группы (89 сем), доминирующие дифференциальные семы;

◆ **коннотативные семы:** оценочные (одобрительное, неодобрительное, неоценочное), эмоциональные (неэмоциональное, положительно-эмоциональное, шутовское, восторженное, ласкательное, сочувственное, отрицательно-эмоциональное, презрительное, пренебрежительное, уничижительное);

◆ **функциональные семы:** стилистические (книжное: высокое, поэтическое, официально-деловое, межстилевое, разговорное, сниженное: просторечное, сленговое, жаргонное, грубое, бранное), социальные (общенародное, социально ограниченное: техническое, юридическое, военное, театральное и т.д.), темпоральные (новое, современное, устаревающее, устаревшее), территориальные (территориально ограниченное: с конкретизацией территориальной ограниченности, общераспространенное), частотные (высокоупотребительное, употребительное, малоупотребительное, редкое, неупотребительное), политкорректности (политкорректное, неполиткорректное, табу политкорректности), тональности общения (тонально-нейтральное, почтительное, вежливое, дружеское, фамильярное, тонально-недопустимое).

Использование унифицированного метаязыка описания семантики слова на уровне сем следует, на наш взгляд, также рассматривать и в качестве основополагающего лексикографического принципа, применение которого возможно как в рамках одного языка, так, при условии межъязыковой унификации, и при описании семантики слов двух сопоставляемых языков.

Следует подчеркнуть универсальный характер предложенного в работе семного метаязыка описания слов и словосочетаний, посредством которого возможна унификация семного описания наименований лиц всех типов номинации, в том числе и переносных значений, которые отличаются значительной частотностью и входят в состав многозначных лексем, например: "Бас, оказавшийся огромным дядей с огненной лысиной, легко приподнимает над столом завизжавшую, забившую руками и ногами соседку" (В. Г. Распутин. Новая профессия, 1998), бас семема-2 – лицо, мужской пол, обладает самым низким мужским голосом.

Подобным же образом фиксируется и семный состав общеязыковых метафор, которые часто употребляются при описании наименований лиц и, представляя собой разновидности значений многозначных слов, регулярно входят в состав дефиниций толковых словарей, а также семная структура фразеологических единиц, в том числе и полисемантических, например: "Какая это там амеба из простейших так высказалась?" (Л. Кассиль. Конduit и Швамбрания, 1928–1931), амеба семема-2 – лицо, мужской / женский пол, отличается отсутствием воли и бесхарактерностью; "Ты мне брось, каланча пожарная, пугать людей!" (М.Бубеннов Белая береза, 1942–1952), пожарная каланча – семема-2 – лицо, мужской / женский пол, отличается очень высоким ростом; выжатый лимон – семема-1 – лицо, мужской / женский пол, отличается утратой своих физических сил; семема-2 – лицо, мужской / женский пол, отличается утратой своих творческих способностей;

В исследовании представлено семное описание полисемантических наименований лиц, которые не имеют формы множественного числа и при этом в форме единственного числа обладают как собирательным значением, так и значением единичного лица, например: богема, быдло, отребье, родня, позорище, шантрапа, шпана. Например: "Ох, если бы дело было так просто, что простым промером можно было бы определить, где гений, где преступник, где просто золотая посредственность!" (Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом, 1943–1958), семема-1 – лицо, мужской / женский пол, заурядный, ничем не выделяющийся; "Культуру заполнила посредственность и не пуцала по-настоящему даровитых ребят" (П.Сиркес. Труба исхода, 1990–1999), семема-2 – совокупность лиц, мужской / женский пол, заурядные, ничем не выделяющиеся.

Также в процессе унификации семного описания лексических и фразеологических наименований лиц учитываются полученные в исследовании данные о совместности и несовместности сем в семантике слова, которые включены в таблицу в виде оппозиций сем.

На основе полученных результатов исследования было предложено расширить и терминологический аппарат семной семасиологии.

С учетом дискретности семы как микрокомпонента значения, в состав которого входят семантический признак и семный конкретизатор [17, 37], в исследовании было выявлено, что в семантике наименований лиц различают автономные, закрытые и открытые семантические признаки.

Открытые семантические признаки, для которых характерно наличие значительного или практически неограниченного количества семных конкретизаторов, фиксируются, например, такими семемами, как: лингвистическая принадлежность (говорит на русском, английском, польском, японском и т.п. языке), мировоззренческая по-

зиция (придерживается взглядов материализма, атеизма, анархизма, демократизма и т.п.), специальные знания (владеет знаниями в области астрономии, биофизики, геологии, энергетики и т.п.).

Семы, используемые для описания закрытых семантических признаков, как правило, содержат в своем составе антонимичные семные конкретизаторы (без определенной цели – с определенной целью, добросовестно – небрежно, постоянно – временно и т.п.) или семные конкретизаторы с градуальным противопоставлением (необыкновенно высокий – высокий – среднего роста – естественно маленького роста и т.п.).

Автономные семантические признаки, конкретное содержание которых зависит от контекстуально наводимого семного конкретизатора, всецело определяются контекстом или коммуникативной ситуацией. Например, семантические признаки *возраст* и *пол* у большинства наименований лиц, которые обозначаются существительными общего рода (*грязнуля, кривляка, злюка, колуша, сирота*), являются автономными.

Понятие *неединственности метаязыкового* описания обосновано в исследовании не только для вышеназванных сем, но и для целых макрокомпонентов значения, которые в словарных дефинициях обычно приводятся в виде вариантных сем путем перечисления через запятую или союзы *или*, а также, а в речи актуализируются только в одном из своих вариантов. Например, одно из значений слова *китаец* (представитель китайской нации; житель, уроженец Китая) после унификации семного описания принимает вид: *лицо, которое принадлежит к китайской нации и / или проживает в Китае и / или родом из Китая / а также является гражданином КНР / говорит на китайском языке*, что может обозначать:

1) или лицо, которое "принадлежит к китайской нации, родом из Китая, проживает в Китае, является гражданином КНР, говорит на китайском языке";

2) или лицо, которое "принадлежит к китайской нации и родом из Китая";

3) или лицо, которое "принадлежит к китайской нации и проживает в Китае";

4) или лицо, которое "принадлежит к китайской нации";

5) или лицо, которое "проживает в Китае";

6) или лицо, которое "родом из Китая";

7) или лицо, которое "родом из Китая и проживает в Китае" и т.п.

Отметим, что в подобных случаях выбор необходимого набора дизъюнктивных дифференциальных сем напря-

мую определяется только контекстом. Наибольшей частотностью при подобной дизъюнкции в семантике наименований лиц обладают семантические признаки *генетическая, гражданская, лингвистическая, национальная, территориальная принадлежность*, которые и следуют описывать подобно приведенному выше примеру.

В связи с этим в исследовании предложено различать совместимую дизъюнцию, которая проявляется в виде реализующегося в речи набора сем, и несовместимую дизъюнцию, когда при актуализации семы в коммуникативном акте возможен выбор только одного из составляющих сему семных конкретизаторов:

– *лицо (или совокупность лиц), переселившееся или переселяемое с постоянного места жительства, (покинул своё отечество) вынужденно или добровольно*. В этом случае для описания семантического признака используется альтернативная сема.

Следует отметить, что понятие системности языка конкретизируется в современной лингвистике в концепции полевой модели языка (И. Трир, В. Порциг, Л. Вайсгербер), ценность которой также заключается в том, что она может быть применена в качестве общего приема анализа языковых явлений и категорий, в том числе и ЛЗ.

Применительно к лексикону полевая концепция проявляется, например, в организации лексики в ЛСП по принципу ядра, ближней и крайней периферии при помощи идентификатора, чаще всего представляющего собой искусственное словосочетание, и посредством выделения одного интегрального признака у слов или словосочетаний обычно одной части речи. Семеме также рассматривают как полевую структуру, к ядру которой принадлежат основные, постоянные, эксплицитные, яркие семы, а к периферии наоборот, – второстепенные, вероятностные, слабые.

Ядерные семы составляют основу семемы, они дают возможность семеме вступать в системные отношения с другими семемами в лексической системе языка. За счет периферийных сем обеспечиваются номинативные потенции семемы и экспрессивность словоупотребления. Ядерные семы лексических значений выявляются посредством анализа словарных дефиниций, периферийные же семы выявляются преимущественно анализом контекстов употребления слов.

В работе применяется *полевой подход* к описанию значений слов и словосочетаний, служащих для обозначения наименований лиц. Он заключается в том, что на уровне семемы в целом отношения ядро – периферия образуют лексический и структурно-языковой мегакомпоненты значения; в то время как денотативный макрокомпонент обычно считается ядерным в составе лексического мегакомпонента значения, так как передает основную коммуникативно-значимую информацию.

На уровне микрокомпонентов значения к ядру семемы в данном исследовании относим *архисему* и *интегральные семы принадлежности к тематической группе*. В ядро семемы или в её ближнюю периферию могут войти и очень яркие коннотативные (наименования лиц общего мелиоративного / общего инвективного характера) или функциональные семы (архаизмы, историзмы), так как "значимость, яркость семантического признака для языкового сознания является важнейшим признаком, позволяющим отнести тот или иной семантический компонент к ядру значения" [16, 11–14], что иллюстрируется следующими примерами:

– ангел во плоти семема–1 – лицо, отличается кротостью, чуткостью, нравственной чистотой, одобрительное, восхитительное;

– семема –2 – лицо, маскирует свои отрицательные качества, неодобрительное, ироничное; буденовец – лицо, воевал в Первой Конной армии С. М. Будённого, в годы гражданской войны, в России;

– пионер семема–3 – лицо, в возрасте от 10 до 15 лет, входил в состав детской организации, в СССР.

В исследовании также анализируются такие внутрисемемные отношения сем, как: иерархические, детерминантные, доминантные и синтагматические. Принцип иерархии сем в структуре семемы проявляется в последовательном подчинении семантических компонентов разного уровня абстракции, на нем основана и предложенная нами методика унификации семного описания наименований лиц.

Детерминантные отношения констатируются как внутри одного макрокомпонента значения, так и между семемами разных макрокомпонентов значения, и особенно часто выявляются при анализе семантики русских феминизмов, которые характерны в значительной степени для разговорной сферы общения, например: инспектор мужской пол, межстилевое – инспекторша женский пол, разговорное; генерал мужской пол, межстилевое – генеральша женский пол, состоит в браке с генералом; разговорное. Анализ эмоционально-оценочных слов и словосочетаний по детерминантным отношениям коннотативных сем оценки и эмоции показал, что они могут характеризоваться их разной сочетаемостью, которую можно свести к двум основным разновидностям: наименования лиц с совпадающей эмоциональной и оценочной семантикой – согласованная коннотация (возлюбленная не-оценочное, незэмоциональное; старушонка неодобрительное, презрительное; кукла неодобрительное, пренебрежительное); наименования лиц с несовпадающей эмоциональной и оценочной семантикой – несогласованная коннотация (девчушка не-оценочное, ласкательное; распутник неодобрительное, незэмоциональное).

Исходя из постулата о том, что яркость и слабость отдельных микрокомпонентов в структуре значения создает основу для развития между семемами одной и той же се-

мемы отношений такого типа, когда наиболее существенные из сем оказываются в доминирующем положении на фоне других, менее важных и более слабых, в исследовании был сформулирован и апробирован прием негативации семантики, который позволяет выявлять семы-доминанты в семантике отдельно взятой семемы. Суть его сводится к тому, что доминирующий микрокомпонент значения будет всегда отрицаться в конструкции типа он/она не наименование лица (доминирующие семы представлены в скобках): не вратарь (не защищает ворота своей команды), не новатор (не вносит новые, прогрессивные идеи), не отпускник (не находится в отпуске), не очкарик (не носит очки), не паломник (не совершает паломничество).

Внутрисемемные отношения сем можно рассматривать и в синтагматическом плане, так как в структуре значения слова семы выстраиваются в некоторый упорядоченный ряд, складываясь в своеобразную предикацию. К примеру, сема лицо как бы управляет семой вид деятельности, а та, в свою очередь, семой местонахождение в семемах: курортник – кто? лицо, которое что делает? лечится и отдыхает, где? на курорте; пленный – кто? лицо, которое что делает? находится, где? в плену. Внутрисемемные синтагматические отношения сем отличаются строгой направленностью и могут быть представлены схематично: (кто?) архисема > (что делает? какой / какая?) интегральная сема принадлежности к тематической группе > (как? когда? где?) дифференциальные семы.

Практическая реализация ряда рассмотренных теоретических положений семной семасиологии, а также применение унифицированного семного метаязыка описания как одного из основных принципов лексикографической фиксации ЛЗ иллюстрируются следующими примерами статей толкового словаря русских наименований лиц:

АГЕНТ

1. Лицо, мужской / женский пол, представляет организацию / учреждение, выполняет служебные / деловые поручения;

– не-оценочное, незэмоциональное;

– межстилевое, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное.

2. Лицо, мужской / женский пол, действует в чьих-н. интересах, служит чьим-н. интересам;

– не-оценочное, незэмоциональное;

– межстилевое, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное.

3. Лицо, мужской / женский пол, состоит на службе в разведке какого-л. государства;

– не-оценочное, незэмоциональное;

– межстилевое, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное.

АКТЁРСКАЯ БРАТИЯ

Совокупность лиц, мужской / женский пол, объединенных на основе дружбы и профессиональных исполнительских интересов;

- неоценочное, шутовское;
- разговорное, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное.

АНОНИМЩИК

Лицо, мужской пол, пишет письма без подписи, сообщающие о ком–н. что–н. обидное, неприятное, компрометирующее;

- неодобрительное, презрительное;
- разговорное, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное.

Что касается двуязычной лексикографии, то в этом случае необходимы в дополнение к вышесказанному, контрастные исследования, которые позволяют на основе параллельного сопоставления сем в структурах переводных соответствий и семной дифференциации таких сопоставляемых пар выявить национальную специфику их семантики на семном уровне.

Обобщение опыта контрастных исследований значительного по своему объему лексического и фразеологического материала позволило разработать и применить на практике основные принципы реализации семного описания и контрастной методики в двуязычной контрастной лексикографии.

На наш взгляд, наибольший практический интерес для широкого круга пользователей вызывает дифференциальный толково–переводной русско–английский словарь наименований лиц, составленный на базе дифференциальной семантизации и дифференциальных семных толкований контрастно сопоставляемых лексических и фразеологических единиц в двух языках.

Дифференциальный толково–переводной словарь контрастного типа имеет следующую организационную структуру: единица исходного языка дается в нем в форме семного толкования, включающего результаты компонентного анализа трех основных макрокомпонентов её значения; толкование переводных соответствий данной единицы в иностранном языке содержит только национально–специфические (дифференциальные) семы.

Статьи словаря данного типа выглядят следующим образом:

АВТОМАТЧИК

1. Лицо, мужской пол, обслуживает самодействующее устройство, производящее работу по заданной программе;

- неоценочное, неэмоциональное;
- межстилевое, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное.

– automated machine operator в отл. от автоматчик : мужской / женский пол.

2. Лицо, мужской пол, входит в состав военизированной организации, вооружен автоматом;

- неоценочное, неэмоциональное;
- межстилевое, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное.

– submachine gunner в отл. от автоматчик : мужской / женский пол.

АКТЕР

1. Лицо, мужской пол, исполняет роли в спектаклях и фильмах;

- неоценочное, неэмоциональное;
- межстилевое, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное.

– actor в отл. от актер : мужской / женский пол.

2. Лицо, мужской пол, притворяется кем–л. или каким–л., скрывает истинные мысли и чувства в расчете на благоприятное впечатление;

- неодобрительное, отрицательно–эмоциональное;
- разговорное, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное.
- безэквивалентное.

Ср. bad actor

- Лицо, мужской пол, подлый и скандальный;
- неодобрительное, отрицательно–эмоциональное;
- сниженное: сленговое, общенародное, современное, американское, употребительное.

АМЕБА

Лицо, мужской / женский пол, отличается отсутствием воли и бесхарактерностью;

- неодобрительное, неэмоциональное;
- разговорное, общенародное, современное, общераспространенное, употребительное.
- безэквивалентное.

В целом подобная практика лексикографического описания лексических и фразеологических переводных соответствий исходного и фонового языков на семном уровне представляет собой новый этап в развитии современной лексикографии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды: В 2 т. Т.1: Лексическая семантика. Т.2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995. – 472 с.
2. Виноградов, В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. [Текст] / В.В.Виноградов. – Москва, 1977. – 588с.
3. Гак В.Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики: Сб. ст. М., 1972. – С.367–395.
4. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. М., 1960. Вып. 1. – С.215–262.
5. Ковтун Л.С. О значении слова // Вопросы языкознания, 1955. – №5. – С.25–31.
6. Кравец А.С. Топологическая структура смысла / А.С.Кравец // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Науч. изд. / Под ред. И.А.Стернина. – Воронеж, 2001. – С.20–33.
7. Кузнецов А.М. От компонентного анализа к компонентному синтезу / А.М.Кузнецов. – М. : Наука, 1986. – 126 с.
8. Маклакова Е.А. Наименования лиц в русском и английском языках (теоретические проблемы описания, контрастивный анализ семантики, национальная специфика): монография.– Воронеж: изд. "Истоки", 2009. – 353с.
9. Найда Ю.А. Наука перевода // Вопросы языкознания. 1970. №4. – С. 31–37.
10. Новиков Л.А. Семантика русского языка / Л.А.Новиков. – М.: Высш. шк., 1982. –424 с.
11. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004. – 258 с.
12. Попова З.Д., Стернин И.А. Семемный и семный анализ как методы в семасиологии // Язык и национальное сознание.– Вып.12.– Воронеж: "Истоки", 2009. – С.4–9.
13. Селиверстова О.Н. Труды по семантике / О.Н.Селиверстова. – М, 2004. – 960 с.
14. Смирницкий А.И. Значение слова // Вопросы языкознания, 1955. – №2. – С.4–11.
15. Степанов Ю.С. Номинация, семантика, семиотика // Языковая номинация. Общие вопросы. М.,1977. – С. 294–358.
16. Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова / И.А. Стернин. –Воронеж: Издательство ВГУ, 1979. – 156 с.
17. Стернин И.А. Ядро и периферия в лексическом значении слова // Семантические категории языка и методы их изучения. Ч.2. – Уфа, 1985. – С.81–83.
18. Стернин И.А., Саломатина М.С. Семантический анализ слова в контексте / И.А. Стернин, М.С.Саломатина. – Воронеж: издательство "Истоки", 2011. – 150 с.
19. Трубачев О.Н. Реконструкция слов и их значений // Вопросы языкознания, 1980. – №3. – С.3–14.
20. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Д.Н.Шмелев. – М., 1969. – 38с.
21. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.

© Е.А. Маклакова, (elena.maklakova5@mail.ru), Журнал «Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики»

ПРИ ПОДДЕРЖКЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОРУМ
ЭКОЛОГИЯ
БОЛЬШОГО ГОРОДА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, ЛЕНЭКСПО, павильон 7
20-23 МАРТА 2012

ОРГАНИЗАТОР
EXPOFORUM
 КОНГРЕССНО-ВЫСТАВОЧНЫЙ ЦЕНТР
 2012 / 2013 /

ГЕНЕРАЛЬНЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПАРТНЕРЫ

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ МЕДИА-ПАРТНЕР
РИА НОВОСТИ

СОВРЕМЕННАЯ КОСМОЛОГИЯ: КРИТИКА И НОВАЯ КАРТИНА МИРА

MODERN COSMOLOGY: CRITICISM AND A NEW PICTURE OF THE WORLD

A. Chesnokov

Annotation

The present article is a substantially reworked and supplemented by a large part of the material published in the anthology "The modern picture of the world. Building a new paradigm", Moscow, 1997. This item includes new, previously unpublished results.

Keywords: picture of the world, the big bang theory, cosmology, consciousness, time, metaphysics, relativity theory.

Чесноков Александр Семенович
Кандидат
физико–математических наук

Аннотация

Предлагаемая статья является существенно доработанной и дополненной частью большого материала, опубликованного в сборнике "Современная картина мира. Формирование новой парадигмы", М., 1997. В данную статью вошли новые, не опубликованные ранее результаты.

Ключевые слова:

картина мира, теория большого взрыва, космология, сознание, время, метафизика, теория относительности.

"Дети воспринимают мироздание как живое целое и спрашивают его: почему?"
Алекс Норк

Начнем с Теории большого взрыва.

И сразу укажем вывод, которому ниже будут даны доказательства: данная модель возникновения Вселенной исключает своё собственное описание; можно перефразировать: она семантически абсурдна.

Нужно сказать, что родившаяся в крайне примитивной форме Теория взрыва обрастала оговорками: (1) взрыв точки – нехорошо, точек в природе не бывает; (2) посчитали, якобы, диаметр взорвавшегося субстрата – вышло неубедительно, в том числе из-за слишком предположительных входных данных; (3) а зачем затруднять себя проблемой размеров? – просто была некая сверхплотная и сверхгорячая масса, взорвалась, стала расширяться и, остывая, создавать, путем фазовых переходов более и более сложные и разнообразные виды материи. (Антиматерия, которая тоже образовалась при взрыве, но почему-то в гораздо меньшем количестве, аннигилировала в излучения). Тем не менее, относясь к Теории взрыва методологически до конца последовательно, многие физики вынуждены признать некую точку и нулевой размер Вселенной до взрыва. Точнее – при взрыве, потому что сказать, что было "до", современная физика решительно отказывается, но (!) не отказывает этому "до" в существовании. Такая уловка возникла совсем недавно и ничего не изменила по сути, скорее, выдала ощущение неполноценности, которое возникло у самих же сторонников Теории большого взрыва. Возможно, какую-то

роль тут сыграла и наша критика, опубликованная почти пятнадцать лет назад и получившая тогда, в том числе, недовольные отклики.

Как-то в своем выступлении перед научной аудиторией академик Я.Б. Зельдович поставил следующий знаковый вопрос: "А что же было, когда времени не было?"

Эта фраза великолепно выражает семантическую абсурдность Теории большого взрыва, но прежде чем ей подробно заняться, обратимся к еще одному высказыванию.

"Мир имманентен человеческому сознанию" – Н.О. Лосский. Это не лозунг, не отражение внутренней философской уверенности – это доказательный вывод, полученный великим философом в работах "Обоснование интуитивизма" и "Мир как органическое целое".

Для нас тут важен обратный ход мысли: если у организованного словом человеческого сознания высказывание вызывает отталкивающую реакцию, то есть не принимается в данном виде и не поддается эффективной интерпретации, перефразированию или чему-либо в этом роде, оно выпадает из фундаментальной имманентности "мир-человек"; или проще: высказывание ложно.

Вернемся теперь к фразе знаменитого физика. Сначала ко второй части: "... когда времени не было".

Здесь речь идет даже не о событии, хотя любое из них существует во времени. "Было" – частица "не" ничего не меняет – отражает всегда состояние, то есть некую продолжительность.

Сам же глагол "быть" ("было–есть–будет") имеет своим атрибутом (неотъемлемой частью) время. А вся фраза Я.Б. Зельдовича законно уточняется следующим образом: "Что было в то время, когда времени не было?"

В то время, когда его не было?

Не следует искать выход в поиске других, заменяющих "быть" глаголов. Глагол "быть" является главным вспомогательным к другим глаголом, и именно во временных конструкциях. Например, "существовала", "существует", но (!) будет существовать.

Рассмотрим теперь семантическую несостоятельность Теории большого взрыва с другой стороны, и снова столкнемся с крайней противоестественностью модели человеческому сознанию.

Была точка (а может быть, и не точка, а некий компакт), и вот взорвалась.

Взрывы не новость.

Однако точка стала расширяться.

Взрыв – не взрыв, здесь уже неважно, важно – куда стала расширяться точка?

А в никуда.

Кроме точки, до взрыва, не было ничего.

Ничего кроме точки – отправной момент всей Теории, та ее оригинальная часть, без которой нет самой теории.

Расширяться можно только куда–то, то есть требуется пространственное окружение расширяющегося объекта.

Даже Царь–горох не решился посылать Ивана "в никуда" – народ бы не понял. Поэтому прозвучало: "не знаю куда", а окрестных пространств было сколько угодно.

Теперь – другое дело, выучились. И "в никуда" стало таким же понятным, как: "было, когда не было времени".

Ладно, если язык человечества современным физикам не указ, подойдем с чисто технической стороны.

Пусть нечто эквивалентное 50 граммам тротила взорвалось в свинцовом ящике с полуметровыми стенками – ящик расширится?

Даже не шелохнется; внутри произойдет изменение состояния вещества, например: твердое – газообразное. Следовательно, взрыв еще никакого расширения и вообще внешнего изменения в качестве обязательного не предполагает. Мощный изолятор может исключать какие–либо возмущения внешней среды. Тогда какие возмущения могут быть, если внешней среды просто нет? Разве это не самый идеальный изолятор для любого взрыва?

Обратим теперь внимание на позитивную часть Теории большого взрыва, позитивную в очень неожиданном смысле.

По сути, современная физика признала метафизику, под которой здесь правильно понимать условия существования того объектного многообразия, которое изучается этой наукой.

К этим условиям относятся: природа Большого взрыва; что–либо ему предшествовавшее; порожденная взрывом скорость расширения Вселенной; выделившееся первым гравитационное взаимодействие; антиматерия, которой образовалось "вот именно столько" и т.д. и т.п. – что это как не предопределение последовавшего физического мира? В том числе: почему гравитационная постоянная обрела это значение, а не иное?

Сходные метафизические вопросы можно предъявлять и к модели стационарной Вселенной, где всё вершит "темная материя". Хотя здесь концы так упрятаны в воду, что вся история смахивает на манипуляцию сознанием, собственным и чужим.

Итак, современная физика признает метафизику, только делает это в неявной и очень неловкой форме.

Мы предлагаем вниманию читателей новую физическую модель, основанную всего на одном, и вполне естественном, метафизическом постулате. Параллельно будут высказаны серьезные критические замечания в адрес Специальной теории относительности.

Прежде всего, отметим, что метафизика не имеет ничего общего с формализацией. Она никогда не выходит за пределы реальности (куда включается и нормальное человеческое сознание) и очень строго следит за "живыми" смыслами слов. А отмеченное нами выше признание современной физикой метафизики вовсе не означает сознательный акт, это реакция бессилия с попытками выйти из положения именно формальными методами.

Теперь, в связи со сказанным, попробуем оттолкнуться от реалистической и наиболее емкой природной среды, – от океана.

И сразу вопрос для обдумывания: что было бы в нем/с ним, если бы волны по частоте и амплитуде были везде и всегда одинаковы?

Какая–то жизнь идет и в болоте, но незавидная; к тому же, большая часть этой жизни там не родившаяся, а занесенная.

И с другой стороны: представить себе в океане что–то "организованное" при постоянной сильной волне – весьма затруднительно.

Позволим себе, наконец, сформулировать тот самый метафизический постулат: фундаментальным космологическим (космогонным) уровнем является сила волнового характера.

Добавим к этому: линейная скорость указанной волны объективируется фотоном и составляет (здесь и сейчас) величину c .

Итак, океан.

И представим себе на воде некое живое физическое тело, например, водяного паучка (далее – П). Океан воспринимается П лишь происходящими от движения волн событиями, и именно этот поток событийности дает П представление о времени. Пространственным ориентиром для П можно считать звездное небо или его отражение на волне.

Теперь есть всё необходимое для вывода формулы относительности времени.

Пусть паучков два. Первый (П1) остался на месте, второй побежал по ходу волны и набрал скорость V . С точки зрения оставшегося П1 общее количество движения в его системе и в системе убегающего собрата должно быть одинаковым.

Формально это означает, что за время t в системе первого паучка пройдет волна длиной Ct (которая и несет все события, т.е. составляет бытие П1). Зная лишь, что второй – П2 – движется от него со скоростью V , можно утверждать, что количество движения в его системе будет складываться из двух величин: линейного движения Vt , о котором П1 имеет полное представление как о движении в собственной системе, и Ct_H , где t_H – неизвестная для первого паучка величина, так как он ничего не знает о длине космической волны в другой системе (т.е. о жизни своего коллеги, находящегося вне исходной первоначальной системы).

Полагая таким образом полную независимость величин Vt и Ct_H , можно составить тривиальное соотношение:

$$C^2 t^2 = V^2 t^2 + C^2 t_H^2,$$

или известную формулу:

$$t_H = t \sqrt{1 - V^2 / C^2}$$

Это, подчеркнем, с позиции наблюдения П1.

Согласно формуле Эйнштейна, при $V = C$ $t_H = 0$, т.е. время у П2 с точки зрения П1 остановится. А при $V \rightarrow C$ время станет мнимым.

Если продолжать рассуждения в рамках нашей "паучковой" модели, вывод о нулевом и мнимом времени будет выглядеть совсем иначе.

Достигнув скорости C , П2 перестанет воспринимать океанскую волну – все застынет.

Зато для него начнут двигаться звезды (или их отраженные в воде образы). Со скоростью C .

В результате, волновая частотность водной поверхности перестанет существовать и весь волновой процесс, определяющий время в системе первого паучка, превратится для второго в пространство. Вместе с этим начнут двигаться пространственные ориентиры. То есть время и пространство у П2 поменяются местами.

И хотя по мнению П1 время в системе П2 должно остановиться, ничего подобного для последнего не произойдет не только на его биологическом уровне, но и ни в каком физическом смысле тоже.

Время будет определяться той же волновой скоростью, а следовательно, и теми же частотными характеристиками, что и раньше. Другими словами, в обеих системах время будет течь одинаково.

Однако произойдет "трансформация": время – пространство, масса – энергия. Время нами трактуется как движущееся пространство или, менее определенно, но ближе к сути, – событийность; энергия – как движение материи, но не в смысле mv , а в смысле mc .

Опуская ради краткости некоторые сюжеты, проследим дальнейшее путешествие П2.

Предположим, что П2, находясь уже в новом пространстве, опять набрал скорость C . Пространство и время вернулись в начальное (нулевой скорости) состояние? Да, но не только.

В этом новом состоянии ($C \& C$) волновой процесс становится противофазным. Здесь П2 затрачивает энергию для подъема на гребень волны, в то время как П1 набирает такой же точно энергетический потенциал. При этом П2 затрачивает на подъем всю кинетическую энергию, иначе "остаток" позволял бы ему двигаться в пределах пространства со скоростью больше C .

В итоге можно получить известную формулу полной энергии для неподвижного состояния П1: $E \equiv mc^2$.

При первом C -переходе происходили масса-энергетические и пространственно-временные трансформации, при ($C \& C$)-переходе происходит трансформация (относительно начального состояния) пространство – масса, а время и энергия не меняют своих позиций. Этому нет строгого доказательства, но хорошо свидетельствует, хотя и требующая некоторого напряжения, умозримая картина.

Нетрудно видеть, что ситуация ($C \& C$) симметрична относительно начального состояния с указанной выше разницей: пространство – масса. Иллюстрацией может служить расположение П2 на "внутренней" стороне волны, и следующий двойной переход возвращает весь комплекс – пространство-масса-энергия-время – к начальному состоянию.

Описанные преобразования можно, таким образом, представить в следующем виде:

$$\begin{array}{cc}
 / \text{Эн}(C) & / \text{Вр}(C) \\
 \text{Масса} - \text{Пр}(2C); & \text{Пространство} - \text{М}(2C); \\
 \backslash \text{Вр}(3C) & \backslash \text{Эн}(3C) \\
 \\
 / \text{Пр}(C) & / \text{М}(C) \\
 \text{Время} - \text{Вр}(2C); & \text{Энергия} - \text{Эн}(2C). \\
 \backslash \text{Пр}(3C) & \backslash \text{М}(3C)
 \end{array}$$

Итак, четвертый переход возвращает всё "на круги своя"?

Не совсем.

Элементы комплекса встанут, каждый, не на свое место.

Мы вовсе не утверждаем, что "так не надо".

Но чтобы они встали на свои места, придется проделать относительно первоначального состояния три раза по три. Например:

$$\begin{array}{l}
 M \rightarrow \text{Вр}(3C) \rightarrow \text{Вр}(4C) \rightarrow \text{Пр}(5C) \rightarrow \\
 \rightarrow \text{М}(6C) \rightarrow \text{Э}(7C) \rightarrow \text{Э}(8C) \rightarrow \text{М}(9C);
 \end{array}$$

т.е. $M = \text{М}(9C)$.

Разумеется, говоря о всех $K \cdot C$ состояниях, мы имеем в виду не фактические, а мыслимые миры (называемые иногда – "универсумы").

Откорректируем теперь некоторые выводы специальной теории относительности, опираясь на предложенный нами волновой процесс. И сразу откажемся от собственных интерпретаторам этой теории измерений (кто-то плывет по реке, а кто-то идет с рулеткой по берегу и т.п.)

Итак, П1 начинает рассуждать о своем убежавшем собрате, где действует неизвестная волновая событийность Sn . Какой же вопрос он прежде всего задаст? Как там течет время? Но у него нет сведений, что время вообще может быть разным. Поэтому он только может сделать предположение, что совокупный событийный процесс у П2 тот же.

$$\text{А именно: } C^2 t^2 = V^2 t^2 + C_H^2 t^2.$$

Инвариант t , как и ожидалось, оказывается исключенным, и окончательно:

$$C_H = \sqrt{C^2 - V^2}$$

Сама по себе эта формула не новая, но позволяет сделать некоторые новые шаги. Прежде всего побуждает наблюдателя П1 решать проблему пространственно-вещественного единства, т.е. своих mC и $m_H C_H$. Последний сомножитель – C_H – ему известен, и значит, в попытке добиться равенства (закона сохранения), он сделает известный вывод Эйнштейна:

Правильный это вывод?

Конечно, нет! П2 ведь движется со скоростью V . И не относительно П1, это вторично. А относительно волны.

$$m_H = \frac{mC}{\sqrt{C^2 - V^2}}$$

Следовательно:

$$m^2 C^2 = m_H^2 C_H^2 + m_H^2 V^2.$$

То есть, $m_H = m$.

Так же, примерно, можно показать "эффект удлинения".

Пусть две инерциальные системы движутся со скоростью C . Во второй системе отрезок L начинает двигаться со скоростью V . С точки зрения первой системы

$$L_H^2 C^2 = L^2 C^2 + L_H^2 V^2,$$

откуда легко получить формулу, аналогичную предыдущей.

Причину бесконечных возрастаний длин-масс в Теории относительности легко объяснить следующим недоразумением.

Неотличимость двух инерциальных систем – вполне естественный постулат, однако вместе с этим в основание Теории вводится понятие независимости систем и, одновременно, возможность наблюдения (!) одной из другой.

Строго говоря (а о фундаментах "чего-то" надо всегда говорить строго), независимость слишком серьезная категория, чтобы передавать ее одним словом, на уровне произвольного восприятия.

Что это такое "независимость"? А тем более координатная?

Две системы болтаются вне всякой связи друг другом, а из одной, к тому же, наблюдают другую и – в ней происходящее.

Если добавить к такому "фундаменту" фразу Я.Б. Зельдовича, получится уж точно похлеще "Фауста" Гете!

Это к окончанию статьи, тему которой автор хотел бы продолжить.

Но лучше, если это сделают сами физики (автор – математик).

И попытаются ответить на вопросы:

О соизмеримости пространства-массы-энергии-времени ("эквивалентности единиц").

Автор (возможно, ошибочно) придает значение величине – корень гравитационной постоянной на C (выраженной длиной секунды) и видит связь этой величины с линейной плотностью электрона.

О "заоснованности" времени в космическом волновом процессе.

О различности этого процесса в космо-пространстве и времени, как механизма космогонии.

НАШИ АВТОРЫ OUR AUTHORS

Aleshin V. – Ph.D. of Philosophy Science, professor of Moscow Technological University "Stankin"

e-mail : spip96@yandex.ru

Chesnokov A. – Ph.D. of Physics and Mathematics Science

e-mail : a1.b2.c4@yandex.ru

Gnezdilova G. – Graduate student, Taganrog State Pedagogic Institute named A.P.Chehova

e-mail : khomyaki@mail.ru

Gorak A. – Dr., adjunct University of Maria Curie-Skłodowska (Lublin, Poland)

e-mail : agorak@yandex.ru

Gorelova L. – Ph.D. of Education Sciences, Senior Lecturer, Saratov State University named N.G. Chernyshevsky

e-mail : Gorelovi@rambler.ru

Grebenkin I. – Doctor of historical sciences, associate professor of Ryazan State University named S.A. Esenin

e-mail : grin17.66@mail.ru

Hvorostinina N. – Educational psychologist, MBKOU a kindergarten general developmental a kind with priority realization of activity in a direction of socially-personal development of children № 29, Nizhny Novgorod, Russia

e-mail : e-serebrya@yandex.ru

Kirillov A. – Ph.D. of Historical Sciences, Associate Professor of Specialized Educational and Scientific Center of Novosibirsk State University

e-mail : alkir.nsk@gmail.com

Kovaleova M. – Ph.D. of Historical Sciences, Associate Professor, FBGOU VPO "The State university – an educational, scientific and industrial complex" (Orel)

e-mail : lenhorlens@mail.ru

Kulikov S. – Ph.D. of Historical Sciences, Senior Research Fellow, S.-Petersburg Institute of History of RAS

e-mail : sergeykulikov70@mail.ru

Kuzmina A. – Graduate student of the department of social and pedagogical computer science of Russian state social university

e-mail : awkuzmina@mail.ru

Leonov M. – Ph.D. of Historical Sciences, Associate Professor, Samara Academy of State and Municipal Management

e-mail : Michael_leonov@mail.ru

Maklakova E. – Ph.D. of philological Science, associate professor, Voronezh Forestry Engineering Academy

e-mail : elena.maklakova5@mail.ru

Maksachuk E. – Ph.D. of Education Sciences, Moscow State Academy of Physical Culture and Sport (Moscow Region, Ramenskoe district)

e-mail : Kate-Maksachyk@yandex.ru

Minakov A. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Orel State University

e-mail : minakovas@bk.ru

Mindlin Y. – Ph.D. of economic sciences, Associate Professor, Russian State Tax Academy of the Ministry of Finance of the Russian Federation

e-mail : mindliny@mail.ru

Pashinyan I. – Ph. D. of Sociological Science, Deputy Executive Director International Academy of Television and Radio

e-mail : izabella_pashinyan@yahoo.com

Raspopin E. – Graduate student, Humanities University (Ekaterinburg)

e-mail : ev73@mail.ru

Saginadze E. – Graduate student of Saint Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences

e-mail : lelya-rus@mail.ru

Serebryakova T. – Ph. D. of psychological Sciences, Associate Professor, The Nizhny Novgorod state pedagogical university named K. Minina

e-mail : e-serebrya@yandex.ru

Shelyakhina N. – Ph.D. of sociological Science, Associate Professor, Saratov State Technical University

e-mail : s_nataliya@inbox.ru

Zylova O. – Graduate student, Humanities University (Ekaterinburg)

e-mail : cool24@yandex.ru

Требования к оформлению рукописей статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно–практического журнала "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе "Антиплагиат".

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно–практический журнал "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением ".doc", или ".rtf", шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1–2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0–11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные – 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф–редактору научно–практического журнала "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" (e–mail: redaktor@nauteh-journal.ru).

**ТРЕТЬЯ ЕЖЕГОДНАЯ
РОССИЙСКО-КАЗАХСТАНСКАЯ
ПРОМЫШЛЕННАЯ ВЫСТАВКА
ПЕРВЫЙ АЛМАТИНСКИЙ
ПРОМЫШЛЕННЫЙ ФОРУМ
EXPO-RUSSIA KAZAKHSTAN 2012**

29-31 мая 2012 г.

Республика Казахстан, Алматы
RIXOS ALMATY

ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКА И
ЭНЕРГОЭФФЕКТИВНОСТЬ
НЕФТЕГАЗОВАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ
МЕТАЛЛУРГИЯ, НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
В МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
ВОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО
ТРАНСПОРТНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА
МАШИНОСТРОЕНИЕ
ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫЕ И
ИННОВАЦИОННЫЕ ОТРАСЛИ
ТЕЛЕКОММУНИКАЦИИ И СВЯЗЬ
ОБРАЗОВАНИЕ
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ И
СТРОИТЕЛЬНАЯ ТЕХНИКА
СТРОИТЕЛЬСТВО И ПРОЕКТИРОВАНИЕ
ПИЩЕВАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

В рамках выставки состоится **I АЛМАТИНСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ БИЗНЕС-ФОРУМ:**
«Единое экономическое пространство – новые перспективы, условия и возможности для инновационного
пути развития предприятий малого и среднего бизнеса»

ОРГАНИЗАТОР:

ОАО «Зарубеж-Экспо»

СООРГАНИЗАТОРЫ:

Торгово-промышленная палата Российской Федерации
Международная ассоциация фондов мира (МАФМ)
Торгово-промышленная палата Республики Казахстан

ПАТРОНАЖ:

Торгово-промышленная палата РФ

ПОДДЕРЖКА:

Министерства иностранных дел РФ
Министерства промышленности и торговли РФ
Министерства экономического развития РФ
Министерства образования и науки РФ
Торгово-промышленной палаты Республики Казахстан
Отраслевых министерств и ведомств Республики Казахстан

МЕСТО ПРОВЕДЕНИЯ:

RIXOS ALMATY
Республика Казахстан, Алматы

КОНТАКТЫ:

Москва, ул. Пречистенка, 10
Тел: +7 (495) 637-50-79, +7 (499) 766-99-17
многоканальный номер: +7 (495) 721-32-36
E-mail: info@zarubezhexpo.ru
www.zarubezhexpo.ru
www.exporf.ru